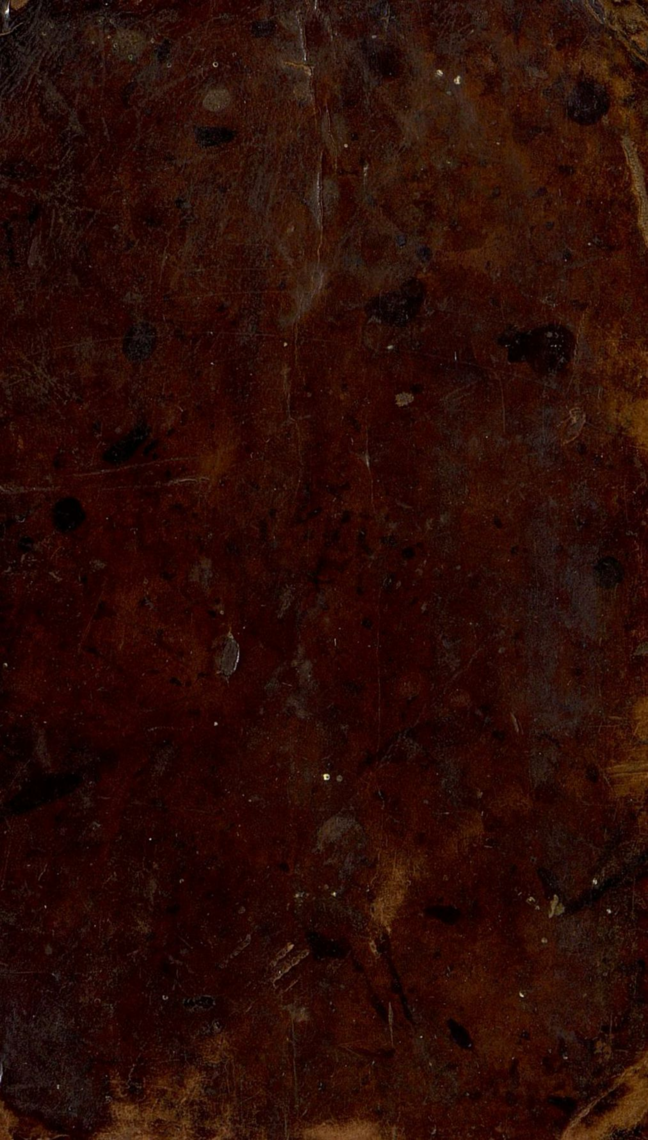

Благодаров N 2953

Сія книга
куплена
въ С.петербургѣ
Муромскимъ
купецкимъ сыномъ
Никифоромъ
Степановичемъ
Суздальцовымъ
Іюня 15го дня
1832 года

3/67

ПОЛЕЗНОЕ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И ДЛЯ ВСЯКАГО ВОЗРАСТА,

Содержащее въ себѣ нравоучительныя повѣствованія, нѣкоторыя статьи естественной исторіи, разсужденія, руководствующія къ добродѣтели и мудрости, басни, Анектоты и проч.

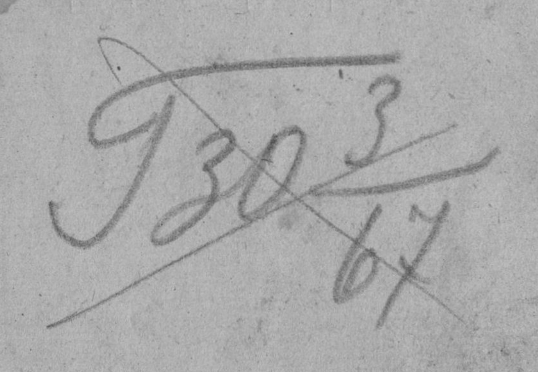
Собрано изъ лучшихъ иностранныхъ Сочинителей.

Съ Указнаго дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ,
въ типогр. при Театрѣ у Хр. Клаудія, 1788 года.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО

Милостивый Государь!

Почитая искренно достоинства и добродѣтели Ваши, осмѣливаюсь приписать имени Вашего Сіятельства сіе приношеніе.

Удостойте, милостивый Государь, оное благосклоннаго Вашего одобренія, и примите

вЪ

въ свое благопризрѣніе того, который съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣетъ честь быть всегда

Милостивый Государь,

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Всепокорнѣйшій слуга
Яковъ Благодаровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Между множествомъ полезныхъ сочиненій, вышедшихъ на нашемъ отечественномъ языкѣ для *дѣтскаго чтенія*, служащихъ наиболѣе ко внушенію юнымъ читателямъ нужныхъ и полезныхъ свѣдѣній, образованію ихъ сердца и наставленію ихъ въ добродѣтели, можетъ занять не послѣднее мѣсто и предлагаемая нами для *юношества* книга. Помѣщенныя въ ней піэсы выбраны изъ лучшихъ иностранныхъ сочинителей и суть такого свойства, что они нечувствительнымъ образомъ могутъ, такъ сказать, составить въ младыхъ чита-

читателяхъ хорошія *сердца* и *мысли*, вперить благіе *нравы*, наставить *въ праводушіи* и *честности*, вкоренить въ нихъ привычку *повиноваться* и *быть въ трудахъ*, не чувствуя *скуки* и *грусти*; словомъ: могутъ показать путь къ добродѣтели и мудрости, какъ къ двумъ вещамъ, составляющимъ щастіе и благополучіе нашихъ дней. — Пользуйся, благосклонный читатель толико полезною книгою безъ нареканія! Одобреніе твое возбудитъ во мнѣ желаніе къ большимъ трудамъ, которые, хотябъ были и тягостны, для пользы и удовольствія ближняго предпринимать, я почитаю несравненнымъ щастіемъ.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Сея Книги.

XVIII.

I.

АМУРАТЪ

ИЛИ

ГЛАСЪ СОВѢСТИ.

Амуратъ, Султанъ восточный, судья народовъ и ученикъ несчастія, повѣствуетъ самъ чудныя приключенія въ жизни своей. Да смирится гордѣливецъ и будетъ почтенъ, да исправится плотолюбецъ и будетъ щастливъ. Ангелъ смерти закрылъ очи Султану Абралиму, отцу моему, мнѣ было осмнатцать лѣтъ какъ достигъ я до Имперіи. Печаль была единое чувствіе, каковое прежде всего узналъ, и она

 заклю-

заключила душу мою отъ всѣхъ чувствїи гордости. Я съ негодованїемъ принималъ жертвы рабства и принуждалъ ласкательство стыдится собственныя своея нискости. Родитель мой сколько мнѣ внушалъ почтенїя столько и любви. Всегда имѣлъ я передъ глазами сїе священное и торжественное явленїе въ которомъ умирающїй его гласъ призывалъ небо для испрошенїя милости сыну своему и молилъ его воспомоществовать мнѣ въ понесенїй тягости, дабы не было оно наконецъ тяжко моимъ предмѣтамъ.

Въ одинъ вечеръ по прошествїи всего дня въ уединенїи и печалѣ, пришелъ я къ его гробницы и повергся на гробъ его. Печаль снѣдала мое сердце, но благородная гордость039 возвысила мою бодрость и великолѣпный видъ сего гроба внушалъ мнѣ жаръ чтобъ сравниться съ тѣмъ Героемъ, коего онъ заключилъ пепел Вдругъ услышалъ я гласъ назы

ваюшї

вающїй меня именемъ моимъ. Я обратился и узрѣлъ человѣческїй образъ, коего очи были стольже проницательны какъ свѣтъ, и брада также была бѣла какъ снѣгъ. Я, сказалъ онъ мнѣ, духъ Сандарикъ, другъ отца твоего Абрадима, ужасъ враговъ его, и увеселенїе Абрадима и его народа, коего улыбка производила радость какъ утреннее свѣтило и коего гнѣвъ былъ столь же страшенъ какъ буря.

Повинуйся моему наставленїю и ты уподобишся ему. Я ниско поклонился, а онъ мнѣ покраснѣвши надѣлъ на палецъ кольцо, коего цвѣтъ былъ блестящїй. Кольцо сїе, сказалъ онъ мнѣ, будетъ тебѣ показывать границы добра и зла, и безъ исканїя дальнѣйшихъ слѣдствїи разумъ твой можетъ проницать въ другъ естество и конецъ каждаго изъ твоихъ дѣйствїй, внимай сему тайному увѣдомленїю, и естьли золотое кольцо пожметъ когда палецъ

нечаяннымЪ жанїемЪ и цвѣтЪ оной побледнѣетЪ, то отрекисЪ отЪ твоихЪ намѣренїевЪ и впечатлей вЪ памяти твоей, что дѣйствїе, которое ты принималЪ противно правосудїю и честности. Я взялЪ кольцо сЪ чувствительною благодарностїю, которую удивленїе мое не позволяло мнѣ изЪяснить. ДухЪ примѣтилЪ мое смятенїе, обратился ко мнѣ сЪ прїятнымЪ видомЪ и вЪ скорѣ изчезЪ.

ВЪ первой мѣсяцЪ бодрствовалЪ я надЪ собою сЪ такимЪ вниманїемЪ что удовольствїе видѣть мое кольцо столь спокойнымЪ, заставляло меня сумнѣваться о его силѣ. Я прилагалЪ мое старанїе кЪ общимЪ дѣламЪ и задумчивость моя изчезла. Я не хотѣлЪ самЪ останавливать очень долго удовольствїя моего Двора и приказалЪ приготовляться кЪ львиной охотѣ. Я рѣшился на то болѣе для угожденїе другимЪ нежели для своего. Мой привыкшїй

выкїшїй жаръ воспламѣнился въ долинѣ, но онъ былъ безполезенъ: охота была безчувственна, и я возвратился въ чертоги мои, будучи обремѣненъ усталостїю и скукою. Вшедши въ сералъ, малинькая собачка принадлежащая отцу моему, бѣгала округъ меня чтобъ изъяснить свою радость.

Я не былъ расположенъ принимать ласкательства и въ жару своемъ ударилъ ее ногою и оттолкнулъ подъ софу. Въ незапу почувствовалъ я что кольцо мое жало мнѣ палецъ и смотря краску примѣтилъ цвѣтъ ея почернѣвшїй. Съ перва я удивился, но удивленїе мое скоро обратилосъ въ негодованїе. Какъ, вскричалъ я, Султанъ Амуратъ, который получалъ подати, отъ земныхъ Королей, который содержитъ въ Десницѣ своей жизнь народовъ; Амуратъ не можетъ ударить собаку, которая безпокоитъ его, безъ того, чтобъ не укоряли его въ наруженїи справедли-

вости. Кольцо мое снова пожало мнѣ палецъ и сдѣлалось блѣднѣе. Въ другъ чертоги мои потреслись отъ удара грома, и духъ Сандарика предсталъ предъ меня.

Амуратъ, сказалъ онъ мнѣ, ты обидилъ существо, которое, такъ какъ и ты, получило отъ всемогущаго чувствія печали и удовольствія, удовольствіе которое бы твое своенравіе не должно прекращать, печальже которую ободрить имѣетъ только право справедливость. Естьлибъ довольну быть для того чтобъ отягощать предъ собою нискаго состоянія людей, то не могъ ли бы я самаго тебя отяготить, и сила моя неоправдала бы мою строгость. Но я щажу тебя по моей благости, и прощаю тебя понеже ты можешъ быть покоренъ. Однако не ожидай чтобъ я отвѣтствовалъ на всѣ твои вопросы, и что я всегда позволяю искушать мою благость. Помни только что малая ошибка приводитъ

насъ

насъ къ большимъ и вѣрь твоему кольцу. Охота была несчастна, я не желалъ предприняшь другую, но пригласилъ первыхъ особъ Имперіи къ пиршеству и балу. Я желалъ чтобъ все было безъ всякой церемоніи и забылибы чинъ мой, дабы обходится со мною какъ съ равными. Я самъ подалъ знакъ вольности. Но показывая что презиралъ пышность величества, не имѣлъ довольно великодушія чтобъ не почувствовать сего. Я ласкался принужденымъ почтеніемъ, каковое имѣли ко мнѣ, и внутренно негодовалъ на Алебега, моего визиря, который думалъ мнѣ понравится въ вольности удовольствїя, самимъ мною позволеннымъ, и почиталъ меня довольно великодушнымъ, чтобъ я могъ любить хотя нѣкоторыя минуты мнимую вольность моихъ подданныхъ. Искавши моей милости привлекъ онъ на себя гнѣвъ мой, и я силился его осмѣять. Кольцо мое меня увѣдомило, и я пере-

сталъ на нѣсколько минутъ. Придворныя мои узнавъ мои намѣренія принаравливались къ онымъ, и тотъчасъ удовольствовали мое негодованіе и мщеніе. Я сѣлъ за столъ и упиваясь въ пьянствѣ хотѣлъ забыть кольцо и его совѣты. Насмѣшка моя была очень надъ Алибегомъ язвительна и онъ болѣе приведенъ былъ въ замѣшательство. Кольцо мое жало меня безпрестанно и я очень былъ доволенъ терпѣніемъ моего визиря, и не хотѣлъ огорчить. Алибегъ, узнавши мою слабость и презрѣніе: Амуратъ, сказалъ онъ мнѣ съ спокойнымъ видомъ, есть либъ Султанъ зналъ, что по приглашеній друзей своихъ къ удовольствію и свободѣ, которая ему нужна, вы приняла его власть, и обидили тѣхъ, которыя не думали, чтобы дружба и вольность васъ огорчила. Жестокость сего выговора изторгнула мои ругательства и изъ человѣка разгореченнаго виномъ содѣлали меня не истовымъ.

Я

Я всталъ и отторгнулъ его отъ стола едва не заколовъ. Надлежало бы мнѣ вознамѣриться предъупредитъ сїи выговоры, и я болѣе ничего не желалъ какъ избавиться отъ присудствїя безпокойнаго духа. Безпорядки моего поведѣнїя умножилися постепенно, и увѣдомленїя моего кольца стали менѣе чувствительны сколь преджѣ были часты; вскорѣ потомъ стали они обыкновенны, такъ, что мое сердце и палецъ мой не могли оныхъ примѣтить.

Будучи тогда доволенъ моимъ ожесточенїемъ, и думая что позволилъ себѣ всѣ излишества тиранства; рабство меня окружало. Я не желалъ болѣе имѣть подданныхъ, а хотѣлъ чтобъ были одни только неволники. Я ихъ съ лишкомъ презиралъ, чтобъ удостоить ихъ притѣснять самъ собою, я поручилъ Имперїю мою подлѣйшимъ Тиранамъ, дабы совершенно предатся разпутности. Я имѣлъ увеселенїе по-

среди моего сераля. Чувства мои познали можетъ быть нѣкогда гнусность страсти, но душа моя не познавала болѣе любви, и она не удостоивалась оную познать. Однакожъ я еще не омылъ рукъ моихъ кровїю, и не уничтожилъ законы, которыхъ я не хотѣлъ исправлять. Негодованїе мое на Алибега хотя и не справедливо, но я былъ непримиримъ, и онъ довелъ меня до сильнѣйшей ненависти; поносно я лишилъ его мѣста и содержалъ его всегда при дворѣ для того, чтобъ жизнь его заражать ядомъ, и непрестаннымъ ругательствомъ, и поражать его всегда подобнымъ описанїемъ моего мщенїя.

Селима, дочь сего Визиря, была опредѣлена мнѣ отцемъ моимъ супругою, и сей бракъ былъ оставленъ единою его смертїю. Алибегъ долженствовалъ получить изъ сего союза новое сїянїе, и сего было довольно для перемѣненїя моихъ предприятїя.

пріятія. Но разумъ и красота Селимы принуждала меня ненавидеть мщеніе мое. Я любилъ ее, но въ любви моей находилъ я только средство къ удовлетворенія своея ненависти. Я рѣшился прельстить и держать нѣсколько дней въ сералѣ и постыднымъ образомъ отослать ея, когда красота ея уступитъ прелестямъ непостоянства. Къ щастію предъпріятіе сіе было безполезно, она обременила меня укоризнами и говорила со слезами. И какую бы имѣла добродѣтель силу, естьлибы порокъ не былъ принужденъ почитать ее. Несчастіе, которое я старался нанестъ другимъ, ниспало на меня.

Добродѣтель Селимы была большое торжество для ея отца и поношенія для ея господина. Мысль сія привела меня въ трепетъ, но желанія мои сдѣлались нужными. Я помышлялъ только о удовлетвореніи ихъ, и вознамѣрился облегчить мученія

ченія мои принуждая Селиму повиноваться страстямъ моимъ. Она по моему повелѣнія занимала особенный покой въ сералѣ: я вошелъ къ ней ночью постороннею дверью. Но сколь удивился! Я не нашелъ тамъ Селимы...... обмануту быть такимъ образомъ въ предпріятіяхъ своихъ, въ ту самую минуту, въ которую не сомнѣвался я болѣе о успѣхѣ. Безумство овладѣло мною, я не старался болѣе скрывать мои поведенія. Я призвалъ женъ Селимы, кои предстали мнѣ блѣдными и трепещущими. Я спрашивалъ ихъ о госпожѣ, они смотрѣли на меня съ удивленіемъ и оглядывались другъ на друга съ крайнимъ молчаніемъ.

Съ яростію повторилъ я вопросъ мой, грозилъ, и дабы болѣе устрашить ихъ, пришли служители смерти.

Тогда они всѣ повергались къ ногамъ моимъ, и объявили общимъ

гласомъ

гласомъ что не знали гдѣ она находится, что оставили ея вечеромъ сидящею на софѣ и что точно она не видала ни кого съ той минуты. Они твердо стояли въ семъ объявленіи сколь ни было не вѣроятно. Смятеніе разпростерлось по всѣмъ чертогамъ и я принужденъ былъ удалится не зная срѣдствъ, кои употребляли для презрѣнія меня, и не зная кого мнѣ наказывать. Я нашелъ новую притчину мстить Алибегу.

Поутру велѣлъ я его взять и привесть предъ себя. Въ то время какъ располагались исполнить мои приказанія, онъ пришелъ повергся къ ногамъ моимъ, и говорилъ слѣдующимъ образомъ. Да насладиться Султанъ Амуратъ коего смерти исполняетъ гнѣвъ всегдашнею милостія небесъ. Я тебѣ не понравился, я заслуживаю смерть ожидаю ее, но вспомни о Селимѣ, возврати мнѣ дочь мою, удостой сожаленія слабость ея, и не наказывай за добро-

дѣтель

дѣтель ея. Какъ ты смѣешъ, вскричалъ я, требовать у меня дочь, которую ты самъ похитилъ, ужель ты дерзаешъ испрашивать мое милосердїе, ты котораго щадилъ я толико разъ при всѣхъ поношенїяхъ моихъ, отдай мнѣ ее сей часъ, иначе злоупотребленїя милостей моихъ будетъ тебѣ стоитъ жизни. Ахъ, отвѣтствовалъ онъ, мы слабы, ты силенъ, да испуститъ она послѣднїй вздохъ такъ какъ и отецъ ея: но по крайней мѣрѣ позволь намъ вмѣстѣ умереть.

Хотя я тогда былъ убѣжденъ, что Алибегъ думалъ, будто я заключилъ дочь его и осудилъ ея, однако его отослалъ возобновить приказъ, ее представить чрезъ часъ подъ смертною казнїю.

Кольцо мое во время всѣхъ сихъ произшествїй жало меня безпрестанно и увѣдомляло меня о проступкахъ моихъ, которые я не внималъ,

и

и подавило мнѣ палецъ съ толикимъ усилїемъ, что причинило мнѣ великую боль. Я удалился и произнесъ неистовство мое сими словами. Неужели Амуратъ нещастный невольникъ не видимаго Тирана противящагося его власти, и укоряющаго его во всѣхъ дѣйствїяхъ какъ въ беззаконїяхъ. Доколѣ буду я воздыхать подъ симъ несноснымъ притѣсненїемъ. Сїе Кольцо есть залогъ моея покорности и моего безчестїя. Даровавшїй мнѣ сїе обитаетъ можетъ быть въ отдаленной странѣ, можетъ быть обращаетъ онъ какую либо планету въ своемъ кругѣ; колеблетъ Океанъ, или потрясаетъ какимъ либо мїромъ. Но какое бы ни было его обиталище, онъ конечно имѣетъ важнѣйшѣе дѣло нежели наблюдать мое поведенїе. Разсужденїе сїе безпокоило меня безпрестанно. Я имѣю желанїя и хочу ихъ удовольствовать, я хочу быть щасливымъ; выговоривъ слова сїи снялъ

кольцо

кольцо съ своего пальца и кинулъ его съ негодованїемъ. Вдругъ воздухъ помрачился, громъ ударилъ надъ моею главою и духъ Сандарикъ кинулъ на меня страшный взоръ, я сдѣлался безгласенъ и кровь охладѣла въ жилахъ моихъ; я не могъ ни признатся во грѣхахъ моихъ, ни утишить гнѣвъ его, и я слышелъ его произносящаго сїи слова: Ты обезчестилъ человѣчество, ты лишился своего величества, дабы научиться какъ быть человѣкомъ. Потомъ онъ дотронулся до меня прутикомъ своимъ, и я узрѣлъ себя вдругъ перенесеннаго посреди Голконда во образѣ и одеждѣ невольника. Я имѣлъ въ памяти прошедшую жизнь мою, но я не могъ объ ономъ говорить, и духъ лишилъ меня силы изъяснять мои чувствованїя. Будучи приведенъ въ такое состоянїе, которое казалось мнѣ толь презрительнымъ, иногда я наблюдалъ гордость моего состоянїя, но возрастающїе

ющіе нужды скоро провели меня по всѣмъ степенямъ смиренности. Сандарикъ для лучшаго меня наказанія, позволили мнѣ жить и лишилъ меня вольности окончать дни которые были мнѣ не навистны. Мнѣ надлежало покориться рабству, и я былъ купленъ Емиромъ, другомъ Алибега. Вскорѣ услышелъ я, что въ моемъ сералѣ нашли тѣло, которое признавали за мое. Я услышелъ звукъ инструментовъ. Провозвѣстники приближались, и Алибегъ объявленъ былъ Султаномъ посредѣ всенародныхъ восклицаній. Имя мое произносили съ презрѣніемъ и хотѣли бы оное позабыть.

Тогда то душа моя почувствовала весь ужасъ своего состоянія и тогда то сдѣлался я чувствителнымъ; терзающія угрызенія вступили въ сердце мое, въ первый разъ пролилъ я слезы исторгаемыя разкаяніемъ драгоцѣнныя человѣчества. Увы! сказалъ я, когда бы всѣ правители могли

такъ какъ я выслушатъ нѣсколько минутъ разсужденія народныхъ, естьлибъ осмѣлились они сокрыть могущество свое, дабы самимъ имъ искать истинну, которой убѣгающую измѣрить свои права и свои дѣйствія любовію къ человѣчеству, то безъ сомнѣнія сія любовь показалась бы предпочтительнѣе страха и водворились бы сообщенія правосудія и благодарности. Сіи разсужденія заставили меня на одну минуту простить себя въ прешедшихъ злодѣяніяхъ, но перемѣна состоянія моего производила повсеминутно новыя мученія. Я увидилъ самый сей Сераль, гдѣ хаживалъ я властителемъ; но теперь я вмѣшался въ толпу сихъ невольниковъ которые за нѣсколько дней предъ симъ не смѣли возвести очей на своего Государя. Когда гордость моя пріобыкла къ чувствованію сихъ лишеній, то они сдѣлались для нее не столь жестокимъ: благороднѣй-

шѣе чувствїе возродились въ душѣ моей. Я сожалѣлъ о Имперїи только потому что не могъ загладить своихъ не правосудїй. Мое сѣтованїе учинилось живѣйшимъ, будучи справедливы. Я думалъ, не взирая на безобразїе мое, что весь мой народъ меня узнаетъ.

Я зрѣлъ въ очахъ людей укоризны, которые я самъ себѣ дѣлалъ. Мои печальныя размышленїя слѣдовали за мною денно и ночно.

Беззаконїе и нещастїе могутъ дойти до сна; но не могутъ наслаждатся покоемъ. Я печально ходилъ округъ моего сераля, все воспоминало мнѣ мое нещастїе, и все служило къ усугубленїю онаго, въ одинъ вечеръ какъ я сидѣлъ у подошвы одного дерева, чувства мои были утолены и обремененны, и я глубоко заснулъ, проснулся въ полночь и нашелъ себя въ пустомъ полѣ. Я увидилъ въ дали блестящїй слабый лучъ, приближился къ нему и услышелъ звукъ

поражающїй меня. Я прилѣжнѣе слушалъ и призналъ голосъ Селимы. Селима, моя супруга. Селима небомъ и отцемъ моимъ опредѣленная и коей сдѣлался недостойнымъ поруганїемъ ея добродѣтели! Ахъ естьли когда либо . . . . . всего лишился я; еще счастливъ я что не успѣлъ въ предпрїятїяхъ моихъ, я бы содѣлалъ беззаконїе болѣе меня укоряющее. Селима была въ пустынничей кельи, коея дверь была отверста. Я смотрѣлъ будучи не видимъ; но я не зналъ сего пустынника. Я слышалъ говорящую Селиму и уразумѣлъ сїи слова:

Я не знаю какая то неизвѣстная сила привела меня къ вамъ, почтенный старецъ, и ваше присудствїе возвращаетъ сердцу моему силу и бодрость, которые отъ меня убѣгали! Какъ прервалъ рѣчь ея пустынникъ; возможо ли чтобъ верховное существо даровавшее вамъ толико прелестей не дало вамъ любви къ

добродѣтели которая усугубляетъ еще красоту. Никогда, отвѣчала Селима, я не нарушала своей должности; но дерзнула жаловаться и была за то наказана. Султанъ Амуратъ удостоилъ благопріятнаго воззрѣнія невольника своего, онъ любилъ меня и я долженствовала быть его супругою. Въ одинъ вечеръ сражаясь съ своими желаніями, я была одна и размышляла о страстяхъ своихъ.

Я тайно обвиняла отца моего, коего поведеніе, хотя невинное, не нравилось господину его. Я обвиняла природу поставляющую гордость въ побѣжденіи своихъ желаній. И можетъ быть Амуратъ возторжествовалъ бы надъ слабостію моею; но внезапно я была перенесена въ сію пустыню, въ коей заблуждала я нѣсколько дней, и безъ сомнѣнія благотворительная сила направила стопы мои къ вамъ дабы утвердить колеблющую мою добродѣтель.

Я взиралъ на Селиму, мое сердце упоевалось любовїю ея. Въ первый разъ я познаалъ еще столь нѣжную любовь, которую я употреблялъ во зло, и которая долженствовала мнѣ учинить много почтеннѣйшаго: внималъ сему прелестному гласу, проходящему въ мою душу. Но я не былъ болѣе Амуратъ, а былъ подлый рабъ. Пустынникъ, увидя меня, приказалъ взойти въ келью. Вдругъ своды потряслись и я узрѣлъ на мѣстѣ старца, духа Сандарика. Сѣтованїе, сказалъ онъ мнѣ, привело тебя къ щастїю. Я тебя наказалъ для твоего исправленїя. Я бодрствовалъ надъ Селимой дабы исторгнуть ее изъ собственной слабости и отъ жестокости Амурата, а я бодрствовалъ надъ Амуратомъ дабы отвесть его отъ беззаконїя. Нещастный! воспрїими свои естественныя черты, добродѣтель и любовь да содѣлаютъ твое щастїе, и твоего народа,

будь

будь супругъ Селимы и отецъ твоихъ подданныхъ. При воззрѣніи на меня Селимы, стала она безъ чувствъ, побледнѣла, и упала въ мои обьятія. Когда она пришла опять въ прежнее состояніе, то духъ взялъ насъ обѣихъ за руку и сказалъ намъ, подите, я открылъ чрезъ сонъ Алибегу ваши приключенія: Онъ васъ ожидаетъ — и колесницы идутъ во срѣтеніе вамъ: Я повсюду буду провозглашать такъ.

„ Амуратъ, перемѣненный нещастіемъ, возвращается царствовать „ надъ вѣрноподданными. Мудрость „ воцарится на его тронѣ, и блаженство водворится въ сихъ „ странахъ. „ Мы возвели очи и „ увидили блестящія златыя кровли „ града Голконда.

Алибегъ принялъ насъ со всякими восторгами дружества, и Сандарикъ защитилъ тронъ мой, и продол-

жилъ дни мои въ невинности и тишинѣ.

„ Я разсказалъ сіи произшествія „ для наставленія вселенныя, чи„ тающій сіе повѣствованіе. Слабый „ и предпріимчивый человѣкъ, ты „ получилъ сіе кольцо, ты имѣлъ „ вѣрнаго друга, укоряющаго тебя во „ всѣхъ заблужденіяхъ твоихъ, и „ показующаго путь добродѣтели. „ Совѣты его не пренебрегай, сей „ гласъ сильнѣе гласа Сандарика, „ противящійся оному, есть самъ „ себѣ убійца.

II.

Великодушіе и благодарность.

Задигъ-Эбнъ Улла, будучи весьма богатый купецъ въ *Дамаскѣ*, пришелъ по нещастію въ великую бѣдность. Онъ имѣлъ прекрасную дочь *Бизри*, которую научилъ изрядно Алкорану, и которая была разумна и добро-

добродѣтельна. *Тгафаръ*, богатый и по доброму своему житїю между гражданами въ *Дамаскѣ*, извѣстный юноша, любилъ ее, не за одну ея красоту, но и за то, что она доставляла пропитанїе искуснымъ своимъ рукодѣлїемъ бѣдному своему отцу. Но тѣмъ болѣе сожалѣлъ онъ, что такїе добродѣтельные люди должны жизнь препровождать въ нещастїи. Онъ тайно и въ ночное время послалъ чрезъ невольника большой кошелекъ съ деньгами въ домъ, подъ предлогомъ, что одинъ купецъ въ *Меккѣ*, за многїя предъ симъ лѣта остался сими деньгами долженъ. *Задигъ* не могъ о томъ припомнить, но принужденъ былъ удержать сїи деньги, потому что сей невольникъ отъ него ушелъ. Нѣсколько времяни спустя, сватается онъ за его дочь, и *Задигъ* ее за него выдалъ, не зная, что онъ былъ незнакомый ему благодѣтель. Но прежде нежели ее отвезъ домой, лишил-

ся *Тїафаръ* вдругъ почти всего имѣнїя чрезъ случившейся пожаръ, и сдѣлался почти также бѣденъ какъ *Задигъ*. Однакожъ *Бизри* за него вышла. Они оба были бѣдны, препровождали жизнь свою въ добродѣтели и въ веселїи. По прошествїи двухъ лѣтъ въ *Вавилонѣ* умеръ богатый купецъ не имѣя дѣтей, и отказалъ *Задигъ-Эбнъ-Уллѣ* все свое имѣнїе, поелику онъ ему въ началѣ его торга невольниками помогъ деньгами.

III.

Алцибїадъ.

Алцибїадъ, Генералъ Аѳинской, нѣкогда онъ боролся съ однимъ изъ своихъ товарищей, видя себя очень притѣсненна, и приближаясь къ паденїю на землю, жестоко укусилъ руку своего соперника, который тотчасъ пустилъ, и сказалъ: *Алцибїадъ, ты кусаешъ какъ баба.*

Ничего

Ничего не бывало, сказалЪ АлцибїадЪ, *но какЪ левЪ.*

КакЪ бѣдной человѣкЪ не могши дать поруки, чего требовали начальники правленїя, смущался и безпокоился, то АлцибїадЪ кричалЪ изЪ дали АрхонтамЪ: *напишите мое имя, онЪ есть одинЪ изЪ моихЪ прїятелей; я отвѣчаю за него.*

ОнЪ вошедши вЪ училище нѣкотораго граматиста, спросилЪ у него Гомера. Сей граматистЪ ему сказалЪ, что онЪ не имѣлЪ никакихЪ сочиненїй сего стихотворца. АлцибїадЪ ему далЪ большую пощечину и оставилЪ его. Другой граматистЪ ему сказалЪ; какЪ у него есть ГомерЪ весь исправленный своею рукою: *что,* ему сказалЪ АлцибїадЪ, *ты вЪ состоянїи поправлять Гомера, и тебѣ весело здѣсь учить дѣтей! За чѣмЪ же ты не стараешся исправлять людей?* Ибо человѣкЪ который можетЪ поправлять

влять Гомера, вѣрно бы могъ, не дѣтей наставлять, но исправлять людей. Алцибіадъ судилъ о Гомерѣ какъ Александръ, который учился военной наукѣ изъ его сочиненій, и какъ Ликургъ, который находилъ, что наставленія нравоучительныя и политическія, содержащіяся въ его стихотвореніи, суть не менѣе безполезны какъ его повѣсти и пріятныя выдумки.

Нѣкогда Алцибіадъ пошелъ смотрѣть Перикла, какъ онъ былъ уже у его дверей, то ему сказали, что Периклъ занятъ, и что онъ старался отдать отчетъ въ дѣлахъ Аѳинянамъ: *но, что онъ не старается лучше, сказалъ онъ, не давать онаго.*

Онъ имѣлъ собачку весьма пригожую, которой онъ велѣлъ отрѣзать хвостъ, что и составляло ея красоту. Друзья начали его бранить и ему сказывали, что весь свѣтъ говоритъ

воритъ о семъ поступкѣ, и его хулитъ чрезвычайно за то, что испортилъ такую собачку: *вотъ, что я требую*, отвѣтствовалъ Алцибїадъ, смѣючись; *я хочу чтобъ Авиняне забавлялись этимъ, дабы они не сказывали другаго, и чтобъ они не говорили еще хуждшаго обо мнѣ.*

На него взвели тяжкїя вины; и хотѣли чтобъ онъ отправился для одной важной экспедицїи. Алцибїадъ, который зналъ ядъ скрываемый подъ симъ, сказалъ: *что очень жестоко и очень чудно, хотѣть, чтобъ онъ отправился въ важной походъ, и принуждать къ оставленїю позади себя обвиненїя и наущенїя, которыя бы его всегда безпокоили и держали въ всегдашнемъ страхѣ, что естьли бы онъ былъ виноватъ, то надлежало бы его велѣть умертвить, но естлижъ онъ былъ невиненъ, то надлежало бы его послать*

про-

противъ непрїятелей, не страшась и въ полной безопасности отъ злобы доносщиковъ.

Но, кто то ему послѣ того сказалъ: *Алцибїадъ, ты не надѣешся на свое отечество? Я понадѣюсь на что другое,* отвѣчалъ Алцибїадъ; *но, когда дѣло идетъ о моей жизни, то и на родную мою мать не понадѣюсъ, боясь, чтобъ она отъ неосторожности не взяла чернаго боба вмѣсто бѣлаго.*

По прошествїи нѣкотораго времени, ему принесли извѣстїе, что Аѳиняне приговорили его къ смерти, *но, я имъ докажу,* сказалъ онъ: *что я нахожусь еще въ живыхъ.*

IV.

Апеллесъ.

Апеллесъ, славный живописецъ. *Протоженъ,* другїй славный живописецъ, употребилъ седьмъ лѣтъ, дабы окончить картину. Говорятъ, что

что Апеллесъ, въ первый разъ какъ сїю увидѣлъ, то приведенъ былъ въ такое удивленїе и такъ обрадовался, что вдругъ лишился голоса, и наконецъ, какъ пришелъ въ себя, вскричалъ: *великїй трудъ! дѣйствїе удивленїя достойно! однакожъ оно не имѣетъ такихъ прїятностей, какїе я придаю моимъ картинамъ, и что ихъ возвышаетъ* до небесъ.

V.

Сокрытое сокровище.

Эфаноръ, до сихъ поръ съ малою своею семьею жилъ спокойно и довольно: Работалъ рачительно, въ домоводствѣ былъ бережливъ, и такъ сносно сїе продолжали, никогда не были должны, и никакого великаго попеченїя не имѣли; но въ одинъ день, *Эфаноръ* дознался, незнаю какъ, что въ своемъ погребѣ изъ древлѣ зарыто сокровище, которое великаго

стоило

стоило, и ежеминутно возбуждало въ немъ стараніе, какъ бы сіе сокровище получить въ свои руки. Не успѣлъ сіе нѣкоторымъ повѣрить, какъ уже нѣкоторые обманщики употребили сіе себѣ въ пользу, которые сего бѣднаго человѣка, въ надеждѣ сыскать сокровище, лишили собственнаго его имѣнія. Рыли — копали — но ничего не нашли. Наконецъ самому случайнымъ образомъ открылось желаемое сокровище. Въ одной изъ стѣнъ находящихся въ погребѣ вывалился камень, и нѣкогда вечеромъ вышедъ со свѣчею въ погребъ, увидѣлъ онъ въ семъ отверстіи нѣчто блестящее. Подошелъ ближе, осмотрѣлъ, и нашелъ послѣ того, какъ вынулъ камень, къ его удивленію, лежащій тамъ кованый ящичекъ, который онъ со всею ревностію совсѣмъ вынуть старался. Сколь велико было его удивленіе, какъ открывъ ящичекъ, наполненный деньгами! въ немъ было

столько

столько золота и серебра, сколько онъ не видалъ еще во всю свою жизнь. Не говоря ни слова понесъ въ свою горницу, разсказалъ о семъ щастливомъ приключенїи своей женѣ, отъ чего оба они во всю ночь не могли спать, ибо они размышляли только какое сдѣлать употребленїе симъ деньгамъ. Едва услышали они плачущее дитя въ колыбели, которое наконецъ взяла мать исполненая негодованїемъ, и съ досады бы оное побила: потому что не во время нарушило сладостное ихъ предпрїятїе. Но словомъ сказать: мужъ пересталъ работать, и вдался въ пьянство; жена оставила свои домашнїе упражненїя, и воспитанїе дѣтей; тотчасъ запасли всякое ненужное убранство, жили хорошо, а дѣти не были еще воспитаны, какъ уже лишились коробочки совсѣмъ золотомъ и серебромъ. Теперь только сдѣлались они нещастливы; ибо въ богатствѣ прошла у нихъ охота къ

работѣ и бережливости. Они истратили все что имѣли, безъ раздѣленія, и послѣднія слѣдствія найденнаго сокровища были, что все семейство пошло по миру: Прилѣжаніе и порядочной родъ жизни и доброй совѣсти есть величайшее сокровище. Весьма мало такихъ людей, которые и въ великомъ изобиліи умѣютъ жить.

VI.

Лучшей способъ исправлять другихъ.

Дитя обладало великою способностію и добродѣтелію, имѣло такую дурную привычку, что оно погрѣшности другихъ дѣтей, которые оно весьма удобно примѣчало поносило съ великимъ огорченіемъ. Сіе было тѣмъ естественнѣе, что добродѣтельнымъ сердцамъ было сіе чувствительно, когда они усмотрятъ что либо омерзительное или худое. Оно равномѣрно имѣло доброе намѣреніе,

чтобъ злыхъ дѣтей исправить; но оное ему неудалось. Напротивъ того оно навлекло на себя ненависть, ибо ни одно дитя не хотѣло болѣе съ нимъ обходиться, и казалось, что они тѣмъ болѣе усиливались въ своихъ порокахъ, вмѣсто того чтобъ оные оставить. Доброе дитя о томъ печалилось, и лишилось всей надѣжды другихъ исправить. Наконецъ оно выдумало другой способъ, которой ему въ добродѣтели и въ разумѣ ничего не уступалъ, и чрезъ еїе всѣми, даже и злыми дѣтьми было любимо. Однако оно обходилось съ ними иначе. Естьли они дѣлали что либо худое, то оно ихъ не ругало и шуму не производило, но оказывало свое неудовольствїе только печальнымъ и жалостнымъ видомъ, а иногда слезами, но сїе производило рѣдко, гдѣ могло надѣяться сдѣлать впечатленїе, тихимъ и ласковымъ представленїемъ. Сїе трогало злыхъ дѣтей и произ-

водило впечатленіе болѣе нежели всѣ выговоры могли учинить. Ежели ихъ родители или начальники ихъ наказывали, то оно извиняло ихъ погрѣшности лучшимъ образомъ; оно равномѣрно хвалило ихъ добрые качества, (ибо нѣтъ такого худаго, которой бы не имѣлъ свои добрые качества,) и разсказывало про нихъ много добраго, каковаго они хотя и не дѣлали, но чрезъ то узнавали, что они обязаны были дѣлать, и тотчасъ отъ стыда и честолюбія желали быть таковыми какъ они были описаны. Симъ образомъ непримѣтно оно ихъ научило, и сдѣлалось ими весьма любимо, что ни съ кѣмъ не могли лучше обходиться какъ съ нимъ, и оному дали весьма хорошей случай, непримѣтно ихъ исправить. Теперь первое дитя узнало сіе въ чемъ ошиблось. И такъ оно переставало другихъ такимъ прискорбіемъ порицать, и подражало искуству, смиренно-

ренномудрїю, и угодности тѣхъ дѣтей, кои разумнѣе, равномѣрно всѣ его любили, и многїе, которыхъ сперьва не могло оно исправить, къ величайшему его удовольствїю стали подражать.

VII.

Естественная повѣсть о львахъ.

Ахъ господинъ *Папилїонъ*! вскричалъ *Карлъ*, какъ онъ насъ вчера посѣтилъ: вы пришли очень къ стати! съ превеликимъ нетерпѣнїемъ ожидалъ я васъ за нѣсколько дней предъ симъ. Я и сестры мои читали повѣсть о львѣ и собачкѣ, которая, какъ сказываютъ, случилась въ Лондонѣ а намъ кажется весьма невѣроятною. Скажите намъ какъ вы о томъ думаете?

Такъ послушайте, сказалъ господинъ *Папилїонъ*, сказываютъ именно, видали въ тоуерѣ (чая-

тельно въ томъ мѣстѣ, гдѣ содержатся дикїе звѣри) нѣкогда льва, котораго по отмѣнной его величинѣ назвали королевскимъ львомъ. При немъ сказываютъ также жила малинькая черниныкая прекрасная болонская собачка, которая безпрестанно около его прыгала, щипала и ворча его покусывала: напротивъ чего величавый звѣрь наклонялъ свою голову нѣкоторымъ образомъ нѣжнымъ удовольствїемъ; сїя малая тварь облизывала его страшное рыло; однакожъ я вамъ разскажу всю повѣсть:

Обыкновенно долженъ былъ всякой, который не могъ или не хотѣлъ заплатить шести грошей, чтобъ въ Товерѣ увидѣть сего Льва, принести вмѣсто денегъ приставу собаку либо кошку, на жертву звѣрю. Между протчимъ человѣкъ поймалъ сїю выше упомянутую прекрасную черную собачку на улицѣ, которая потомъ была брошена большому

льву

льву. Бѣдный малинькой звѣрокъ дрожалъ и трепеталъ отъ его взора, корчился, изгибался, перевертывался на спину, высовывалъ свой языкъ, и держалъ свои лапки въ положенїи просящаго, какъ будто бы признавалъ его вышшую власть и умолялъ о милосердїи. Между тѣмъ королевскїй звѣръ вмѣсто того чтобъ проглотить сего звѣрька, разсматривалъ его весьма пристально, переворачивалъ то одной то другой лапой, и казался имѣть желанїе съ нимъ болѣе познакомиться.

Какъ приставъ сїе увидѣлъ, то принесъ онъ большое блюдо собственной своей домашней пищи. Но левъ удалился, и казался какъ будто не хотѣлъ ѣсть. Онъ безпрестанно обращалъ глаза свои на собаку, и какъ бы приглашалъ ее той пищи отвѣдать. Наконецъ когда страхъ малинькаго звѣря нѣсколько утихъ, и желанїе его возбуждено было запахомъ пищи, приближился онъ мед-

ленно къ оной и отважился, еще притомъ дрожа, нѣсколько поѣсть. Потомъ приближился тихо Левъ и сталъ вмѣстѣ ѣсть, и они весьма дружески окончили свой обѣдъ.

Съ сего дня началось между ими тѣснѣйшая дружба, которая составилась изъ всеможной склонности и пріязни со стороны льва, и изъ чрезвычайной смѣлости и упованія собачки; такъ, что она сыпала въ кохтяхъ и подъ челюстями страшнаго своего благодѣтеля.

Господинъ, который потерялъ сію собаку обѣщалъ чрезъ вѣдомости дать тому, кто оную найдетъ, въ награжденіе два гвинея, услышелъ о семъ приключеніи, пошелъ самъ изтребовать свою собаку.

Вы видите, государь мой, сказалъ приставъ; что крайне сожалѣть бы о томъ должно было, естьлибъ кто пожелалъ разлучить таковыхъ

выхъ нѣжныхъ друзей. Но естьлижъ вы твердо настоите въ имуществѣ, то извольте вы сами отнять. Я на то не отважусь хотябъ мнѣ кто давалъ и тысячу гвинеевъ.

Сей господинъ былъ тѣмъ весьма недоволенъ, однако согласился лучше ее оставить нежели пуститься со львомъ въ бой. Когда имъ приносили пищу, малинькой звѣрокъ тотчасъ на онаго бросался и по обычаю собаки хотѣлъ всю себѣ присвоить. Загоражалъ оную своими лапами, ворчалъ, лаялъ и сердясь бросался льву въ лице. Великодушный же звѣрь никогда не сердился на своего сотоварища, но отступалъ и казался испуганъ быть отъ его нападенія, даже не трогалъ не одного куска пока любимецъ его молча не давалъ ему на то позволеніе. Когда они оба были сыты, и левъ часто протягивался, для своего успокоенія: то до онаго не допу-

 скала

скала малинькая собачка, бѣгала и скакала вокругъ его, лаяла, часто своими лапками царапала его голову, тянула за уши, и кусала его, но при всемъ томъ величавый звѣрь не казался никакимъ инымъ тронутъ чувствїемъ, какъ удовольствїемъ и благопрїятствїемъ.

Годъ спустя собака занемогла и умерла, и оставила своего любимаго благодѣтеля въ крайнемъ отчаянїи. Въ одно время казалось, левъ думалъ, что любимецъ его спитъ, почему онъ началъ его обнюхивать, трогать и передвигать своимъ носомъ и переворотилъ его своей лапой. Но какъ всѣ старанїя его пробудить были тщетны, то ходилъ онъ по своему зверинцу скорыми и безпокойствїе означающими шагами отъ одного конца къ другому! потомъ остановился, смотрѣлъ на него съ пристальнымъ и печальнымъ видомъ; поднялъ свою голову въ верьхъ, разинулъ свою

страш

страшную пасть и ревелъ нѣсколько минутъ, какъ не переставая подобно въ дали слышенному грому.

Тщетно покушались, отъ него отнять мертвое тѣло, которое онъ стерегъ безпрестанно и не допускалъ никого до него коснутся. Потомъ старался приставъ прельстить его разною пищею: но онъ отъ всего отворачивался съ омерзенїемъ. Въ звѣринецъ его посадили нѣсколько живыхъ собакъ, коихъ онъ тотчасъ въ куски разорвалъ, а члены ихъ разбросалъ по землѣ. Какъ его страсти столь были розтроганы, что ударя кохтями въ затворъ, вырвалъ изъ онаго большїя щепы; то хватался за колья своего звѣринца, и казался быть освирепѣвшимъ, потому что его удерживали разорвать на части.

Потомъ разтянулся отъ крайней усталости при остаткахъ своего любимаго товарища, приближилъ его

къ себѣ своими лапами, и приложилъ его къ своей груди. Потомъ посреди его реву, изъявлялъ страшную печаль, что казалось угрожало всѣмъ около его стоящимъ за лишенїе своего малаго товарища въ забавахъ, единаго друга и спутника, какого онъ имѣлъ на земли.

Такимъ образомъ продолжавъ черезъ пять денъ, и не принимая ни какой пищи, ни утѣшенїя, довелъ себя до того, что онъ въ одно утро найденъ былъ мертвымъ, лежа головою на тѣлѣ своего малорослаго друга. Они были вмѣстѣ погребены, и изобильно гробъ ихъ омоченъ былъ слезами пристава и его громко стенящей сѣмьи. — Послѣднему я вѣрю, сказалъ *Фединька*. Ибо какъ рѣдкость таковой дружбы привлекала множество любопытныхъ людей; то приставъ за то довольно собиралъ денегъ.

Какъ ты скоро поспѣлъ, сказала *Лотта Фединькѣ*, гдѣ хотя о самомъ

момЪ маломЪ говорится прибыткѣ. И такЪ *Господинъ Папилїонъ*. — Но, господинЪ *Папилїонъ*, вскричалЪ *Карлъ* вмѣстѣ, почитаете ли вы сїю повѣсть за правду?

Я ее знаю, отвѣтствовалЪ господинЪ *Папилїонъ*, самая вещЪ конечно справедлива, а вЪ сей повѣсти только можетЪ быть нѣсколько прикрашено. Я и не вижу причины, для чего бы должно было сумнѣваться. *Карлъ*. Почему? потому что она природѣ и свойству такого дикаго и свирѣпаго звѣря кажется противорѣчить. *Папилїонъ*. СовсѣмЪ противное, любезный *Карлъ*, левЪ при храбрости своей великодушенЪ, вЪ гнѣвѣ благороденЪ, и сЪ природы чувствителенЪ. *Бюфонъ*, вамЪ извѣстный великїй изпытатель природы, говоритЪ, что онЪ часто малинькими врагами пренебрегалЪ, обиды презиралЪ, и ихЪ обидные продерзости прощалЪ. Будучи вЪ плѣну часто перемѣнялЪ гнѣвЪ на

кроткїй

кроткїй нравъ, покоренъ былъ и ласкалъ ту руку, которая приносила ему пищу, даровалъ жизнь тѣмъ, которые осуждены на смерть, покровительствовалъ тѣхъ, кои оказывали ему добро, и раздѣлялъ съ ними добычу свою.

О великодушїи его разскажу я вамъ одинъ примѣръ. Нѣкогда въ Флоренцїи левъ ушедъ изъ звѣринца, гнался за женщиною съ робенкомъ, робенокъ же упалъ: тогда мать съ воплемъ и дрожа возвратилась назадъ, чтобъ взять робенка. Левъ на нее сурово смотрѣлъ, но безъ всякой обиды далъ ей спокойно уйти съ робенкомъ. Такихъ приключенїи много разсказываютъ путешественники.

Но нѣтъ, я бъ никакъ не отважилась, сказала *Лизанька*, чтобъ или меня или мою малинькую кошечку или собачку заперла. Я еще и теперь сердита на сего гнуснаго

мужика

мужика, который къ нему бросилъ черную болонскую собачку. Ибо не онъ былъ тому причиною что ее не разтерзали. *Папилїонъ.* Твоя правда, *Лизанька*! ни подъ какимъ видомъ не дружись со львомъ: ибо кто можетъ прямо знать, въ какомъ они духѣ бываютъ. Но при всемъ томъ то правда, что онъ менѣе и по свойству, а паче по нуждѣ кажется быть свирѣпымъ: Ибо онъ никогда болѣе не изтребляль, сколько ему нужно; напротивъ того Тигръ, волкъ, многїе другїе звѣри прожорливаго роду, какъ лисица, куница, курокрадка, ласточка и пр: умерщвляютъ болѣе для удовольствїя, и многочисленными загрызенїями кажутся болѣе укрощаютъ свою свирѣпость, нежели голодъ.

Онъ самъ кажется быть способнымъ къ нѣкоторымъ чувствованїямъ и наученїямъ, почему до извѣстной степени можетъ быть укрощенъ и можетъ принять нѣкото-

который родъ воспитанія. Исторія повѣствуетъ намъ о львахъ, запрегаемыхъ въ торжественныхъ колесницахъ и употребляемыхъ въ войнѣ и на охотѣ; о такой вѣрности къ ихъ господину, что они только противъ непріятелей онаго употребляли свою силу и свирѣпство.

Будучи поиманъ молодъ, и воспитанъ между ручными звѣрями, съ малымъ трудомъ привыкаетъ, а особливо въ первые годы, съ ними жить, также и играть, и самую природную ярость являетъ рѣдко тѣмъ, кои ему сдѣлали добро. Такъ я чаю Карлъ можетъ разсказать извѣстную повѣсть о Андродѣ со львомъ. — *Карлъ.* Извольте; я ее нѣкогда переводилъ у моего учителя съ латинскаго языка. — Онъ тотчасъ принесъ тетрадь своихъ упражненій, и сказалъ: не правда ли, что извѣстный Латинскій писатель Геллій, оную повѣствуетъ? — *Папилîонъ.*

пилгонъ. Правда, и онъ ее взялъ изъ другаго писателя. Апïана, который сказываетъ о себѣ что былъ очевиднымъ свидѣтелемъ въ Римѣ — Да какая жъ повѣсть? вскричали *Лотта*, *Ѳединька* и *Лизанька* въ одинъ голосъ. — *Карлъ* хотя и утверждалъ, что давно оную имъ разсказывалъ: но никто не хотѣлъ на то согласится. И такъ *Карлъ* началъ: было нѣкогда въ Римѣ представлено великое звѣриное побоище. Между многими звѣрями находился левъ, который по своей необычайной величинѣ и пригожству привлекъ на себя вниманïе всѣхъ зрителей. Между протчими, которые должны были сражаться съ симъ звѣремъ, введенъ былъ одинъ бѣдный невольникъ, именемъ Андродïй.

Лишъ только что сей звѣрь въ дали увидѣлъ его лице, то вдругъ остановился съ удивленïемъ, и

 тотчасъ

тотчасъ пошелъ къ нему съ такою кротостію и ласкою, какъ будто бы его зналъ; началъ какъ собачка матать хвостомъ, и лизать у сего несчастнаго, который отъ ужаса былъ полумертвъ, ноги и руки. Такая необыкновенная ласка отъ такаго дикаго звѣря влїяла въ Андрода столько бодрости, что осмѣлился воззрѣть на льва. Тогда казалось другъ друга они узнавали, и нечаянной встрѣчѣ радовались. Народъ отъ удивленїя поднялъ ужасной крикъ. Государь велѣлъ послать къ себѣ Андрода и спросилъ его: не знаетъ ли онъ тому притчину, что онъ токмо одинъ, котораго пощадилъ сей страшный левъ? Андродъ разсказалъ сїе удивительное приключенїе слѣдующимъ образомъ.

Будучи при господинѣ моемъ, который въ Африку посланъ былъ проконсуломъ, отъ ежедневныхъ суровыхъ со мною поступокъ склоненъ къ бѣгству, искалъ я скрыт-

ся

ся въ самыхъ уединенныхъ степяхъ, съ твердымъ намѣренїемъ, что ежели мнѣ не будетъ доставать пищи, подвергнутся смерти какимъ либо образомъ. Нѣкогда при усильствующемъ солнечномъ зное нашелъ я отдаленную сокрытую пещеру, въ которую я спасся. Вскорѣ потомъ пришелъ левъ сей съ хромою и окровавленною ногою, и давалъ знать о своей мучительной боли жалостнымъ стенанїемъ и хрипомъ. Я отъ ужаса былъ внѣ себя; но, какъ скоро онъ меня увидѣлъ, подошедъ ко мнѣ тихо, подняль свою лапу, какъ будтобы просилъ, чтобъ я ему помогъ. Тутъ узрѣлъ я великую занозу, которой онъ накололся, и отъ чего нога чрезвычайно разпухла. Я оную вытащилъ, выдавилъ изъ раны гной, и очистилъ ее. Почувствовавъ уменьшенїе боли моею помощїю, положилъ онъ мнѣ ту ногу въ руку и заснулъ: — а съ того времени я съ нимъ жилъ три

года въ тойже пещерѣ, и одною пищею питался. Ибо изъ дичи, которую онъ лавливалъ, приносилъ лучшїе куски, кои я въ полъ день на солнце жарилъ или лучше сказать сушилъ, ибо я не имѣлъ огня.

Но какъ мнѣ наконецъ со звѣремъ жить скучно стало, во время его отсутствїя, и бѣжавъ цѣлые три дни, попался наконецъ въ пленъ Римскимъ солдатамъ, и ими отведенъ былъ опять къ моему господину, которой тотчасъ осудилъ меня къ смерти, съ тѣмъ чтобъ я сдѣлался жертвою дикихъ звѣрей. Чаятельно сей левъ, вспомнивши съ такою благодарностїю мое малое благодѣянїе, пойманъ также въ то время, какъ я отъ него удалился.

Все сїе тотчасъ начертанно было на дощечки, и объявлено народу. Всякїй просилъ чтобъ *Андрода* простили, даровали ему свободу и отдали льва въ подарокъ. Онъ ходилъ потомъ по городу, и водилъ

онаго

онаго на веревочки. Народъ давалъ ему деньги, во льва бросали цвѣтками, и кричали ему въ слѣдъ- *Сей левъ былъ хозяиномъ сего человѣка, а человѣкъ сей врачемъ сего льва* — Какъ сїе прекрасно вскричало *Лизанька.* Я бы желала его видѣть! Но вѣрите ли вы сему? сказалъ *Фединька.* Для чегоже не вѣрить? отвѣтствовалъ господинъ *Шпиритъ.* Славный испытатель природы Миллеръ разсказываетъ подобную сей повѣсть. Въ крѣпости святаго Лудовига, что въ Африкѣ, у Французовъ была прекрасная львица, которую должно было послать во Францїю, она захворала, почли ее погибшею, сняли съ нее цѣпь, и вытащили вонъ. Нѣкоторый господинъ ѣхавшей съ охоты, нашелъ ее въ томъ положенїи съ сомкнутыми глазами почти умирающую. Онъ сжалясь надъ симъ животнымъ далъ ему выпить молока. Отъ чего

ное получило прежнїе силы, и полюбило его, съ того часа такъ что изъ его руки принимало пищу, и за нимъ вездѣ послѣдовало какъ собачка на одной веревкѣ.

Вотъ какъ левъ можетъ сдѣлаться ручнымъ, о семъ тотъ же самый разсказываетъ одинъ примѣръ, что самъ на сїе смотрѣлъ съ удивленїемъ, что человѣкъ велъ льва и показывалъ зрителямъ ласковость сего звѣря, ложился на его спину, руками отворялъ ему пасть, снималъ свою шляпу, и влагалъ свою плешивую голову въ его пасть, въ которой онъ держалъ около получаса. — Всѣ дѣти по окончанїи сей повѣсти поблѣднели: *Лизанька* отъ ужаса схватилась за голову, будтобы то же самое претерпѣвала что и упомянутой человѣкъ.

Господинъ Папилїонъ увѣрялъ, что самъ видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ какъ приставы увѣрены были въ своихъ львахъ. — *Лотта*. Теперь, теперь

перъ, я весьма рада, что какъ бы сей звѣрь великодушенъ и хорошъ ни былъ, но у насъ ихъ нѣтъ, и никогда не бывало. *Папилїонъ.* Все-конечно не бывало. Они живутъ токмо въ южныхъ странахъ; и климатъ чемъ жарче, тѣмъ они отважнѣе и злѣе. Львы, находящїеся въ жаркихъ степяхъ Африки гораздо страшнѣе такихъ, которые живутъ на горѣ Атласѣ, которой вершина покрыта глубокимъ снѣгомъ. Перьвые, окрестнымъ провинцїямъ ничто иное какъ опустошающїе казни; къ щастїю что ихъ родъ не многочисленъ, и они убавляются по мѣрѣ того какъ люди умножаются. — *Лотта.* Но, я думала, господинъ *Папилїонъ*, что въ тѣхъ странахъ, на примѣръ въ Африкѣ и Азїи сїи лютые звѣри не допускаютъ людей, расплодится, потому что они все истребляютъ, что токмо имъ встрѣчается. *Папилїонъ.* Конечно бы они были ими по-

жищены, поелику сему свирѣпому звѣрю всѣ прочїе служатъ добычѣю, естьлибъ сїе состояло токмо въ силѣ: но что сила противъ разума, данный человѣку божественнымъ удѣломъ. Разумомъ предолѣваютъ власть и силу всѣхъ тварей естества. Готтентотъ и Арапъ весьма полагаются на свое искусство, отваживаются прямо итти на льва, и попадаютъ въ него изъ легкаго ружья. Разумъ и старанїе прилагаемые къ изобрѣтенїю прїумножаются въ человѣкѣ вмѣстѣ съ лѣтами, и всѣ находящїеся въ природѣ стихїи знаютъ употреблять въ свою пользу, но животная ничего не имѣетъ кромѣ силы, но естьлижъ сказать въ высочайшемъ степени, то она имѣетъ малѣйшую частицу разума, но и то не прежде можетъ получить какъ находясь долгое время около человѣка.

Того ради способность человѣческая, соединенная съ разсудкомъ, покоряетъ

ряетЪ и мужество львиное. ВЪ обширныхЪ пустыняхЪ, а особливо вЪ полуденной части Африки и Азїи находится довольное число львовЪ, кои свои силы обнаруживаютЪ противЪ всѣхЪ имЪ встрѣчающихся звѣрей. Но какЪ они тамЪ людей не знаютЪ, то никого не боятся, и не страшатся ихЪ оружїя. Раны приводятЪ ихЪ вЪ свирѣпство, не причиняя страха, и левЪ потерявЪ вЪ сильномЪ бою всѣ силы, не обращается отЪ непрїятеля своего вЪ бѣгство. На противЪ того львы, которыя живутЪ близЪ городовЪ и деревень вЪ Индїи и вЪ Варварїи, находясь сЪ людьми, и посредствомЪ испытанїя, какЪ ихЪ оружїя дѣйствительны, лишаются бодрости, такЪ что дѣлаются послушными угрожающему ихЪ голосу, не осмѣливаются на нихЪ нападать; но нападаютЪ токмо на мѣлкїй скотЪ, наконецЪ убѣгаютЪ, и бываютЪ преслѣдованы женщинами и малыми

робятами, кои бьютъ ихъ палками, почему они и принуждены бываютъ оставить свою добычу.

Сїе удивително! вскричала *Лизанька*, хотѣла бы я тамъ быть, гдѣ львы бѣгаютъ отъ малыхъ робятъ, для того токмо чтобъ ихъ видѣть. — Я одного видѣлъ, сказалъ *Карлъ*; и тѣмъ не мало величался. Ты? сказала я ему? да гдѣ же? — За нѣсколько лѣтъ былъ одинъ у Петровскихъ Воротъ; онъ былъ слѣпъ, оченъ терпѣливъ, и казался быть довольно старымъ. И такъ, сказалъ *господинъ Папилїонъ*, другъ мой, Карлъ, я думаю ты также видѣлъ, что наружность являетъ его великїе качества. Онъ имѣетъ прїятной видъ, смѣлый взглядъ, горделивую походку, и страшный голосъ. *Карлъ*. Но, котораго я видѣлъ тотъ не оченъ былъ великъ. *Папилїонъ*. Правда, но они собою весьма статны! и тѣло льва кажется быть образцомъ

цомъ

цомъ соединенія силы съ легкостію. Естьли съ одной стороны составленъ онъ изъ однихъ жилъ и мышекъ, съ другой же стороны онъ не обремѣненъ ни мясомъ, ни жиромъ. Его сила изъявляется ужаснымъ топотомъ и воспрыгиваніями составляющіе его побѣгъ; внезапнымъ движеніемъ своего хвоста, повергаетъ онъ людей на землю; съ легкостію, съ каковою онъ наморщиваетъ кожу на лбѣ, и опускаетъ для изъявленія своего свирѣпства, съ какою силою потрясываетъ свою гриву, которая щетинится тогда, когда онъ бываетъ разъяренъ, и ложится то на ту то на другую сторону. Онъ имѣетъ такіе крѣпкіе зубы, что всѣ кости безъ труда раздробить можетъ, и имѣетъ такой длинный языкъ съ острымъ концомъ, что онымъ можетъ снять кожу и вылизать все мясо находящееся около костей, не употребляя къ оному ни зубовъ, ни когтей, которые также есть его свирѣпые оружія.

оружія. Онъ видитъ ночью такъ какъ и кошки, спитъ мало, и легко пробужается. Его рыканіе есть обыкновенный его голосъ, который раздается по степи, какъ громовой трескъ. Его походка горда, важна, и тиха, также завсегда ходитъ онъ въ кось. Когда побѣжитъ за своей добычей, то останавливается отъ двенатцати до пятнатцати футовъ отъ добычи, потомъ нападаетъ на оную, обхватываетъ ее передними лапами, раздираетъ кохтями и раздавливаетъ своими зубами.

Но, всещедрое небо! вскричалъ *Фединька*; Я думалъ что гдѣ живетъ такой свирѣпый звѣрь, то убѣгаютъ его всѣ прочіе звѣри, либо въ скоромъ времяни бываютъ пожираемы. Потому что, сколько съѣсть въ день такой злобный звѣрь? — *Папилїонъ*. Покрайней мѣрѣ пятнатцать фунтовъ сыраго мяса: но голодъ ему гораздо несноснѣе. Обыкновенно

новенно его страшатся всѣ звѣри, для того то долженъ онъ часто скрытся: тогда ложится онъ брюхомъ въ весьма часто заросшее мѣсто, и прыгаетъ въ верьхъ съ непреоборимою силою. Когда онъ еще молодъ и легокъ, то не имѣетъ недостатка въ пищѣ въ большихъ степяхъ, гдѣ находится великое множество звѣрей. Но естьлижъ онъ устарѣетъ, и къ охотѣ бываетъ не способенъ, тогда приближается къ обитаемымъ странамъ, и бываетъ опасенъ людямъ и скотамъ; впротчемъ нападаетъ онъ завсегда прежде на послѣднихъ, нежели на первыхъ, когда только онъ ими не бываетъ къ тому понужденъ. Верблюжье мясо, также и мясо молодыхъ слоновъ, составляютъ любимою его пищу.

Но я думалъ, сказалъ *Карлъ*, что онъ на сихъ не осмѣливается напасть. *Палилгонъ*. Рѣчь идетъ о молодыхъ, у которыхъ зубы еще не

выросли

выросли, и которые никакого не могутъ сдѣлать сопротивленія.

Лизанька. Какой видъ имѣетъ левъ, *Господинъ Палилїонъ*? вѣроятно что онъ весь золотой? поелику находится одинъ въ яростной улицѣ надъ Аптекою; оный блистаетъ и показываетъ ужасный языкъ — — — Ну, чему вы смѣетесъ? вскричала она протчимъ дѣтямъ, которые тому смѣялись. — *Палилїонъ.* Это правда! сїе дѣло не достойно посмѣянїя: потому что хотя онъ не совсѣмъ золотаго цвѣту, но покрайней мѣрѣ онъ желтоватый либо желтый, и сїя краска ближе подходитъ къ золоту, нежели другїе. Однакожъ я долженъ упомянуть, что львица имѣетъ видъ совсѣмъ другой, потому что у нее нѣтъ гривы, которая закрываетъ у льва весь окладъ лица его, верьхнюю часть лба, уши, тѣмя, шею, плечи и такъ далѣе: также имѣетъ она члены менѣе, и она не такъ бываетъ раздражена,

дражена, какъ токмо тогда когда имѣетъ львятъ, въ то время для защищенія оныхъ не укрываетися ни отъ какихъ опасностей.

Но, сказалъ *Карлъ*, я слышелъ, что вообще всѣ большїе особы имѣютъ въ своихъ звѣринцахъ львовъ: гдѣ достаютъ они во всякую часть свѣта? либо кто осмѣлится изловить сихъ звѣрей живыхъ? *Палилгонъ.* Ктожъ? какъ не человѣки, какъ я уже примѣтилъ, по благоразумїю все преодолѣваютъ. Гоняютъ ихъ большими собаками: также люди должны быть при семъ верьхами, и сїи два рода тварей, лошади и собаки бываютъ обучены, для того что всѣ звѣри дрожатъ предъ симъ страшнымъ обладателемъ лѣсовъ. Какъ ни тверда его кожа, но не можетъ противиться противъ выстрѣла, ниже противъ метанїя дротиковъ, хотя онъ отъ единой раны не умретъ. Часто ловятъ его какъ волковъ

ковъ капканами и глубокими ямами, которыхъ верьхи бываютъ тонко покрыты, и къ тому привязаны живые звѣри. Какъ скоро левъ пойманъ, то дѣлается кроткимъ, и въ первую минуту какъ о семъ узнаетъ, приходитъ въ изумленіе и стыдъ; тогда можно на него надѣть цѣпь и торбу, и повѣсти куда пожелаешъ. Еще разъ можно у нихъ похитить львятъ, а естьли львица настигаетъ, то охотники бросаютъ ей одного изъ оныхъ, потомъ воротится она назадъ, а между тѣмъ охотники поспѣшаютъ съ другимъ, и дѣлаютъ его кроткимъ.

Нещастная львица, лишенная такимъ образомъ своихъ малинькихъ львятъ! вскричала *Лизанька*, — О нещастная львица, сказала Лотта. — Твое сожалѣніе достохвально объявлено, а мнѣ теперь же вспала на умъ басня, которая между многими другими о львахъ разсказывается господиномъ Шпиритомъ.

VIII

VIII.

Разговоръ съ самимъ собою при вступленіи въ новой годъ.

„ О смертный! воздаждь благодареніе, „ почтеніе и славу тому, который „ учреждаетъ времена, лѣта, дни и „ ночи.

Геллертъ.

Новой видъ дальнѣйшаго теченія земной жизни отворяется предъ моими глазами. Темный видъ въ неопредѣленное время жизни! мрачный видъ въ порядокъ новыхъ приключеній! Это справедливо, что я получаю въ первые дни новаго года достовѣрную надежду должайшей жизни. Всѣ отношенія моего теперишняго состоянія подаютъ мнѣ обезпокоивающія размышленія о будущихъ дняхъ моея жизни. Однакожъ, кто можетъ придать къ правдоподобію моея надежды и къ моимъ

счастливымъ разсужденіямъ точность ? — Время и опытъ. — Но сколь въ короткое время могутъ перемѣниться всѣ тѣ зрѣлища, на которыхъ я теперь утверждаю мою собственную судьбу! Ложась въ постель, могу ли я узнать, что со мною приключится, и востану ли я опять ? Между проходящимъ теперь днемъ и послѣдующимъ находится мрачная завѣса, которая препятствуетъ видѣть каждому испытующему взору будущую нашу судьбу. Итакъ долженъ ли я жаловаться на тѣсные предѣлы моихъ разсматриваній ? — и будутъ ли различествовать чѣмъ нибудь хотя малымъ сіи жалобы отъ поношенія ? — Кто опредѣлилъ мою судьбу ? — Кто поставилъ непроницаемый покровъ надъ будущими приключеніями моихъ лѣтъ жизни ? — Непостижимая Премудрость . . . Вѣчная Любовь . . . Благодареніе тому, которой, вмѣсто плачевной способности, предвидѣть буду-

будущую нашу судьбу, одарилъ насъ большимъ и благополучнѣйшимъ свойствомъ, и влїялъ вѣдуши наши благотворную силу, всегда ожидать лучшаго! Несравненное счастїе! что краткой предметъ, которой мои слабыя очи оставляетъ какъ бы несовершенными, не составляетъ цѣлаго предмета бытїя! Великое благополучїе! что я долженъ радоваться о новой будущности, гдѣ ослѣпляющая завѣса спадетъ съ глазъ моихъ, гдѣ всѣ мои желанїя найдутъ истинной свой предметъ, и мое упованїе усладится.

Слѣдствїя дѣйствїй, которыя чрезъ насъ самихъ, и приключенїй, которыя около насъ происходятъ, суть точная мѣра, по которой должны мы измѣрять всѣ дни жизни нашея. Родъ жизни, принятой мною въ системѣ всего творенїя въ показанномъ мнѣ мѣстѣ, или употребленїе данныхъ мнѣ способностей, опредѣляютъ цѣну моихъ прошедшихъ

шихъ и настоящихъ дней жизни, и полагаютъ купно основанïе моего будущаго упованïя. Естьли не дано намъ разумѣть связь цѣлаго, ниже проникать въ сокровенную тайну Провидѣнïя, полагать число днямъ нашей жизни, или начертывать точной планъ времени нашея жизни; естьли точное изслѣдованïе будущихъ приключенïй не принадлежитъ къ земной остротѣ моего разума: однакожъ всѣ настоящïя минуты суть собственное мое богатство. Я знаю, что большая часть моего будущаго счастïя или нещастïя зависитъ отъ порядочнаго или непорядочнаго оныхъ употребленïя. Когда каждая минута носитъ на крылахъ своихъ собственное воздаянïе, или наказанïе, то какъ долженъ быть примѣчателенъ по томъ каждой новый перïодъ моея жизни, и сколь болѣе примѣчательнымъ должна сдѣлать меня перемѣна каждаго года къ такимъ дѣламъ, ко-

торыхъ слѣдствія непремѣнны, и слѣдовательно тѣмъ для меня могутъ быть или благополучнѣе, или опаснѣе, чѣмъ я болѣе, или менѣе ихъ сообразовалъ съ намѣреніями моего опредѣленія.

Я нахожусь теперь въ тихомъ уединеніи, и занимаю духъ разсматриваніемъ нѣкоторыхъ примѣчательныхъ видовъ, случившихся на прошедшемъ пути моея жизни. Я разсматриваю исторію моего сердца и истинныя побудительныя причины моихъ предпріятій. — Какъ униженно сіе испытаніе для меня самаго и для моего разума! — Я стыжусь, видѣть тѣни худо употребленныхъ мною дней, и боюсь, что я унизилъ мое природное достоинство! Какой ужасной мракъ владычествующей чувственности сокрываетъ отъ глазъ моихъ безконечное число явныхъ, и толикое же множество сокрытыхъ и неизвѣстныхъ благодѣяній! Какъ я могъ,

слыша бѣднаго, произносящаго изъ устъ добродѣтельныя чувствованія благодарности, наслаждаться моимъ великимъ счастіемъ съ равнодушіемъ? — Не довольствуясь вожденіемъ премудраго Промысла, который насъ часто постороннимъ, однако всегда безопаснѣйшимъ путемъ ведетъ къ нашему благополучію; — упоенъ счастіемъ, отчаянъ въ нуждѣ; гордъ въ преходящихъ вещахъ, нестарателенъ о продолжительныхъ благихъ; — расточителенъ въ изобиліи, скупъ къ бѣдности; довѣрчивъ къ распутнымъ, хладнокровенъ при вздохахъ бѣднаго; примѣчателенъ къ волшебному гласу сластолюбія, глухъ къ прелестямъ добродѣтели; прельстителенъ къ хитрости бодрой остроты, хладенъ при наставленіяхъ первѣйшей премудрости; трудолюбивъ къ потерянію времени, и лѣнивъ къ дѣйствіямъ великодушія; завидливъ славѣ честнаго, скупъ на незаслужен-

женныя преимущества — упрямъ въ — — Но какъ я могу такое изображенїе совсѣмъ написать, котораго еще первыя черты уже столько ужасны! — Сколь я бѣденъ долженъ казаться въ очахъ Всесвятаго, когда при самомъ малѣйшемъ испытанїи столь часто страшусь самаго себя! — И Ты, вѣчное благо! еще терпишь меня и съ кротостїю проводишь чрезъ всѣ опасности, окружающїя меня! Любовь твоя не усыпна при моей непримѣчательности и милость твоя блюдетъ меня при всѣхъ слѣдствїяхъ моего безумїя. — Теперь то я признаю, какъ благодѣянїе, то, что ты, вѣчное благо! не оставило никакихъ нужныхъ напоминанїй, которыя меня легкомысленнаго опять наставили на путь премудрости и добродѣтели. — Для спасенїя моего удостоило ты меня перемѣнныхъ наказанїй, которыя одни способствовали къ приведенїю моего сердца, не

 со-

совсѣмъ еще испорченнаго, въ повиновенїе. Въ семъ то училищѣ страданїя, вѣчное благо, ты привело меня къ моему спасенїю, и возжгло священнымъ огнемъ закона погасшую искру разума. Моя душа часто пробужалась къ обожанїю твоего святаго имени: — но ахъ! сколь легко впала она опять въ нѣкоторое опасное дреманїе, заглушена будучи волшебнымъ шумомъ мїра, который (шумъ) могъ въ одно время омерзѣнїе причинить, а въ другое сдѣлать меня нечувствительнымъ къ собственному моему благополучїю. Слава долготерпѣнїю твоему, благодаренїе любьви и милосердїю твоему, что ты, вѣчное благо, спасительными и отеческими наказанїями, меня наконецъ отъ смертнаго сна совсѣмъ возбудило, и предускорило частыми напоминовенїями сохранить меня отъ моей погибели.

Сколь ясно доказываешь ты, вѣчная любовь, что благополучїе тв..

ихъ тварей дороже для тебя, нежели для ихъ самихъ! Ты печешься скрытно о благополучїи тѣхъ, которые явно трудятся о своей погибели, и охотно даешь блудящимся щедрую руку къ выведенїю ихъ тогда, когда они еще не совсѣмъ ожесточились противъ всѣхъ средствъ своего спасенїя. Ты видишь всю глубину бездны, на краю которыя твои ослѣпленныя твари шатаются съ безчувственною радостїю. Ты видишь то, на что они не хотятъ смотрѣть, и нѣкоторое дѣйствительное сожалѣнїе уязвляетъ твое отеческое сердце. Ты изъ одного безконечнаго побужденїя, все то сдѣлать благополучнымъ, что ты почелъ достойнымъ твоего творенїя, выводишь наконецъ полюбовно ослѣпленныхъ своихъ тварей изъ бездны, и открываешь имъ свѣтъ добродѣтели и блаженства. Съ ужасомъ они отверзаютъ ослѣпленныя свои очи, и видятъ еще

прежде, сколь благъ Господь для нихъ. Побуждаемы благородными чувствованїями благодаренїя и удивленїя, падаютъ они съ покорностїю предъ лицемъ Святѣйшаго Существа, спасающаго ихъ отъ крайней погибели, и допускающаго вновь брать участїе въ своей милости.

Я стыжусь, вѣчный Отецъ, возвести очи мои на святыя твои горы. Мое сердце дрожитъ, когда я помышлю о твоемъ долготерпѣнїи и о моей непокорности. Благо мнѣ! благо моей вѣчной душѣ! что ты, мой Отецъ — Ахъ! но я дрожу при семъ священномъ имяни — что ты опять обрѣлъ потерянную свою овцу, и не попустилъ душѣ моей заблуждаться въ вѣчномъ мракѣ! Тебѣ посвящаю я всю мою будущую жизнь! Отъ сего времяни ощущаю я снова влїянїе твоей милости, о обожанїя достойное Существо! Съ сего времяни чувствую я нѣкоторой родъ новаго творенїя, которое допускаетъ меня

съ

съ спокойнымъ удовольствїемъ взирать на приключенїя начавшагося года. Кто находится подъ покровомъ Высочайшаго, и покоится подъ тѣнїю Всемогущаго, кого долженъ бояться, или чего долженъ страшиться? Ты желаешь моего благополучїя, Отецъ мой! я весь тутъ. Содѣлай меня способнымъ и достойнымъ онаго! — — —

Небесная свѣтлость распространяется на будущїе дни жизни, къ которой ты меня снова призвалъ. Ты одинъ можешь меня сдѣлать способнымъ, чтобъ я могъ впредь во всѣхъ моихъ поступкахъ показывать, что благоговѣнїе къ тебѣ, любовь къ твоимъ тварямъ, и справедливое разсматриванїе самаго себя, суть единственной источникъ онаго благополучїя. Я не пекусь о будущемъ. Я полагаюсь на твою милость; въ ней нахожу я все — благодѣянїе и жизнь — Самую мѣру юдоли плачевной, которую ты въ на-

настоящемъ годѣ для моего спасенія почитаешь нужною, долженъ я почитать отъ твоей руки благопріятною. Стремленіе нашихъ страстей, и поврежденіе нашихъ склонностей требуютъ обуздыванія. Искушай меня, Творецъ мой, и испытывай мою душу! Виждь, на правомъ ли я пути, и естьли нѣтъ, то постави мя на оной! —

IX.

Нравоучительныя правила, или Правила мудрости и добродѣтели *Для всегдашняго наблюденія.*

Буди кротокъ, справедливъ, вѣренъ, терпѣливъ и молчаливъ.

Убѣгай роскошности, праздности, гордости, раздора и лжи.

Вѣрь, но знай кому; что у тебя есть, то береги для нужды.

Рано

Рано и поздо, то есть, во всякое время моли Всевышняго о низпослании благодати и благословенія.

Не отлагай того до другаго дни, что надлежитъ нынѣшняго дня сдѣлать.

Давай съ охотою, но берегись быть порукой и брать въ заемъ.

Принимай совѣты и наставленія мудрыхъ съ благодарностію.

Не забывай никогда тѣхъ, кто сдѣлалъ тебѣ какое нибудь добро.

Почитай истинныхъ друзей, и убѣгай коварныхъ сердецъ.

Никогда не выпускай изъ памяти своей того, что мы и сами проходимъ съ лѣтами.

И для того тѣмъ паче пекись во всякое время о томъ, что вѣчно пребываетъ и существуетъ.

X.

Нравственныя размышленія.

1.

Похвала и поношеніе подобны мячю, которой ребята кидают между собою то в ту, то в другую сторону. Хочешь ли ты получить похвалу, то хвали других.

2.

Смиреніе, или скромность полезна как для разумнаго, так и для глупаго: она возвышает достоинство перваго, и скрывает безуміе втораго. В обхожденіи с другими поступай таким образом: больше слушай, менѣе удивляйся; похваляй других, и скрывай собственную остроту.

3.

Добродѣтели, которыя имѣют свое основаніе в природных душевных наклонностях человѣка, суть постояннѣйшія; однако онѣ очень мало быва-

бывают уважаемы, тѣмъ паче, что суть самыя легчайшія. Добродѣтель представляетъ намъ презрѣніе къ безопасности; и никто не бываетъ принужденъ защищаться противу ругательства, или поношенія, кромѣ заслуживающаго оное. Споръ обыкновенно скоро окончивается, естьли одна сторона несправедлива; но оной до безконечности можетъ продолжаться, естьли обѣ стороны правы.

4.

Для мудраго человѣка мало стоитъ содѣлать себя счастливымъ; но глупому всего недостаетъ: и по тому то весьма много есть несчастливыхъ людей.

5.

Не можно почти изъяснить, какое втеченіе привычка имѣетъ въ чувства душевныя, даже и въ самыя дѣйствія тѣла человѣческаго. Слѣдовательно колико нужно, представлять всегда добрые примѣры для

подра-

подражанія предъ глаза нѣжнаго юношества?

6.

Каждой человѣкъ имѣетъ нѣчто въ себѣ добраго, чрезъ что онъ можетъ сдѣлаться потребнымъ и полезнымъ; однакожъ рѣдко кто сіе знаетъ, а иные и во все не разумѣютъ сдѣлать съ того порядочное употребленіе.

7.

Посмотри на поле! Класы, подымающіеся въ верьхъ и стоящіе прямо бываютъ безсѣменны. Равнымъ образомъ и съ людьми случается; тѣ, кои, будучи надменны гордостію и пышностію наиболѣе хвалятся и тщеславятся, бываютъ самыя пустыя головы и имѣютъ весьма мало разсудка, достоинства и способностей.

8.

Разумъ нашъ не разбираетъ никакихъ страстей съ такою справедливо-

дливостїю, какъ тѣ, которыя ни мало не касаются насъ: мы обыкновенно бываемъ тѣми людьми очень довольны, которые кажутся съ нами за одно.

Никто не прощаетъ пороковъ другихъ людей съ большею прїятностїю, какъ тотъ, кто чрезвычайно бываетъ строгъ вразсужденїи своихъ собственныхъ.

Неблагодарность происходитъ отъ того, что многїе не признаютъ своей суетности и слѣпы бываютъ вразсужденїи себя.

Естьли иногда обнаруживается ошибка разума, то не должно думать, что онъ вовсе не заслуживаетъ имени сего.

Никто небудетъ хвалить съ удобностїю пороковъ другихъ, кто не хочетъ чрезъ то сыскать для собственныхъ равнаго права.

Весьма опасное дѣло, показывать тѣмъ, которые никогда не желаютъ

имѣть не правды, что они несправедливы.

XI.

Благодѣтель и Мудрецъ.

Китайская повѣсть

Тшингъ-фангу, Китайскому Императору пришла нѣкогда въ голову такая мысль, которая безпокоитъ немногихъ Монарховъ. Онъ пожелалъ точно испытать, что такое собственно есть Мудрецъ, и гдѣ можно найти сїе рѣдкое творенїе? Желанїя Государя суть могущественныя повелѣнїя. Онъ тотчасъ обнародовалъ во всемъ Китаѣ, дабы всѣ, почитавшїеся Мудрецами, для полученїя милости предстали предъ его Императорскимъ трономъ. Славный старикъ *Хамзу* у былъ довольно гордъ, чтобы почитать себя мудрѣйшимъ изъ всея страны. Онъ

жилъ

жилЪ въ щастливомЪ увѣренїи, что никто другой, кромѣ его не имѣлЪ справедливаго требованїя на сїе блестящее титло. Изготовленїе почти ста ТоасовЪ, или книгЪ въ поясненїе Конфуцїя влїяло въ него столько смѣлости, сколько требовалось, чтобы въ глазахЪ строгаго судїи себя самаго хвалить. Слова текли какЪ источникЪ, сколько бы долго ни говорилЪ онъ предЪ ГосударемЪ о своихЪ талантахЪ, многочисленныхЪ дѣлахЪ и о самомЪ себѣ. Его человѣколюбїе, безкорыстїе и непорочность были самомалѣйшїя добродѣтели, которыми онЪ славился. Что было естественнѣе сего твердаго ожиданїя, что ИмператорЪ излїетЪ на него всѣ свои благодѣянїя, и принудитЪ замолчать тѣхЪ, которые будутЪ судить о немЪ? Государь смотрѣлЪ на него съ презрѣнїемЪ. Это конечно, говорилЪ онЪ, не тотЪ, кого я ищу. Удалите сего надутаго болтуна! —

Тотчасъ онъ былъ отведенъ и стыдъ сопровождалъ мнимую его мудрость. Въ продолженіи пути своего устыдился презрѣнный *Хамзу-у* и умножилъ своею безсильною злобою соболѣзнованіе благодѣтельнаго *Тшингъ-фанга.*

Послѣ его явился нѣкоторой *Тзе-е*, котораго разумъ питался мечтами. Его удовольствіе состояло въ томъ, что бы облака, закрывающія истинну, еще болѣе затмѣвать. Во множествѣ книгъ своихъ онъ ничего столько ясно не доказалъ, какъ то, что онъ безъ вреда человѣчеству и истиннѣ можетъ быть и не быть. Самое малѣйшее его дѣло показывало безмѣрную его гордость. Отличаться между всѣми было его главнѣйшее стараніе. Чтобъ не имѣть ничего общаго съ другими Учеными, принялъ онъ самой развратной образъ умствованія. Быть одѣтымъ подобно своимъ согражданамъ, почиталъ

тталЪ онЪ за самое большее униженїе. ОнЪ ѣлЪ всегда теплое, для того что Китайцы обыкновенно кушали холодное, а пилЪ холодное потому, что они всегда пили теплое. ОнЪ думалЪ, что люди довольно будутЪ слабы, чтобЪ удивляться болѣе всего тому, что сЪ ними самими, и ихЪ поступками имѣло хотя малѣйшее сходство. Ему никогда не приходило на умЪ бояться презрѣнїя людскаго, хотя онЪ оскорблялЪ явнымЪ презрѣнїемЪ весь родЪ человѣческїй. ОтЪ недостатка обходительности былЪ онЪ тѣмЪ болѣе несчастливЪ, что никакЪ не искалЪ распространить болѣе предѣловЪ своихЪ удовольствїй и своего разума. ВЪ его сочиненїяхЪ не было ни порядка, ни связи. Презрѣнная часть ПекинскихЪ женщинЪ возвышала его почти до облаковЪ, что и способствовало нѣсколько здѣлать его моднымЪ. Два слова изЪ устЪ сего человѣка

 доказали

доказали Государю, что *Тзе-е* есть смѣшная тварь, которую не было нужды ему далѣе испытывать.

Какъ, вскричалъ съ негодованїемъ *Тшинг-фангъ*? Не уже ли нѣтъ въ моемъ пространномъ Государствѣ и во всемъ Китаѣ такого Мудреца, какого я себѣ представляю! — Се онъ, возопилъ молодой *Мандаринъ*, запыхавшись! Ты видишь, великїй Государь, образецъ премудрости передъ твоими стопами. Мое единственное знанїе есть быть всегда безъ дѣла. Я увѣренъ, что все, какъ въ средоточїи земнаго круга, на мнѣ ограничивается, и что все, окружающее меня, сотворено для моей пользы. Я достигъ основанїя всѣхъ человѣческихъ познанїй, и научился искусству быть совершенно нечувствительнымъ ко всему тому, что мнѣ непрїятно. Знанїе удовольствїя я совершенно испыталъ. Спокойствїе почитаю я высочайшимъ счастїемъ человѣковъ. Я люблю себя болѣе

всего,

всего, когда душа моя бездѣйственна; потому что чрезъ то щажу силы моея жизни, будучи увѣренъ, что тогда я употребляю правильно бытїе свое, когда ничего не дѣлаю. Словомъ: я живу только для себя. — Отведите сего нещастнаго, сказалъ Государь, котораго послѣднїй мой невольникъ превосходитъ въ дѣятельности и прозорливости. Не ужъ ли вся премудрость моего государства основанна токмо на гордости и дурачествѣ? — Словомъ: между сорока тысячами Ученыхъ, которые въ Пекинѣ упражнялись въ Философїи, не было ни одного, которому бы *Тшинг-фангъ* могъ дать имя Мудреца. Государь еще отъ того не пришелъ въ отчаянїе. Трудно утишить въ себѣ желанїе, привыкши весьма рѣдко желать всуе. Онъ принялъ новыя мѣры для достиженїя къ своему предмету, и рѣшился предпрїять путешествїе самъ собою. Знаемый Монархъ, думалъ онъ, немного

много бы на своемъ путешествіи могъ сдѣлать выгодныхъ открытій, причиня Государству своему несказанныя издержки. И такъ его намѣреніе состояло въ томъ только, что бы на короткое время отказаться отъ своего достоинства.

Тшингъ-фангъ поручилъ правленіе Государства своему брату, и отправился въ путь незнаемо съ двумя своими любимцами, дабы слѣдовать безпрепятственно предмету своихъ испытаній. Не подалеку отъ большой стѣны Государства увидѣли они на вершинѣ горы башню, которая казалась быть жилищемъ Мудреца. Они взошли на верхъ горы, исполненны надежды, и *Тшинг-фангъ* поздравлялъ себя, что такъ скоро достигнулъ цѣли своего путешествія. Человѣкъ, подобной разъяренной Фуріи, выбѣжавъ имъ на встрѣчу кричалъ: „ Чего ищетъ человѣческое „ дерзновеніе на семъ пустомъ „ утесѣ? Не думаете ли вы завладѣть

„ моимъ

„ моимъ убѣжищемъ, которое мнѣ „ самые дикіе звѣри безъ препятствія предоставили? „— Пораженъ такою неожидаемою встрѣчею Государь, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ то на своихъ спутниковъ, то на приближающагося обитателя башни. — Я ищу Мудреца, сказалъ *Тшингъ-фангъ*, и меня увѣрили, что я его здѣсь сыщу. „ Мудреца? прервавъ незна„комый; когда сіе имя прилично „ существу, которое взираетъ на „ весь родъ человѣческій съ омерзѣ„ніемъ; то не ходите далѣе! Вы „ нашли то, чего искали. Никто „ не можетъ столь откровенно людей „ ненавидѣть, какъ *Тиму-у*. Естьлибъ они, какъ я желаю, всѣ „ имѣли только одно тѣло, и „ въ ономъ одинъ общей источ„никъ жизни, съ какимъ удоволь„ствіемъ желалъ бы я отравить „ послѣдній, дабы разрушить чрезъ „ то первое, и съ нимъ весь родъ „ человѣческій. Я уже 20 лѣтъ оби-

„ таю въ сей пустынѣ, и ежедневно
„ возношу жалобы къ *Тїену*, что
„ не подаетъ мнѣ случая къ сему
„ желаемому уничтоженїю. Отсту-
„ пите отъ меня несносныя лица,
„ или бойтесь сея стрѣлы, которую я
„ пустить хотѣлъ на животныхъ,
„ васъ невиннѣйшихъ, которыя слу-
„ жатъ къ продолженїю печальныя
„ дѣятельности моея презрѣнныя
„ жизни. Государь еще хотѣлъ
отважиться сдѣлать нѣкоторыя
испытанїя, но *Тиму-у*, повергшись
внезапно на землю, пришелъ въ
болѣзненную ярость. О! *Тїенъ*, возо-
пилъ Государь — и сострадательныя
слезы полились изъ глазъ его. — Я
нахожу тамъ явное нещастїе и
глупость, гдѣ ищу премудрости.
Сколь прискорбно по чувствованїю
благотворительности, когда я на-
шелъ въ семъ государствѣ дѣй-
ствительно нещастнаго! Сколь рѣд-
ка премудрость въ моемъ обширномъ

Госуда-

государствѣ! говорилъ *Тшингъ-фангъ*, и удалился съ печалїю отъ сего огорченнаго человѣконенавистника.

Послѣ сего прибыли путешественники въ одинъ самой большой Китайской городъ. Здѣсь говорили повсюду съ почтенїемъ о нѣкоторомъ *Оуци-фоугѣ*, великомъ нравоучителѣ, что видно было изъ многихъ его сочиненїй. *Тшингъ-Фангъ* и съ нимъ путешествующїе просили проводить ихъ къ нему. Они думали сами найти въ немъ великаго Мудреца. Его заключенїя основывались на здравомъ разсудкѣ, благоразумїи, порядкѣ и почитанїи къ законамъ. Государь не сомнѣвался, что онъ будетъ имѣть въ жизни ту щастливую минуту, которая представитъ ему достойнѣйшїй подражанїя образецъ мудрости.

Нѣкоторый вѣстникъ *Мандарина* правосудїя прервалъ его счастливое вообра-

воображенїе. Привели передъ *Мандарина* одного несчастливца, который долго просилъ безполезно милости богатыхъ, и былъ отъ всѣхъ прогоняемъ съ поношенїемъ и презрѣнїемъ. Отъ него зависѣло только, что бы не видѣть предъ глазами своими истаевающихъ гладомъ немощнаго отца и бѣдныхъ своихъ дѣтей. Въ недостаткѣ другаго возможнаго средства для перенесенїя сего несноснаго бремени, принужденъ онъ былъ украсть мѣру сорочинскаго пшена. Судья, смягченный печальными обстоятельствами виноватаго, не могъ рѣшиться осудить достойнаго наказанїя. Онъ просилъ у мудраго *Оуци-фоуга* совѣта. Самое первое опредѣленїе мудреца было свободить нещастнаго. Въ ту же минуту пришелъ откупщикъ Мудреца, увѣдомить его, что у него украдена мѣра сорочинскаго пшена. У меня? спросилъ онъ, весьма скоро, и позвалъ назадъ посланнаго къ

нему.

нему. Скажи *Мандарину*, сказалъ „ онъ съ негодованïемъ, что его „ должность наказывать винова„ тыхъ по строгости законовъ. „ О! возопилъ Государь, пришедши въ изумленïе отъ сего дѣла, кокое ненавистное ослѣпленïе мнимой мудрости! Я почитаю его знанïя, и проклинаю его скупость. Нѣтъ! *Оуци-фоугъ* не тотъ, кого я ищу.

Монархъ дѣлалъ тысячу новыхъ открытïй, которыя всѣ были равно безполезны, какъ и первыя. Съ прискорбнымъ сердцемъ предпринялъ онъ обратное путешествïе въ столичной городъ. „ Какъ несчастливъ „ я, такъ говорилъ онъ своимъ „ любимцамъ, что владѣю такимъ „ Государствомъ, въ которомъ почи„ таются особливою мудростïю „ гордость, ослѣпленïе, безчувство „ и низкïя страсти! Къ чему мнѣ „ тронъ, съ котораго я принужденъ „ взирать на однихъ глупцовъ? Или „ мудрость по своей природѣ есть

„ одно

„ одно творенїе воображенїя? „ Безъ сомнѣнїя, великїй Монархъ, отвѣчали на его слова его любимцы — Мудрость есть прекрасная мечта, искать ее, есть тоже, что гоняться за тѣнью. *Тшинг-фангъ* пожавъ плечами, продолжалъ свой путь въ Пекинъ. Разговаривая о мысленномъ образѣ мудрости, достигли путешественники малой деревни. Не далеко отъ оной увидѣли они въ тѣсной долинѣ едва примѣтной домикъ, котораго чистота имѣла довольно прелести, чтобъ приманить ихъ. Крестьянинъ долженъ былъ увѣдомить ихъ о томъ, кому принадлежало сїе малое изрядное жилище? — Сей домикъ, отвѣтствовалъ онъ, есть жилище добраго старика совсѣмъ особливаго свойства. Мы часто старались причинять ему всякїя досады, однако никакъ не можно его раздражить. Чѣмъ болѣе мы огорчаемъ его, тѣмъ паче онъ старается дѣлать намъ добро. Это какой нибудь весьма

слабой

слабой человѣкъ, о которомъ мы впрочемъ мало заботимся.

Государь, который въ своихъ мысляхъ былъ весьма отличенъ отъ большей части людей, почувствовалъ сильное желанїе узнать покороче сего мнимаго слабаго человѣка. Онъ велѣлъ своимъ любимцамъ дожидаться у дому, а самъ пошелъ одинъ увидѣть живущаго въ немъ. Все въ домѣ показывало простоту, вкусъ, скромность и благопристойность. Стада паслись около дому, и высочайшїя деревья были въ верьху сплетенны, чтобы путешествующїе не могли имѣть недостатка въ покоѣ и прохладительныхъ тѣняхъ.

При дверяхъ дома тѣснились убогїе, которые увѣдомили Государя, что домъ сей есть прибѣжище бѣдныхъ, и что имъ часто здѣсь раздѣляема была пища. Исполненъ любопытства, вступилъ онъ въ домъ. Радость, многообразно услаждавшая всѣ трудности его путешествїя, нечаянно

нечаянно вселилась въ добродѣтельное сердце великаго *Тшингъ-Фанга.* — *Ронгъ-зунъ*, старикъ 70 лѣтъ стоялъ на колѣняхъ, не примѣтивъ Государя. „ Богъ Боговъ! всемогу-
„ щій *Тіенъ!* тако молился старикъ.
„ Гдѣ я долженъ искать словъ для
„ изъясненія тебѣ моего благода-
„ ренія? Ты взялъ отъ меня мой
„ избытокъ и мое ослѣпляющее ве-
„ личество; но оказалъ мнѣ благо-
„ дѣяніе, что я могу раздѣлить
„ свой сбереженный хлѣбъ съ моими
„ алчными собратіями, и чувство-
„ вать въ благодѣяніи вкусъ бла-
„ женства, которое составляетъ
„ часть твоего, о *всеблагій Тіенъ,*
„ собственнаго величества! — Про-
„ должай изливать свои блага на
„ сіе государство! Бди надъ судьбою
„ добраго Государя, и учини чадъ
„ моихъ достойными служить тебѣ
„ Господу и отечеству; подаждь
„ имъ довольно мудрости, да боятся
„ Тебя, и да чтутъ твое имя! Даждь

„ мнѣ,

„ и мнѣ, великій *Тіенъ*, окончать
„ жизнь мою спокойно въ объятіяхъ
„ возлюбленныхъ моихъ дѣтей!
„ Ихъ повиновеніе есть моя радость.
„ Сколь весело буду я попремѣнно
„ обнимать ихъ, когда ты воз-
„ требуешь мой духъ предъ себя, и
„ благословивъ ихъ, забытый отъ
„ всего прочаго свѣта, почію въ
„ мирѣ. —

Тшингъ-фангъ во время сей молитвы былъ порываемъ благотворительнѣйшими чувствованіями. Онъ намѣревался обнять старика, какъ сей обратившись примѣтилъ чужестранца. Онъ скоро всталъ и спросилъ Государя: какимъ случаемъ зашелъ онъ въ мѣсто, столь отдаленное отъ большей дороги? — Желаніе, отвѣтствовалъ *Тшингъ-Фангъ*, обрѣсти жилище добродѣтели и мудрости завело меня сюда. Не здѣсь должно искать сихъ сокровищъ, великодушный Чужестранецъ! отвѣчалъ съ скромностію старикъ. Вы

видите предъ собою только образъ бѣдности и спокойствїе. Однакожъ скажите, въ чемъ могу я быть вамъ полезнымъ? Я буду вспомогать съ дѣтьми моими въ вашихъ нуждахъ столько, сколько *великїй Тїенъ* поставилъ въ нашей власти наслаждаться сими прелестьми благотворенїя. Тутъ представилъ онъ *Тшингъ-Фангу* своихъ четверыхъ дѣтей, которыя всѣ питались земледѣлїемъ и предлагали *Тшингъ-Фангу* цвѣты и плоды.

По совершенїи краткой молитвы къ *Тїену*, сѣли они за столъ. Государь ѣлъ съ хорошимъ аппетитомъ и не могъ довольно надивится дружелюбїю старика. Какъ давно, спросилъ *Тшингъ-Фангъ*, доброй старикъ живешь ты въ семъ отдаленномъ мѣстѣ? Я живу, отвѣчалъ онъ, около сорока лѣтъ совсѣмъ безызвѣстно. Я дѣлаю столько добра, сколько могу. Это мое единственное утѣшенїе, которое при воспоминанїи

моего

моего нещастнаго состоянїя еще для меня остается. И такъ ты былъ нещастливъ? — По крайнѣй мѣрѣ казался я таковымъ въ глазахъ людскихъ; однакожъ я весьма одолженъ моему нещастїю. — Оно научило меня состраданїю, сему тихому удовольствїю чувствительныя души. Безъ потерянїя милости я никогда невкушалъ бы удовольствїя, отъ дѣятельнаго состраданїя происходящаго. Что ты хочешь сказать, достопочтенный *Ронгъ-зунъ*, чрезъ *потерянїе милости*? — Я былъ прежде сего одинъ изъ Министровъ прежде бывшаго Государя. Моя [illegible]пность безпокоила нѣкоторыхъ Придворныхъ. Я вскорѣ сталъ жертвою оклеветанїя. Враги мои много властвовали въ сердцѣ моего Государя. Языкъ ласкательства гораздо вкрадчивѣе, нежели непрїятные звуки истины. Лишили меня моихъ почестей, моего сана и имѣнїя; не для того, якобы я былъ предатель отечества, но поелику

былЪ врагЪ несправедливости и подлаго ласкательства. На остатки моего разрушеннаго щастїя купилЪ я себѣ малое поле, которое нынѣ обработываю и ежедневно орошаю моимЪ потомЪ. Я построилЪ здѣсь сей домЪ, которой довольно пространенЪ, чтобЪ по законамЪ гостопрїимства принять какого нибудь чужестранца. — Но какЪ Государь умерЪ, не поправя своей ошибки? — ОнЪ былЪ человѣкЪ. Его обманули. ОнЪ не могЪ учинить мнѣ никакой несправедливости; потому что онЪ, не будучи мнѣ обязанЪ, отнялЪ у меня то, безЪ чего я могЪ обойтиться. Еще каждой день благословляю я память сего великаго Государя, и прошу *Тїена*, да излїетЪ онЪ всю свою благость на его достойнаго сына *ТшингЪ-Фанга*. —

ТшингЪ-Фангу нужно было сдѣлать себѣ насилїе, чтобы удержать свои слезы. — Доброй старикЪ, сказалЪ тронутый Государь, его сынЪ любилЪ

билЪ бы тебя, естли бы ты того пожелалЪ. — О я не имѣю намѣренія больше и помышлять о Дворѣ. Мое первое желаніе есть, умереть вЪ семЪ щастливомЪ уединеніи. Я увѣщеваю своихЪ дѣтей повсядневно, чтобЪ они не оставляли сего прибѣжища бѣдныхЪ и злощастныхЪ. Здѣсь могутЪ они, устремивЪ иногда глаза свои на бугорЪ, меня покрывающій, жертвовать моей памяти дѣтскими нѣжными слезами, и соединить нѣкогда прахЪ свой сЪ моимЪ. Довольствуясь здоровыми и питательными плодами сего поля, будутЪ они всегда щастливы, и временемЪ могутЪ быть утѣшеніемЪ для нѣкоторыхЪ оставленныхЪ. — И тебя совсѣмЪ болѣе не возбуждаетЪ слава прежняго состоянія кЪ тайнымЪ пожеланіямЪ? — СколЪ истинно почитаю я *Тіена*, благородной пришелецЪ, столь истинно почитаю я настоящее мое положеніе благодѣяніемЪ, за которое всегда буду

 благода-

благодарить. Не должно ль предпочесть щастливую и безопасную мрачность, въ которой я живу, ненадежнымъ ослѣпленіямъ великаго имени? Добродѣтель повсюду изобильно награждается не многимъ добромъ, которое она производить можетъ. Жители сей вблизи лежащей деревни увеселяются иногда тѣмъ, чтобы опустошать мои луга и повреждать плодоносныя мои деревья. — Какоежъ мщеніе имъ за то? — Я стараюсь о ихъ больныхъ, я насыщаю ихъ бѣдныхъ и утѣшаю злощастныхъ въ ихъ нещастіи — О! удивленія достойный мужъ, щастливый мудрецъ! Удивленія достойный? когда я исполняю мою должность? Развѣ я не обязанъ сносить погрѣшности другихъ къ собственному исправленію? Кто щастливѣе? Оскорбитель ли, или оскорбленный? Склонность прощать другихъ доставляетъ такое удовольствіе, котораго Оскорбители никогда не чувствуютъ. — *Тшинг-фангъ* погруженъ былъ неподвижно

По смерти Государя и его мудраго любимца, Китайцы воздвигли въ честь обоимъ два славные памятника. Изображенїе Государя ознаменовано было именемъ Благодѣтеля, а Ронг-зуново именемъ Мудреца.

XII.

ПРИМѢРЪ

Истиннаго правосудїя и великодушїя.

Восточные жители мало могутъ показать такихъ Государей, которые бы въ справедливости своей и правосудїи столько прославились, какъ Султанъ *Санджаръ*, сынъ Мелекхала Селжїуврида, чему слѣдующее повѣствованїе можетъ послужить доказательствомъ. Султанъ *Санджаръ*, по совершенїи кровопролитнаго сраженїя, на которомъ онъ показалъ блестящїе опыты своей храбрости и своего искусства,

вошелъ

вошелъ торжественно въ городъ Палику. Побѣдоносное его воинство послѣдовало за нимъ, и весь народъ, желающїй видѣть своего Государя и сїе великолѣпное шествїе, вышелъ за градскїя стѣны. Близъ сего города находилось зданїе чрезвычайной вышины на сорока мраморныхъ столпахъ. Когда войска проходили мимо сего зданїя, то сынъ одного бѣднаго дервиша, желая лучше разсмотрѣть ихъ шествїе, взлѣзъ на самую верьшину сего зданїя. Султанъ, проѣзжая мимо, увидѣлъ нѣчто на верьху сидящее, что и почелъ за птицу. Будучи весьма искусенъ въ стрѣлянїи изъ лука, хотѣлъ предъ всѣми показать свое искуство, прицѣлился въ него, и стрѣла низвергнула въ крови сего робенка. Сколь великъ былъ ужасъ, или паче отчаянїе сего Государя при семъ печальномъ позорищѣ! Онъ соскочилъ тотчасъ съ лошади, бросился на тѣло, и предался жесточайшей скорби.

би. Онъ послалъ тотчасъ за отцомъ того мальчика, повелъ его въ свой кабинетъ, и заперся съ нимъ одинъ. По томъ вынулъ кошелекъ червонцевъ, и обнаживъ свой мечъ, положилъ оной на столъ подлѣ кошелька. „Ты видишь во мнѣ, сказалъ онъ Дервишу, убїйцу твоего сына. Я бы могъ себя оправдать, и доказать тебѣ, что я его не съ намѣренїя умертвилъ, но оправданїе ни мало не умалитъ твоего нещастїя. Ты знаешь законъ; доволенъ ли ты тѣмъ, когда я воздамъ златомъ за кровь твоего сына? Вотъ злато! ежелижъ тверд пребудешь въ той строгости, и потребуешь крови за кровь, то вотъ мой мечъ! умертви меня; а я уже сдѣлалъ нужное къ тому, чтобъ тебѣ ничего не встрѣтилось противнаго, когда ты оставишь меня на мѣстѣ. — И, Государь! вскричалъ Дервишъ, бросившись къ стопамъ Монарха, санъ твой превознесъ тебя выше

другихъ

другихъ людей, но правосудїе твое болѣе тебя надъ ними превозноситъ. Да не попуститъ всевышнее Существо наложить руку мою на такого Государя, который составляетъ жизнь и душу своего Государства. Нещастный мой сынъ претерпѣлъ токмо ту печальную участь, которая отъ вѣка въ книгѣ судебъ для него была назначена. Ты невиновенъ его смерти, и я не могу принять отъ тебя никакой платы. — — Твое безкорыстїе, повторилъ удивленный Султанъ, заслуживаетъ великое награжденїе. Я именую тебя Градодержателемъ Цалики. Люди, превосходящїе подобно тебѣ великодушїемъ и чувствованїями другихъ, сотворены на то, чтобъ надъ другими владычествовать.

XIII.

Оправданная невинность.

Нѣкоторой хлѣбникъ въ Венецїи былъ столькожъ милостивый, сколько и

и миролюбивый гражданинъ. Въ теченіе двацатилѣтняго своего пребыванія въ семъ городѣ, не была производима на него никакая прозьба и никакая жалоба. Ужасная нечаянность была причиною, что онъ въ одинъ день весьма поздо домой возвращался. Идучи дорогою, услышалъ онъ крикъ, которой и повлекъ его къ тому мѣсту, отъ котораго оной происходилъ. Онъ находитъ тамъ нещастнаго, плавающаго въ своей крови, испускающаго послѣднее дыханіе. Въ туже самую минуту приставы, шедшіе мимо того мѣста, схватили хлѣбника и принесли мертвое тѣло къ уголовному судьи. Въ мѣхѣ нещастнаго былъ ножикъ, которымъ онъ былъ умерщвленъ. Тотчасъ обыскали хлѣбника и онъ имѣлъ въ одномъ карманѣ пустыя ножны. Попытали, войдетъ ли ножикъ, вынятый изъ мертваго тѣла, въ пагубныя ножны, видѣли, что ножны сдѣланны для сего ножика, изъ

изъ чего и заключили, что ножъ принадлежитъ хлѣбнику, и что слѣдовательно онъ есть убїйца. Нещастный сколько ни клялся въ своей невинности, однако его осудили къ наказанїю, и скоро совершить положили ужасный надъ нимъ приговоръ. Спустя двѣ недѣли послѣ сего кровавого осужденїя, пойманъ былъ и казненъ истинный убїйца. — Сїе несчастїе ввело въ Венецїи весьма похвальное употребленїе, которое продолжалось чрезъ нѣсколько лѣтъ, то есть, ежели судьи намѣревались приговоръ сдѣлать къ смерти, то Секретарь долженствовалъ имъ сказать: recordate vi del povero fornaro т. е. *Вспомните о бѣдномъ хлѣбникѣ!*

XIV.

Матерняя любовь.

Елисавета Ебертъ, дочь Гренадира Севастїана Еберта, вышла за мужъ

времени находились въ супружествѣ, но не имѣли того удовольствія, чтобъ видѣть залогъ своего супружества, не были отвращены суровымъ видомъ и отказами Елисаветы. Они давали ей священныя клятвы, что примутъ ея дочь вмѣсто собственнаго своего дитяти, и дать ей нѣкогда знатной удѣлъ: они уже готовы были подтвердить сіе свое обѣщаніе предъ свѣтскимъ и духовнымъ судомъ; но сія достойная мать ни мало не внимала всѣмъ такимъ искусительнымъ предложеніямъ. Ее также не устрашали и тѣ 605 миль, которыя еще ей надлежало пройти съ любезнымъ своимъ бременемъ; во всю сїю продолжительную дорогу не нарушила она никогда свойства матери. Главные Офицеры Цвейбрикскаго полку, тронуты будучи симъ блестящимъ знакомъ матерней любви, опредѣлили матерѣ и дочери годовое содержаніе и она

жила съ нимъ, пока полкъ находился гарнизономъ въ Ландавѣ.

XV.

Невинное слѣдствїе Стихотворческой похвалы.

Стихотворецъ Небати, имѣвшїй свое пропитанїе отъ тѣхъ похвалъ, которыя онъ разточалъ для Вельможей, былъ нѣкогда потребованъ предъ Кади. Стихотворецъ не мало тому дивился; онъ весьма былъ въ томъ увѣренъ, что никого не обидѣлъ; потому что ласкательства его распространялись даже и на послѣднѣйшихъ рабовъ его благодѣтелей; почему съ сей стороны опасаться было ему нѣчего; сверьхъ же сего не было у него ни де[illegible]ъ ни имѣнїя, и ничѣмъ никому не былъ долженъ; и такъ онъ не понималъ, чего отъ него требовать хотятъ. Представъ предъ

предъ судью, увидѣлъ онъ одного человѣка, который на него жаловался въ разсужденіи требованія ста червонцевъ. — А на чемъ основывается твое требованіе? спросилъ изумленной стихотворецъ. На твоихъ стихотвореніяхъ, отвѣчалъ проситель: ты сочинилъ стихи Ибнъ-Малику, нашему великому Визирю, которыя должны мнѣ принести отъ тебя, или онъ него сто червонцевъ. Вотъ содержаніе сихъ стиховъ: „Ибнъ-Маликъ превосходитъ великодушіемъ всѣхъ „людей. Всякъ можетъ просить „у него благотвореній, и я въ томъ „порукою, что онъ ему не откажетъ„ По таковому увѣренію просилъ я у Визиря сто червонцевъ, которыя мнѣ весьма нужны; но онъ мнѣ въ томъ отказалъ, а какъ ты за него ручаешся, то я отъ тебя и требую оныхъ.

Небати, будучи въ твердой надеждѣ, испросилъ только отсрочки,

 чтобъ

чтобъ переговорить съ первымъ должникомъ, и побѣжалъ къ Ибнъ-Малику. Я оказалъ тебѣ такую честь, говорилъ онъ ему, какой ты недостойнымъ никакъ учиниться не можешь: я не требую того, чтобъ ты освободилъ меня отъ поручительства, но совѣтую тебѣ, такъ себя показывать, какъ я тебя изобразилъ — И я симъ доволенъ, повторилъ Визиръ; но прошу тебя, ради моей скромности, не оказывай мнѣ впредь больше никакой чести!

XVI.

Сколько нужно быть послушливымъ.

Францъ и братъ его Богданъ просили нѣкогда у отца своего позволенія играть въ саду.

„ Я вамъ это позволяю, сказалъ „ отецъ, но вы останьтесь въ немъ.

Такимъ

Такимъ образомъ они пошедъ въ садъ, играли тамъ нѣсколько времени съ великимъ удовольствіемъ; но на конецъ Францъ, увидѣвъ заднюю садовую дверь створенную, просилъ брата своего, чтобъ онъ съ нимъ вышелъ.

„ Да вѣтъ батюшка приказалъ „ намъ остаться въ саду, сказалъ „ братъ.

„ Охъ, отвѣчалъ Францъ, онъ „ вѣрно только хотѣлъ, чтобъ мы „ не выходили изъ большой двери „ на улицу; но что намъ сдѣлается, „ есть ли мы тутъ погуляемъ ме„ жду кустарниками.

„ Пойдемъ, братецъ, посмотрика, „ какъ здѣсь хорошо. И такъ они вышли.

Долгое время бѣгали они между кустами: но на конецъ примѣтивъ, что наступаетъ ночь, хотѣли воротиться; но ни одинъ изъ нихъ не зналъ дороги. Тутъ начали они плакать и кричать.

По щастію отецъ услышавъ ихъ, прибѣжалъ на ихъ крикъ и нашедъ ихъ, сказалъ: Вотъ видите „ судьбу тѣхъ, которые пренебре- „ гаютъ совѣты разумныхъ людей! „ Я зналъ, что вы внѣ саду не най- „ дете дороги, и для того то вамъ „ приказалъ остаться въ немъ. Те- „ перь не могу я вамъ позволить „ играть другой разъ въ саду; ибо „ я увѣренъ, что вы опять уйдете. „

И такъ они принуждены были остаться въ комнатѣ, когда отцу не льзя было пойти съ ними.

Сколько разъ тогда они говаривали съ горестію: Ахъ естьлибъ мы не „ бывали не послушливы!

Перевелъ Хр. *Ладо.*

XVII.

Изреченія разныхъ народовъ

I. *Восточныя.*

Жизнь человѣческая есть книга бѣлой бумаги; берегись вносить въ оную другія дѣла, кромѣ добрыхъ.

При рожденіи твоемъ другіе радовались, а ты плакалъ; живи такъ, чтобъ ты могъ радоваться въ часъ смерти твоея, когда многіе плачутъ.

Предпочитай бѣднаго, не завидующаго богатству, богатому, не милосердствующему о бѣдномъ.

Почитай ложъ выше, которая приноситъ миръ, и благоденствіе сохраняетъ, нежели истинну, воспламеняющую брань и производящую раздоръ.

Горе тому народу, въ которомъ юность имѣетъ уже пороки старости, а старость еще безуміе юности.

Безпокойный родъ человѣческій раздѣляется на два класса: одни ищутъ, и не умѣютъ сыскать, другіе находятъ, и не умѣютъ пользоваться.

Подлинный сирота не тотъ, который лишился своего отца, но

тотъ, котораго отецъ оставилъ безъ хорошаго воспитанія.

Рѣчь подобна стрѣлѣ, которая когда ты пустить не возвратится къ тетивѣ, равнымъ образомъ и рѣчь къ твоимъ устамъ.

Тайна твоя есть твой рабъ; когда она у тебя вырвется, то сдѣлается твоимъ господиномъ.

Терпѣніе укрѣпляетъ духъ и поможетъ противъ всякаго зла.

Нетерпѣніе въ скорби есть преисполненная мѣра унынія.

Кошка мыши кажется львомъ, а тигру не иначе какъ мышью.

Придверникъ глупаго можетъ во всякое время сказать: *Нѣтъ никого дома.*

---

2. *Нѣмецкія.*

Перележди вечеръ, прежде нежели проживешь хорошій день: пережди смерть, прежде нежели будешь провождать хорошую жизнь.

Свѣтъ

Свѣтъ прекрасенъ по тому, что онъ многоразличенъ.

Величайшая между всѣми книгами есть книга: *для чего.*

Честный человѣкъ имѣетъ больше разума, какъ потребно; а бездѣльникъ всегда имѣетъ недостатокъ въ своемъ.

Никто не бываетъ столь добръ, чтобъ не могъ быть лучше, и столько худъ, чтобъ не сдѣлался хуже.

Потерпи, другъ мой, сказалъ волкъ къ ослу, котораго онъ пожиралъ.

Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ пожинаетъ.

То колесо, которое причиняетъ больше стуку, есть хуже.

Злобный человѣкъ подобенъ углю; естьли онъ не обожжетъ тебя, то покрайней мѣрѣ замараетъ.

Серебрянный ключь отворяетъ и желѣзныя двери.

Гдѣ нѣтъ воловъ, тамъ пашутъ и на ослахъ.

Иванушка притворился, будто боится телятъ, но ночью воровалъ и быковъ.

Дарья сказала новорожденному своему младенцу: ты имѣешь руки и ноги, смотри какъ себѣ помогать.

---

3. *Ишпанскїя*

Употребительное моленїе должно быть сїе: *Творецъ! сохрани меня и отъ самаго меня.*

Каждой злой человѣкъ имѣетъ свой злой день.

Суетная слава имѣетъ цвѣтъ, но никакихъ плодовъ.

Кто ни въ чемъ не сомнѣвается, тотъ ничего не знаетъ.

Когда нещастїе спитъ, то берегись, чтобъ его не разбудить.

Сколь рано ты не встанешь, то для сего не будетъ ранѣе дня.

Пче-

Пчела превращаетъ все въ медъ, а паукъ все въ ядъ.

Кто все обѣщаетъ, тотъ во всемъ отказываетъ.

Буди нѣмъ, когда что даешь, а говори, когда что получаешь.

Отъ гнѣвливаго отойди на одну минуту, а отъ притворнаго уклоняйся во всю жизнь.

Кто бьетъ въ набатъ, тотъ безопасенъ.

Три *много* и три *мало* весьма вредны человѣку; много говорить, а мало знать; много тратить, а мало имѣть, много о себѣ думать, а мало стоить.

---

4. *Аглинскія.*

Творецъ нашъ не построилъ для насъ жилищъ, но далъ намъ руки.

Естьли ты любишь жизнь, то не теряй времени; ибо жизнь состоитъ изъ времени.

Праз-

Праздность подобна ржавчинѣ; она больше изнуряетъ, нежели работа: ключь, который въ употребленiи, больше вылосниваетcя.

Недостатокъ въ попеченiи больше вредитъ, нежели недостатокъ въ знанiи.

Гораздо стоитъ дороже содержать одинъ порокъ, нежели воспитывать двухъ дѣтей.

Купишъ излишнее, то вскорѣ принужденъ будешь продать нужное.

Малые дѣти да дураки бредятъ, будто 20 тысячь рублей и 20 лѣтъ никогда всѣ пройти не могутъ.

Естьли ты хочешь узнать, чего стоютъ деньги? Попытай нѣсколько занять.

продолжалъ онъ, оборотясь къ первому любимцу, впредь не желаю я ни отъ кого, кромѣ васъ, слышать истинну.

2.

Удаленїе отъ свѣта.

Министръ нѣкотораго великаго Монарха, пришедши въ немилость, удалился въ плодоносную долину, которую онъ приказалъ обработать съ великимъ раченїемъ. И поелику онъ несъ немилость своего Государя безо всякой вины, то душа его и не безпокоилась грызенїемъ совѣсти. Ничто не препятствовало ему предаваться тихимъ увеселенїямъ, которыя онъ ощущалъ въ новомъ своемъ состоянїи. Монархъ, который весьма часто имѣлъ случай припамятывать вѣрность и рѣдкїя дарованїя сего Министра, началъ весьма скоро сожалѣть о сей потерѣ. — Онъ вознамѣрясь опять призвать

его къ своему двору, посѣтилъ его самъ въ уединенномъ жилищѣ и просилъ усильно, чтобъ онъ опять вступилъ въ прежнюю должность правленія. Мудрый и скромный Министръ мало показалъ радости при полученіи прежней милости своего Монарха. Ваше Величество! сказалъ онъ, когда вы изволили возвести меня на высочайшую степень достоинства; то я почиталъ за долгъ, носить сію тяжесть на своихъ раменахъ. Вы избрали меня своимъ Министромъ: съ той минуты безпрестанно сражался я со всѣми тѣми страстьми, которыя знатность, или высокость обыкновенно за собою влечетъ. По томъ угодно было вашему величеству повелѣть мнѣ удалиться отъ двора, и я повиновался вашему велѣнію: съ того времени въ первой разъ вкусилъ я истинное спокойствіе. Позвольте, Ваше Величество, чтобъ я опять не пресѣкъ моего тихаго наслажденія. — —

Мо-

Монархъ, прервавъ его прозьбу, сказалъ: при моемъ дворѣ надобенъ человѣкъ разумной и добродѣтельной, который могъ бы быть мнѣ другомъ и сдѣлать угнѣтающую тяжесть короны сносною — Повсюду искалъ я такого человѣка, но нигдѣ его не нашелъ. Ваше величество, отвѣтствовалъ Министръ, вы его скоро и легко найдете, естьли не будете искать его между тѣми, которые себя вамъ таковыми показываютъ.

3. *Предразсужденїе.*

Слѣпецъ женился на одной женщинѣ, которую онъ несказанно любилъ. Ты весьма глупъ, сказалъ ему его сосѣдъ, твоя жена видитъ до чрезвычайности. . . .

Спустя нѣсколько времени потомъ, обѣщался ему одинъ лѣкарь сдѣлать его зрячимъ. Это мнѣ весьма не сносно будетъ, отвѣтствовалъ слѣпой, когда буду видѣть предметы, какъ они есть. — Можетъ быть я

никогда перестану любить свою жену, которая любовь составляетъ сїе мое счастїе? — *Лучше быть слѣпымъ и благополучнымъ, нежели видящимъ и бѣднымъ!* — —

4.

Справедливое раздѣленїе наслѣдства.

За нѣсколько вѣковъ передъ симъ царствовалъ въ щастливой Аравїи одинъ Король, именемъ Альманъ, которой имѣлъ попеченїе, чтобъ своихъ подданныхъ дѣлать щастливыми, за что они его чрезвычайно любили. Усерднѣйшую благодарность приносилъ онъ Небесамъ за то, что они даровали ему двухъ сыновъ. Ардатъ и Рица (такъ назывались дѣти Альмановы) пришли въ юношескїй возрастъ и были между собою совершенно равны, какъ всѣми добродѣтелями и знанїями

нїями, такъ и красотою. Альманъ, приближаясь къ своему концу, не зналъ, котораго изъ нихъ оставить послѣ себя наслѣдникомъ. Они оба были достойны быть отцами добраго народа, но обоимъ царствовать было не возможно. Отправьтесь путешествовать, сказалъ отецъ имъ, и учитесь мудрости у всѣхъ чужестранныхъ мудрецовъ; которой изъ васъ мудрѣе возвратится, тотъ будетъ моимъ наслѣдникомъ: и такъ Ардатъ и Рица отправились въ путь. Рица пришелъ въ долину, окруженную высокими горами. Тамъ жилъ въ пещерѣ славный Пустынникъ Сахмутъ, которой уже тритцать лѣтъ въ строгомъ уединенїи жилъ, можетъ быть ради того, что ни одного человѣка не могъ найти, которой бы былъ достоинъ пользоваться его примѣрами и обхожденїемъ.

Какъ обрадовался молодой Принцъ своему щастїю, нашедши такого

великаго учителя! Онъ вошелъ въ пещеру къ Сахмуту, которой его благосклонно принялъ въ свои ученики. Рица научился у него знать людей, не обращаясь съ ними, такъ же узналъ онъ теченіе звѣздъ, строеніе міра и исторію человѣческаго рода; короче сказать, онъ научился всей мудрости, которой только тогда научиться можно было.

Кто хочетъ мудрымъ быть, сказалъ Сахмутъ, тотъ долженъ отъ человѣковъ удаляться, потому что ихъ глупости и порокъ прилипчивы. Въ разсѣяніяхъ общества душа не можетъ достигнуть до совершенства: одно только строгое уединеніе укрощаетъ нещастливыя страсти. Что же воспослѣдовало? Рица, правда, не научился глупостямъ человѣческимъ, но онъ не научился радоваться щастію другихъ. Мудрость его была глубокомысленная наука и равнодушіе ко всякому человѣку

вѣку. Онъ привыкъ довольствоваться только самимъ собою.

Напротивъ того Ардатъ едва выѣхалъ за границу, то и перестал называться Принцомъ. Онъ путешествовалъ весьма далеко, обращался съ людьми всякаго званїя, и учился брать участїе въ радости и печали другихъ людей. Благоразумная веселость, думалъ онъ, есть душа добродѣтели; кто въ жизни своей сдѣлалъ больше людей щастливыми, тотъ былъ истинной мудрецъ. Къ сей цѣли ведетъ насъ благоразумная веселость, которая облегчаетъ наши нещастїя и дѣлаетъ насъ прїятными. Чтобъ сдѣлать людей щастливыми, то должно ихъ знать; а чтобъ людей знать, для этова должно съ ними жить. Ардатъ путешествовалъ чрезъ многїя земли, жилъ во многихъ городахъ, и не оставлялъ ни одного мѣста, не заслуживши благодарности отъ нещастныхъ. По прошествїи

пяти лѣтъ Ардатъ и Рица услыша, что ихъ отецъ лежитъ при смерти, возвратились въ свою землю. Альманъ благословилъ ихъ обоихъ, благодѣтельнаго Ардата и глубокомысленнаго Рицу. Ардатъ, сказалъ Альманъ, долженъ быть моимъ наслѣдникомъ, онъ будетъ находить удовольствіе въ благополучіи своихъ подданныхъ. Знаніе безъ употребленія подобно мечу, котораго не вынимаютъ изъ ноженъ, или въ землѣ зарытому сокровищу.

Альманъ умеръ. Ардатъ сдѣлался его наслѣдникомъ и управлялъ Государствомъ такъ хорошо, что оно по справедливости могло назваться щастливою Аравіею.

Перев. *Никол. Казариновъ.*

XIX.

XIX.

БАСНИ.

I.

Добродѣтель и порокъ.

Въ одномъ домѣ жили четыре скромныя женщины, которыя всѣ въ одно время сдѣлались беременны. Когда время пришло родить, то онѣ въ одинъ день произвели въ свѣтъ четверыхъ весьма глупыхъ дѣтей, т. е. двухъ сыновей, и двухъ дочерей. *Истинна*, которая почиталась между ними древнѣйшею, родила *Ненавистъ*, дитя безобразное съ косыми глазами и вострыми когтями; *Благополучїе*, женщина молодая и веселая, родила *Гордость*, чудовище двуглавое, тѣломъ и хвостомъ подобное ехидной змѣѣ съ крылами василисковыми и львиною головою: *Безопасностъ* родила дочь *Боязнь*, которая всегда, какъ

кошка хотѣла царапать, но не имѣла ногтей. На конецъ четвертая, *Дружество* имянуемая, разрѣшилась дочерью, которой дали имя *Презрѣніе*. И поелику родительницы вели между собою доброе дружество, то и дѣтей своихъ желали по смерти своей сдѣлать онаго наслѣдниками; почему и женили презрѣніе на ненависти, а гордость на опасности.

2.

Два мальчика.

Два мальчика пошли нѣкогда гулять въ садъ. Садовникъ ихъ предостерегъ, чтобъ они не близко подходили къ улью; дабы не быть ужаленнымъ пчелами.

Меня никогда не кусывала пчела, сказалъ одинъ мальчикъ, и смѣло пошелъ къ улью: но прежде нежели онъ усмотрѣлъ его, былъ ужаленъ, что ему и причинило великую боль.

Та-

Такимъ образомъ сдѣлался онъ осторожнѣе; другой же на противъ того сдѣлался таковымъ чрезъ наставленіе. Который изъ двухъ былъ разумнѣе?

3.

Двѣ боязливыя старухи.

По пробитіи одинатцати часовъ, пошла одна старуха по переулку, съ которою встрѣтилась другая старуха, и обѣ почитали себя за двухъ мертвецовъ, дрожали отъ страха и ни одна не смѣла подвинуться и въ такомъ положеніи стояли они до разсвѣта, когда каждая поворчавъ, пошла своей дорогой.

4.

Пчела и голубь.

Пчела упала въ колодязь. Бѣдное несѣкомое старалось всею силою, возвратиться на землю, но тщетно!

Въ то время увидѣлъ голубь ея нужду, кинулъ ей скоропостижно сучекъ съ дерева, стоящаго у колодязя, и такимъ образомъ избавилъ ее отъ смерти.

Спустя нѣсколько минутъ, какъ крылышки у нее обсохли, то цѣлился охотникъ изъ за кустовъ своимъ ружьемъ въ сего добросердечнаго голубя. Какъ сїе увидѣла пчела, то кинулась скоро на руку охотника и ужалила его такъ, что онъ отъ боли пожималъ плечомъ. Отъ сего шума испугался голубь и быстро отъ него улетѣлъ.

Никто не найдетъ скоро въ нуждѣ помощника, какъ тотъ, который самъ страждущему въ нуждѣ охотно помогаетъ, и кто оное безъ сего дружески сдѣлалъ.

5.

Медвѣдь и пчела.

Медвѣдь отъ пчелы жаломъ былъ такъ разьяренъ, что прямо пошелъ на улей и все разбросалъ. Однакожъ, что онъ себѣ пріобрѣлъ отъ сего безумнаго гнѣва? Всѣ обиженныя пчелы напали на него, и такъ его искусали, что чрезъ силу могъ онъ видѣть глазами.

Сїе случается часто съ тѣми, которые отъ каждой обиды разгнѣвляются и желаютъ отомстить.

XX.

О Времени.

Я не буду опредѣлять время; оно убѣгаетъ отъ насъ въ ту самую минуту, когда хотимъ его удержать. Не можно иначе сравнить его, какъ съ быстротекущею рѣкою, которая непрестанно возобновляется при самомъ уже кажущемся

щемся наружномъ истощеніи своемъ. Продолженіе времени намъ тягостно, но при всемъ томъ мы несказанно страшимся видѣть конецъ онаго. Мы не помышляемъ, что сіе по истиннѣ безцѣнное время должно заслужить вѣчное щастіе. Слѣдовательно, коликія употребляемъ старанія, дабы безчестно и безъ пользы проводить оное! Свѣтъ кажется съ ненавистью употребляетъ время. Ибо обыкновенно наслаждается симъ токмо умственно: онъ желаетъ его, когда еще не наступило, а отвергаетъ, когда уже настало, или сожалѣетъ о немъ, когда уже прошло; такъ что по той причинѣ мы почти всегда хотимъ быть тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, непрестанно желаемъ перебѣгать изъ одного времяни въ другое.

Но чего хотимъ мы, развлекаяся столь безполезными желаніями? Время

Время для нашего расположенія уже ли будетъ неистощимо для того, что мы такъ хотимъ? Да и возможемъ ли мы остановить теченіе оного? Ахъ! сколь желательно, по прошествіи тритцати, или сорока лѣтъ, удержать его! Но оно есть ртуть, которую никакое искуство не можетъ остановить на одномъ мѣстѣ. Въ то самое время, когда мы спимъ, ночи спорятъ со днями о быстротѣ онаго, и годы, кажущіяся намъ въ младости вѣками, представляются намъ едва мѣсяцами, какъ скоро начнемъ состарѣваться. Во времени мы растемъ и умаляемся; время, поглотивъ въ вѣчномъ забвеніи самыя необычайныя произшествія и знаменитѣйшія перемѣны, обращается въ ничто, такъ какъ бы никогда его не бывало. Кто можетъ сказать намъ, гдѣ имянно находится прошедшее время? Когда сей минуты, въ которую пишу я, болѣе уже

нѣтъ

нѣтъ, то во времяни примѣчаю я одно продолженіе существа, коего ни единой точки не могу коснуться. Собственно сказать: одно только настоящее время, да и сіе настоящее столь близко къ прошедшему и будущему, что дѣлается и тѣмъ и другимъ при воззрѣніи на него. Вотъ откуда раждается великое затрудненіе, препятствующее намъ наслаждаться; ибо однимъ настоящимъ можно услаждаться, а настоящее есть почти ничто.

А какъ будущее есть столь близко къ настоящему, то и должны мы стараться, сдѣлать его для себя пріятнымъ. Но какъ мы о томъ стараемся, когда провождаемъ время въ игрѣ, въ плясаніи, въ убираніи, въ пресыщеніи и во снѣ? День освѣщаетъ одни только безпорядки, или бездѣлки, а солнце съ луною непрестанно служатъ къ удовлетворенію страстей нашихъ.

нѣтъ ни единаго творенїя, коего бы мы не преобразили, премѣнивъ намѣренїе, съ каковымъ оно произведено; и вотъ какъ часы наши скопляются, дабы совершить мѣру преступленїй нашихъ. Мы скупы вразсужденїи всякаго имѣнїя, кромѣ одного времяни: оно есть сокровище, поверженное на распутїи, которое предлагаемъ мы для всѣхъ мимоходящихъ, вмѣсто того чтобъ предоставить единственно для самихъ себя и употреблять его въ пользу.

Но естьли мы не искупимъ время добрыми дѣлами, то дни будутъ злы, и мы погибнемъ безъ надежды. Каждая въ праздности прошедшая минута будетъ отъ насъ возтребована. Водяныя капли, взятыя порознь, представляются неразделимы, но соединенныя вмѣстѣ, составляютъ сїи рѣки, коихъ величїю мы дивимся. Минуты составляютъ нитв жизни нашея, а тѣла наши по подобїю маятниковъ

имѣютъ свое движенїе и равновѣсїе; но такъ какъ мало внимаемъ мы ударенїямъ часовъ, такъ опускаемъ безъ вниманїя бїенїе сердца нашего. Не помышляемъ, что какъ скоро кругообращенїе крови остановится, то мы разрушимся уже на вѣки, а еще менѣе того помышляемъ, что сїе приключенїе можетъ постигнуть насъ каждую секунду. Ахъ! когда одна минута можетъ сокрушить сильнѣйшаго человѣка, то можемъ ли мы думать, что тѣла наши воспротивятся всякому удару времяни и страстей! Неразумїе наше можетъ ли далѣе простираться? Время протекая приводитъ у насъ въ забвенїе всѣ печали, выключая смерть; ибо чѣмъ ближе оно къ намъ подходитъ, тѣмъ болѣе угрожаетъ намъ смерть.

Понимаютъ цѣну времени единственно по тому, что не знаютъ цѣны жизни своей. Нѣтъ ни каковаго различїя между провожденїемъ времени

мени и чувствованїемъ своего бытїя. Но какоежъ сїе чувствїе? Надлежитъ, чтобъ испытать его, позабыть всѣ творенїя, собственное свое тѣло и единственно заниматься размышленїемъ. Блаженъ, кто достигъ сего совершенства, кто и во всѣхъ своихъ чувствїяхъ не находитъ другаго удовольствїя, кромѣ жизни! Повсечастно имѣетъ онъ одинакой духъ и кровь, и будучи всегда готовъ отдать отчетъ въ своихъ пожеланїяхъ и привести оныя въ систематической порядокъ, съ знанїемъ живетъ, а не по случаю. Животныя зависятъ отъ времени такъ, какъ и мы; но они не наслаждаются временемъ для того, что не могутъ чувствовать своего пребыванїя. Сколько много людей, находящихся въ таковомъ же состоянїи! Они не могутъ сказать, ни откуду произошли, ни къ чему стремятся, ни для чего время, раздѣленное на дни, часы

и минуты, истребляя самаго себя, истребляетъ насъ, и преноситъ въ другую совсѣмъ различную жизнь.

Великія перемѣны, такъ какъ и великія произшествія обыкновенно составляютъ эпоху; но Философъ почитаетъ только тѣ дни достопамятными, кои употребляетъ на заслуженіе вѣчнаго щастія. Онъ забываетъ міръ и любезныя онаго произшествія, чтобъ поучиться душѣ своей, и упражнять оную въ вѣчныхъ истиннахъ. Онъ знаетъ, что исторія есть только картина поруганныхъ временъ, и что въ большой части героевъ, представляемыхъ намъ въ примѣръ, менѣе находится добродѣтелей для подражанія, нежели сколько пороковъ для избѣжанія. Сколько учинено времени обидъ съ начала свѣта! Одни поругали его гордыми пирамидами, воздвигнутыми въ честь; а другіе обезчестили его нечестивыми и разврат-

вратными книгами. Сколько чистыхъ вѣковъ, естьли позволено такъ сказать, и коихъ по тому не можно привести. Время, по образу употребленія нашего, кажется самаму себѣ есть послѣдній конецъ, хотя оно ничто иное есть, какъ средство къ полученію щастія.

Какой могутъ дать отвѣтъ большая часть людей, когда при смерти принуждены они будутъ отдать отчетъ во времени своемъ! Изъ всей жизни ихъ остается одно сбивчивое воспоминовеніе пиршествъ, гостей, зрѣлищъ, игръ, въ которыхъ душа совершенно подавляется.

Время есть просто въ своемъ началѣ, въ своемъ продолженіи и въ концѣ; но мы дѣлаемъ изъ него Хаосъ, въ которомъ совершенно ничего не примѣчаютъ, и которой не можно разобрать. Міролюбцы своими ухищреніями, предпріятіями,

корыстолюбїемъ, забавами столько обременяютъ каждой день, что всякой часъ дѣлается Лабиринтомъ, гдѣ всякъ заблуждаясь не можетъ вытти. И по тому видимъ мы только смятенїе въ совѣсти, въ разсужденїяхъ, въ понятїяхъ и чувствїяхъ. Жизнь наша долженствовала бы протекать въ непрестанномъ воспоминовенїи насъ самихъ, о нашемъ началѣ и о нашемъ концѣ, но она проходитъ въ игрушкахъ и въ порокахъ. Сколько ни говоритъ намъ вѣчная премудрость, что для дня довольно своего безпокойства; но мы лучше хотимъ извлекать изъ глубины будущаго, которое можетъ быть никогда не будетъ существовать, пустыя безпокойства, нежели провождать часы, такъ какъ они приходятъ, и пользоваться ими. Мы не знаемъ покойнаго времяни, кромѣ когда провождаемъ его въ забавахъ, поелику всегда помышляемъ о тѣлѣ, а о душѣ никогда,

столь-

столько же страшимся внутренняго нашего гласа, сколько любимъ чувства. Отвлечемъ понятія наши отъ всѣхъ земныхъ предметовъ! Простремъ взоры за предѣлы сего скоропреходящаго свѣта! Узримъ въ послѣдованіи сего времени, которое мы поругали, начальную минуту, въ которую, по разрушеніи тѣла нашего, единая останется душа; сія душа, коея бесѣды удаляемся мы нынѣ; сія душа, коей угрызенія погашаемъ мы непрестано; сія наконецъ душа, которая не будетъ имѣть другаго общенія, кромѣ общенія съ Богомъ наградителемъ, или отмстителемъ.

Каждой ударяющій часъ безъ сомнѣнія долженствовалъ бы устрашать насъ; но каждой часъ, яко исполнитель нашихъ забавъ, или празднолюбія, благопріятствуетъ страстямъ, вмѣсто того, чтобъ погашать ихъ. Мы спокойно засыпаемъ посреди тысячи часовъ, от-

всюду напоминающихъ намъ о смерти, и нечувствительно истощевающихъ тѣлесное наше существованїе, и обращающихъ его въ ничто. Сколько еще разъ оборотится стрѣлка до послѣдней нашей минуты? Не имѣемъ ли мы страшиться, что та самая минута, въ которую читаемъ сїи слова, можетъ быть есть предвѣстникъ смерти нашея? Отъ единыя капли крови, или влажности часто происходитъ поврежденїе совершенно устроеной головы и зависитъ жребїй многихъ.

Время! о время! Ты, коего не могу я опредѣлить, ты, которое будучи непрестанное чудо продолженїя и разрушенїя нашего, водишь насъ въ пространствахъ, коихъ мы не понимаемъ, и коихъ скоро узримъ мы конецъ! Не протекай болѣе, не учинивъ насъ внимательными къ каждой твоей минутѣ: поелику не можешь ни остановиться,

ни

ни медлительнѣе шествовать, то покрайней мѣрѣ веди съ собою добрыя дѣла, отвергающїя намъ преграду къ вѣчности, и увѣряющїя насъ о вѣчномъ щастїи, каковаго только можетъ желать безмертная душа. Но какъ могу я вѣщать тебѣ, о скоротечное время! когда сїя самая минута, въ которую говорю я, уже далеко отъ тебя и меня? Пролетай сходственно съ судьбою твоею, и когда будемъ мы вѣчно прощаться съ каждою твоею мунутою, убѣгающею какъ тѣнь, то содѣлай намъ благопрїятную минуту, имѣющую окончить жизнь нашу.

Время безъ сомнѣнїя бы уже окончилось, естьлибъ Богъ взиралъ токмо на одни беззаконїя, обезображивающїя свѣтъ; но онъ видитъ людей, умершихъ для мїра, препровождающихъ дни свои во услуженїи ему, кои въ своихъ уединенныхъ жилищахъ будучи какъ бы сокрыты во гробѣ, помы-

шляютъ о лѣтахъ вѣчныхъ. Сколько такихъ мудрецовъ, которыхъ не знаютъ, и которыхъ можетъ быть не прежде узнаютъ, какъ по прошествіи одного, или двухъ вѣковъ, кои въ непрестанномъ молчаніи трудятся надъ сочиненіемъ просвѣщенныхъ книгъ, каковымъ удивляться будутъ потомки наши! Время имѣетъ мстителей за свои права, кои тогда, какъ мы предаемся не щастнымъ глупостямъ, съ пользую и честію употребляютъ каждую минуту. Самыя нощи не каждый теряетъ: есть Философы, дѣлающіе ихъ свѣтлѣйшими дня своими высокими сочиненіями и размышленіями.

Пер. съ Фран. *Сергѣй Б. Пушкинъ.*

XXI.

Что составляетъ счастіе.

Въ древнія времена державствовалъ въ отдаленной землѣ одинъ

одинЪ Государь, которой, подобно всѣмЪ добрымЪ ГосударямЪ, величайшее прилагалЪ старанїе кЪ содѣланїю подданныхЪ своихЪ благополучными. Но дабы испытать сокровеннѣйшїя ихЪ желанїя, и увѣдать, имѣютЪ ли они нѣкоторую способность, сдѣлаться истинно благополучными, обнаружилЪ онЪ до такой степени свою любовь, что возложилЪ на собственныхЪ своихЪ седмь дочерей изслѣдованїе сердецЪ любезныхЪ его подданныхЪ. Сїи Княжни сЪ удовольствїемЪ приняли на себя сїю должность; они одѣлись по обыкновенїю тирольскихЪ женщинЪ, и повѣсили каждая за плечами по ящику, вЪ которомЪ находилось такЪ называемое благоденствїе, и пошли вЪ не большой городокЪ, вЪ которомЪ тогда была ярмарка. Первая стала выкрикивать свой товарЪ: кому надобенЪ разумЪ? Я вижу, что вы вЪ немЪ

имѣете

имѣете нужду. *Купите разумъ, то и не надобно будетъ вамъ ничего покупать у моихъ сестеръ! Знатный товаръ!* Между зрителями произошелъ всеобщїй смѣхъ. Видно это веселая дѣвка, говорили они, жалко только, что она ужъ не молода. Она видя, что никто у нее не покупаетъ, пошла по улицамъ, и опять кричала: *кому надобенъ разумъ?* Каждый выглядывалъ изъ окошка и смѣялся. А какъ и сїе ничего не помогло, то вознамѣрилась она ходить по домамъ, и вошла въ изрядной домъ, гдѣ и поставила свой ящикъ. Къ несчастїю бранилась тогда госпожа дому сего съ своимъ мужемъ, и пересѣкла всѣхъ служителей. Увидѣвъ тирольскую разнощицу, спросила она съ досадою: за чемъ ты пришла? *Милостивая Государыня*, говорила она, я хотѣла узнать, не изволите ли купить разуму? Купите теперь, то будете имѣть его въ нуждѣ. Можетъ быть

я

я долго не зайду въ вашъ домъ. Товаръ мой будетъ очень вамъ къ лицу, ибо вы имѣете въ себѣ столь много любви достойнаго, что я усматриваю въ васъ одинъ только недостатокъ въ разумѣ. Тьфу къ чорту! вскричала хозяйка, ты меня дурачишь? *Нѣтъ, милостивая государыня*, отвѣтствовала разнощица, *я хочу васъ избавить отъ дурачества; ибо я продаю разумъ.* Хозяйка схватила тогда башмакъ съ своей ноги, и конечно бы разбила имъ ящикъ разума у доброхотной разнощицы, естьлибы она поспѣшно не выбѣжала изъ дому. Лишь только она вышла на улицу, то бѣжалъ за нею пошлинной служитель и кричалъ: разнощица, что у тебя въ ящикѣ? Ты должна заплатить пошлину. *Разумъ, Государь мой, къ вашимъ услугамъ.* Разумъ? Спросилъ онъ. Что это за вещь? Я и самъ торговалъ, прежде нежели вступилъ въ мою службу,

кото-

которую уже я, безъ хвастовства сказать, тритцатой годъ отправляю, а не могу вспомнить, чтобъ такой товаръ бывалъ въ городѣ. И такъ я запечатаю твой ящикъ, пока не осмотрю, не запрещенымъ ли ты торгуешь товаромъ. Пошлинной служитель побѣжалъ съ ящикомъ и показалъ его правительствующему Бургомистру, которой будучи много занятъ въ разсужденіи происходившаго тору, и нѣсколько медлителенъ въ такихъ изслѣдованіяхъ, велѣлъ сію вещь поставить на мѣсто. И такъ ящикъ пребылъ запечатанъ до окончанія тору, по чему и доброхотная разнощица, не исправивъ своего дѣла, оставила городъ.

Другая продавала *Добродѣтель*. Она также кричала по всѣмъ улицамъ, не нашедъ ни одного покупщика, ибо каждый думалъ, что она рѣхнулась съ ума.

Тре-

Третья, выкрикивающая Здравіе хотя и получила нѣкоторыхъ охотниковъ на свой товаръ: но сіи были почти все такіе люди, которые столько себя испортили развратною своею жизнію, что не возможно было подать имъ помощь. Къ счастію выступилъ тогда на площадь одинъ Шарлатанъ, котораго увидѣвъ всѣ больные, оставили Тирольскую разнощицу и сказали: пойдемъ къ этому доктору, которой имѣетъ столь много слугъ, одного шута и заморскаго кота; онъ конечно лучше разумѣетъ сіе искусство. У коликихъ людей исцѣлилъ онъ уже рѣзь въ животѣ цѣлительною своею водою, а эта дура хочетъ насъ увѣрить, будто намъ не можно всево ѣсть и пить. И такъ разнощица принуждена была замкнуть свой ящикъ, и едва нашлись два человѣка, которые выздоровѣли отъ ея лѣкарствъ, для того что другіе не хотѣли наблюдать

дать того порядка жизни, которой она имъ при томъ предписывала.

Явилась четвертая Тиролька, и выкрикивала *долговременную жизнь*. Она не успѣла сего произнести однажди, какъ всѣ, оставивъ Шарлатана, стали къ ней тѣсниться. Нѣкоторые богачи хотѣли отдать ей за то половину своего имѣнїя. Любезная Тиролька, говорилъ ей одинъ осьмидесятилѣтнїй старикъ, я, благодаря небо, прїобрѣлъ великое богатство потомъ лица моего; и хотя я обремененъ великою заботою, какъ бы оное сохранить безопаснымъ, однакожъ не охотно желаю умереть; ибо меня оскорбляетъ то, что по смерти моей прїобрѣтенныя съ трудомъ мои деньги будутъ росточены моими дѣтьми. И такъ что возьмешь съ меня за такой способъ, по средствомъ котораго бы жизнь моя продлилась еще восемдесять лѣтъ? 80000 Талеровъ отвѣтствовала она.

80000 ТалеровЪ! Не вЪ правду ли? 80000 ТалеровЪ! было бы довольно и 8000! Надобно жить, и оставить для жизни. Государь мой! говорила Тиролька, знайте, что тѣ деньги, которыя я выручю за мой товарЪ, опредѣлены на содержанїе разумныхЪ и добродѣтельныхЪ людей, пришедшихЪ вЪ нищету и что я ни вЪ чемЪ не могу пр[illegible]пить бѣдныхЪ. НѣтЪ, что много, то много, говорилЪ старикЪ; я прибавлю еще 100 ТалеровЪ; это составитЪ 8100 талеровЪ. Пожалуй, подумай! О чемЪ тутЪ много думать? перехватилЪ другой богачь, вынимая кошелекЪ. ВотЪ тебѣ 80000 талеровЪ. Очень хорошо, государь мой, говорила Тиролька, я кЪ вашимЪ услугамЪ. Но я должна напередЪ вамЪ объявить, что вы будете сожалѣть о вашихЪ деньгахЪ, ежели вы не купили отЪ трехЪ моихЪ старшихЪ сестерЪ разуму, добродѣтели и здравїя: ибо безЪ сихЪ трехЪ

вещей лѣкарство мое либо не будетъ имѣть никакого дѣйствія, или причинитъ вамъ непрестанную болѣзнь, и потому жизнь ваша учинилась бы вамъ бременемъ. Гдѣ жъ твои сестры? спросилъ богачь. Сдѣлали поискъ, разослали людей искать ихъ по деревнямъ, но нигдѣ не нашли.

Пятая сестра, выкрикивающая *Веселіе*, столько была стѣснена великою толпою молодыхъ людей обоего полу, желавшихъ купить ея товаръ, что она упала и изломала свой ящикъ. Они съ такимъ жаромъ напали на увеселенія, и другъ у друга съ такимъ насильствомъ изъ рукъ вырывали, что ничево не осталось въ цѣлости; а кто получилъ не большой лоскутокъ онаго, тотъ сердился, что оно не цѣло, и завидовалъ тому, которой имѣлъ его недостатокъ. Однакожъ никто изъ нихъ не хотѣлъ удѣлить своего другому. Тиролька укоряла ихъ

чрез-

чрезмѣрнымъ ихъ жаромъ, яко причиною, которою испорчены увеселенія, которыя она имъ хотѣла отдать.

Шестая выкрикивала *Честь*. Люди имѣли такую жадность къ ея товару, что отъ стѣсненія дошли до драки, а отъ драки до убійства. Подоспѣвшій караулъ привелъ ее въ безопасность, и освободилъ ее отъ блестящихъ шпагъ, которыя лѣтали надъ ея головою. Во время сего бѣшенства жителей скрыла она непримѣтно свой ящикъ, выняла изъ него истинную честь, и наполнила его одними пустыми титулами. По учиненіи сего, всклик-нула она: *прошу васъ, господа, будьте поскромнѣе, и помыслите, что истинная честь сама должна вамъ себя предложить*. Но они сего не внимали, разбили караулъ, взорвали ящикъ, и стали браниться за тѣ пустыя титулы, которые въ немъ находились. Княжна при-

нуждена была смѣяться ихъ поступку, и подумала: пускай эти дураки разбираютъ и бѣгутъ съ титулами! Я предоставляю раздѣленїе истинной чести моему отцу; онъ усмотритъ, что малое число людей ее достойны.

Съ сими мыслями оставила она городъ, и выходя изъ него, нашла въ воротахъ младшую свою сестру, которая выкрикивала *Деньги*, лежащую въ оморокѣ. Она кликала ее: любезная сестрица, что тебѣ сдѣлалось? Сколь мнѣ прискорбно, что я застала тебя въ столь бѣдственномъ состоянїи! Наконецъ опамятовалась сїя несчастная, и сказала съ глубокимъ вздохомъ: Ахъ! какое счастїе, что я тебя опять вижу! Ты возвращаешь мнѣ мою жизнь, коей я казалась лишенною. Я ни когда бы не повѣрила, чтобъ люди были столько неистовы. Пойдемъ, скроемся отъ сихъ чудовищей, и приведи меня въ безопасность. Ибо

я

я ежеминутно страшусь, чтобъ они опять не напали. Да чтожъ они тебѣ сдѣлали? спросила та. Представь себѣ тысячу волковъ, отвѣтствовала она, которые цѣлую недѣлю ничего не ѣли, и которые бы увидѣли человѣка, несущаго на спинѣ агнца, то будешь имѣть ясное изображенїе того, что мнѣ приключилось съ моимъ денежнымъ ящикомъ. Ибо коль скоро я вошла въ городъ, и сказала, что несу деньги, которыя намѣрена я давать имѣющимъ въ нихъ недостатокъ; то сбѣжалось великое множество народа. Тѣ, которые были въ домахъ, выскакивали изъ окошекъ, уроняли меня на землю съ денежнимъ моимъ сундукомъ, которой въ тужъ минуту разбили. Они хватали все съ жадностїю, и чего не могли взять руками, то брали зубами. Не нашедъ больше ничего въ сундукѣ, шарили они по моимъ карманамъ, думая въ нихъ найти

деньги. А какъ обыскъ ихъ былъ тщетенъ, то оставили они меня. Но поелику тѣ, которые не получили ничего, хотѣли у другихъ насильно отнять деньги; то произошла между ими такая драка, что ни одинъ, думаю, изъ нихъ не пришелъ домой въ цѣлости. Ибо чемъ больше кто получилъ денегъ, тѣмъ пуще тотъ былъ изуродованъ.

Когда вѣдомость сїя была принесена Государю, то ужаснулся онъ. Я ожидалъ, любезныя мои дочери, говорилъ онъ, нѣчто сему подобное; но не представлялъ себѣ такой злости, такой нечувствительности къ истинному, изящному и благому. Я не мнилъ найти въ подданныхъ моихъ столь суровые нравы. Какъ начать мнѣ бѣдному, чтобъ сдѣлать ихъ *благомыслящими и чувствительными, человѣколюбивыми и счастливыми!*

XXII.

Что есть доброй хозяинъ!

Въ одномъ собранїи многїе домоводители отвѣтствовали различно, на сей вопросъ. Добрый хозяинъ ничего не бросаетъ, сказалъ одинъ. Такъ, говорилъ другой, но онъ долженъ и прїобрѣтать; онъ долженъ умѣть доставать деньги, копить ихъ, и отдавать въ ростъ. Ему должно уменьшить столы, сказалъ третїй, давать служителямъ своимъ мало; кушанья свои и другїе съѣстные припасы до половины гноить, прежде нежели употребятся въ пищу, чтобъ они были не вкусны и долѣе бы повелись. — Были еще и другїя о томъ мнѣнїя, и разговоръ сей весьма сдѣлался пространнымъ. Однакожъ согласились они въ томъ, что доброму хозяину надлежитъ быть столькожъ мало скупымъ, сколько расточительнымъ, какъ на конецъ сталъ говорить

одинЪ пожилой мужЪ. Добрый хозяинЪ, сказалЪ сей, разумѣетЪ троякое искуство: первое, доставлять себѣ нужныя вещи, второе ихЪ сохранять, третье, ими пользоваться. Нужныя вещи суть, пища, платье, жительство, дрова, посуда, и такЪ далѣе. Сїе доставляетЪ онЪ себѣ прїобрѣтенїемЪ за свою работу. По мѣрѣ его прилѣжанїя, вѣрности, и искуства вЪ своемЪ ремеслѣ, имѣетЪ онЪ хорошее прїобрѣтенїе, и можетЪ себѣ доставлять хорошїя вещи. ОднакожЪ кЪ сему доставленїю потребна еще нѣкоторая предусмотрительность. ОнЪ долженЪ знать свойство той вещи, которую хочетЪ купить, долженЪ знать всю доброту, которую неповрежденный товарЪ имѣть долженЪ; долженЪ знать, за какую цѣну онЪ продается: долженЪ знать то мѣсто, вЪ которомЪ его лучше купить можно, и лучшїй способЪ кЪ доставленїю оной вещи вЪ домЪ, на-

на судахъ ли, или на телҍгѣ, или на рукахъ, или другимъ образомъ: словомъ, онъ долженъ знать, какъ бы доставить ее невредиму и съ малѣйшимъ иждивенїемъ. При многихъ товарахъ зависитъ также отъ времени, въ которое ихъ закупать надлежитъ, и сїе онъ долженъ знать. Паче всево долженъ онъ, прежде нежели купитъ какую вещь, размыслить о той пользѣ, которую она ему принесетъ. Иная вещь можетъ быть употребительна, полезна и даже нужна; однакожъ ее не купитъ, для того что надобно еще доставить нужнѣйшїя вещи. Вообще добрый хозяинъ не долженъ быть весьма желателенъ къ покупкамъ. Ежели онъ на рынкѣ, или въ лавкахъ увидитъ что нибудь себѣ полезное и прїятное, то скрываетъ онъ сїе желанїе, и какъ благоразумной человѣкъ знаетъ себя умѣрить, когда усмотрѣно будетъ имъ, что онъ долженъ поберечь

 день-

деньги свои на нужнѣйшія вещи. Умные люди говорятъ, что надобно изъ вѣрныхъ своихъ годовыхъ доходовъ откладывать пятую часть, дабы въ нечаянныхъ несчастіяхъ не претерпѣвать нужду, и дабы облегчить свои болѣзни и приближающуюся старость. — Такимъ по образомъ доброй хозяинъ доставляетъ себѣ за наличныя свои деньги нужныя вещи съ приложеніемъ всяческой осторожности; но съ такимъ же тщаніемъ старается онъ всѣ полезныя вещи въ домѣ своемъ содержать и располагать, отъ части въ скотоводствѣ и садахъ, частіюжъ въ другихъ домашнихъ упражненіяхъ, касающихся до женскаго пола. Присемъ имѣются безчисленныя правила пріобрѣтенія. Главнѣйшія исправляются съ прилѣжаніемъ, осторожностію порядкомъ и чистотою. Всякая домашняя вещь имѣетъ свое опредѣленное мѣсто: все сочтено, вся по-

посуда вычищена; ѣсть и работать имѣетъ точно опредѣленное время; каждый человѣкъ въ домѣ имѣетъ свою должность. Служители получаютъ не токмо довольную, здоровую и вкусную пищу, и жалованье въ опредѣленное время, но доброй хозяинъ дѣлаетъ иногда что нибудь лишнее, и столькожъ своими благодѣяніями, какъ собственнымъ достойнымъ примѣромъ поощряетъ своихъ людей къ проворству и нескучному прилѣжанію; и сіи задобренные люди изобильно возвращаютъ ему его щедрость. Все сіе называется *пріобрѣтать*.

Но какимъ образомъ сохраняетъ хозяинъ свои вещи? Онъ старается, чтобъ ничто не сгнило, не заплеснѣло, или какъ не попортилось. Онъ знаетъ нетокмо указать каждой вещи настоящее мѣсто, гдѣ она должна быть сохраняема, но и способъ, какимъ образомъ ее сохранять, и время, сколь долго она

дол-

должна пребыть невредима. Сїе обыкновенно принадлежитъ къ женскому хозяйству. Добрая хозяйка разсуждаетъ такимъ образомъ, что все, имѣющееся подъ ея присмотромъ стоитъ денегъ, и что было бы безумно, бросить безъ пользы деньги. Сїе сдѣлаетъ ее внимательною къ сохраняемымъ вещамъ, и она получитъ за сїе любовь и почтенїе.

Употребленїе вещей есть послѣднїе искуство добраго хозяина и его хозяйки. Къ сему принадлежитъ пища, питье, платье, жительство, отдохновенїе отъ работы, дружеское обхожденїе и сему подобное. Знанїе во вкусномъ варенїи, въ приготовленїи прочной и чистой одежды, прозорливость въ строенїи, знанїе важнѣйшихъ правилъ здравїя, благоразумный выборъ прїятелей и учтивое съ ними обращенїе, требуется къ наслажденїю прїобрѣтеннаго имѣнїя, которое бы однакожъ

безъ

безъ трудолюбїя, порядка, умѣренности и довольства не составило бы счастливой жизни.

XXIII.

Добродѣтель.

Любовь порядка, умѣренность и постоянство, ежели они тѣсно въ душѣ человѣческой соединены, суть источники всѣхъ тѣхъ любви достойныхъ чувствованїй и хорошихъ дѣлъ, которыя сопровождаемы бываютъ благоволенїемъ божїимъ, удивленїемъ людей, и тихимъ удовольствїемъ и почтенїемъ. Во всѣ времена и между всѣми народами были такїе люди, которые славно себя отмѣнили отъ подобныхъ себѣ. Христїяне безъ сомнѣнїя имѣютъ совершеннѣйшее побужденїе къ добродѣтели, по ученїю, примѣру и по завѣщанїямъ ихъ Спасителя, благоволившаго облечь свое божество въ человѣческой видъ, и за нихъ пре-

предавшагося, дабы спасти ихъ отъ всякаго неправосудія, и самому себѣ избрать такой народъ, которой былъ бы прилѣженъ въ добрыхъ дѣлахъ.

Здѣсь слѣдуютъ нѣкоторые примѣры добродѣтельныхъ свойствъ разныхъ времянъ и народовъ, и сколь пріятны будутъ сіи примѣры настоящимъ Христіянамъ.

Примѣры изъ древныхъ временъ язычества.

Древній мудрецъ междупрочими хорошими правилами предписалъ себѣ и слѣдующее:

„Не прежде предавайся сладости „сна, пока троекратно не разсмотришь, какимъ образомъ ты препроводилъ день? Первое: гдѣ тебя видѣли? Второе: что сдѣлано добраго? Третіе: чего не сдѣлано? Разсмотри все прилѣжно. Наказуй себя, естьли ты дѣлалъ худо, и радуйся, когда поступалъ справедливо.

Древнїе Египтяне имѣли обыкновенїе на пиршествахъ своихъ показывать бальсамированное мертвое тѣло, при чемъ хозяинъ говорилъ каждому гостю: посмотри на сего, а потомъ веселись; въ знакъ чтобъ помнить время сей скоропреходящей жизни, дабы невинно веселиться, но что потому самому веселїя наши должны быть невинными, что жизнь наша имѣетъ конецъ. Въ древнѣйшїя времена имѣлъ сей народъ чистѣйшее понятїе о высочайшемъ существѣ. На *Саисовомъ* храмѣ была надпись такая: *я есмь все, что было и что будетъ, и завѣсу мою еще ни одинъ смертный не открывалъ.* Надъ симъ умершимъ не говорили ни надгробной рѣчи, но напередъ производится объ немъ порядочной судъ. Каждый публичный донощикъ былъ допускаемъ къ слушанїю. Ежели кто изъ нихъ докажетъ, что умершїй былъ въ жизни своей худыхъ нравовъ, то

не удостоивали его погребенїемъ; когдажъ напротивъ того можно было доказать, что онъ былъ благочестивъ къ Богу, справедливъ къ людямъ и наблюдалъ всѣ правила честности, то и былъ онъ съ почестьми похороняемъ.

Въ исторїи древнихъ Персовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ находятся примѣры прилѣжанїя, скромности, безкорыстїя, соболѣзнованїя, удовольствїя, дружбы, любви къ отечеству, и всего того, что называется добродѣтелїю, порядкомъ, умѣренностїю и постоянствомъ, въ столь великомъ множествѣ, что трудно выбрать, о чемъ бы упомянуть прежде. Но все ровно что ни попадется.

Крезъ, Царь Лидїйскїй, въ весма многихъ предпрїятїяхъ былъ счастливъ, и возвелъ свое государство на высочайшую степень совершенства. Столичной его городъ *Сарда* всегда

напол-

наполненъ былъ иностранцами, привлекаемыми туда любопытствомъ видѣть толикїя удивленїя достойныя вещи; ибо Дворъ Царской былъ весьма великолѣпенъ, и превосходилъ изобилїемъ и блескомъ всѣ сосѣдственные дворы. И премурдый *Солонъ* попутешествовалъ туда изъ Грецїи. *Крезъ* принялъ его милостиво и удостоилъ великихъ почестей. По приказанїю Царскому водили его по всему замку, чтобъ онъ могъ увидѣть живописныя и золотомъ убитыя комнаты, и другїя царскаго сокровища драгоцѣнности, достойныя зрѣнїя. Сколь ни было ново сїе зрѣлище для *Солона*, однакожъ онъ пребылъ совсѣмъ нечувствительнымъ и хладнокровнымъ, которому равнодушїю недовольно могли надивиться тѣ, которые его водили. Когда *Солонъ* все сїе видѣлъ, то отвели его обратно къ Царю. Крезъ спросилъ его, кого нашелъ онъ, ко-

тораго бы онъ почиталъ благополучнѣйшимъ? Одного гражданина, именемъ Теллїя, отвѣтствовалъ съ спокойнымъ духомъ *Солонъ*. Сей честный человѣкъ всегда такъ располагался, что никогда въ жизни своей не имѣлъ недостатку; онъ видѣлъ Аѳины, свое отечество въ цвѣтущемъ благосостоянїи, воспиталъ дѣтей своихъ такъ, что они были отъ каждаго почитаемы, имѣлъ также удовольствїе дожить до внучатъ, и умеръ въ старости своей прекрасною смертїю за отечество, поспѣшивъ Аѳинянамъ противу Элевзинцовъ. Сей отвѣтъ, въ которомъ сребро и злато было за ничто почитаемо, показался Крезу весьма простымъ. Въ надеждѣ однакожъ имѣть второе мѣсто, спросилъ его далѣе: кого же онъ почитаетъ счастливѣйшихъ по Теллїѣ. *Солонъ* назвалъ *Клеоба* и *Витона*, двухъ братьевъ, которые были совершеннымъ примѣромъ братскаго

скаго дружества и дѣтскаго почтенія. Ибо когда матери ихъ надлежало отправиться въ поспѣшный путь, и волы ихъ не скоро были пригнаны, то они сами запряглись въ коляску, и отвезли мать свою на двѣ мили разстоянія. Всѣ матери преисполненны отъ сего случая удивленіемъ и восхищеніемъ, поздравляли ее съ симъ счастіемъ, что она произвела на свѣтъ столь достойныхъ сыновей. Что они спустя нѣсколько времени заснули сладкимъ сномъ, и тѣмъ кончили свою жизнь. О царь, продолжалъ *Солонъ*, я нарочно привожу примѣры благополучія такихъ людей, которые уже умерли; ибо о такихъ только извѣстно, что они до конца пребыли благополучны. Быть благополучнымъ, не есть благополучіе; но пребыть благополучнымъ, достойно вниманія и памяти; и кто пребылъ счастливымъ, то окажется при концѣ жизни. Какъ могу я тебя

 назвать

назвать благополучнымъ, тебя нынѣ столь блестящаго Государя, когда я не вѣдаю, съ обладанїемъ ли твоихъ богатствъ заключишь ты свой животъ, и съ осторожностїю ль и умѣренностїю знаешь употреблять нынѣшнее твое величество, — *Крезъ*, желавшїй только, чтобъ ему льстили, и слышавшїй долгое время такого человѣка, которой за ничто почиталъ богатства, и не являлъ ни малѣйшаго виду, чтобъ просить чего нибудь у Царя, оказалъ свое неудовольствїе о хладно кровїи сего мудреца, а сей ему откланялся. Спустя нѣсколько лѣтъ предпрїялъ онъ войну противъ *Кира*, Царя Персидскаго, изъ одного дерзновенїя, почитая себя сильнѣйшимъ, богатѣйшимъ и счастливѣйшимъ Монархомъ, которому ни въ чемъ не могли встрѣтиться противности. Но *Киръ* получилъ его въ плѣнъ, и опредѣлилъ ему кончину на kострѣ. Тогда то подумалъ сей несчастный

счастный Государь о прежнемЪ, и непрестанно восклицалЪ: о *Солонъ*! *Солонъ*! *Киръ* услышавЪ сїе, и узналЪ о содержанїи сихЪ словЪ, весьма тронутЪ былЪ при воспоминанїи перемѣны человѣческаго счастїя, даровалЪ животЪ Крезу, взялЪ сЪ сего дерзновенна бывшаго Государя примѣрЪ умѣренности вЪ собственномЪ своемЪ тогдашнемЪ благополучїи, и хотя уже превратилЪ Лидїю, надЪ которою *Крезъ* царствовалЪ, вЪ Персидскую провинцїю, однакожЪ поставилЪ сего несчастнаго Государя соправителемЪ, и всегда являлЪ кЪ нему свое соболѣзнованїе и почтенїе.

Римляне имѣли опасную войну сЪ *Пирромъ* ЦаремЪ ЭпирскимЪ. *Кай Фабрицїй*, знатный РимлянинЪ, которой не взирая на свою бѣдность, былЪ вЪ великомЪ почтенїи, и отправленЪ былЪ посланникомЪ кЪ

 Пирру.

Пирру, для выручки военноплѣнныхъ. При семъ поступалъ онъ какъ честный и великодушный мужъ, которому и самые непрїятели долженствовали удивляться. *Пиррѣ*, исполненный почтенїя къ отличнымъ преимуществамъ сего мужа, сдѣлалъ ему слѣдующее предложенїе: я думаю, что Государь не можетъ лучше употребить своихъ богатствъ, какъ ежели онъ поможетъ ими такимъ мужамъ, коихъ бѣдность принуждаетъ вести такую жизнь, которая ихъ недостойна. Я ничего не желаю столько, какъ чтобъ сдѣлать тебя богатѣйшимъ въ Римѣ, дабы ты могъ жить въ удовольствїи, подобно твоимъ сверстникамъ. Но лучше всево останься при мнѣ. Я хочу тебя, какъ моего друга и полководца, сдѣлать участникомъ Королевской моей власти. Мнѣ надобенъ добродѣтельный мужъ и вѣрный другъ; а тебѣ нуженъ такой Государь,

Государь, которой щедростію своею привелъ бы тебя въ состояніе производить больше добраго. — На сіе величественное предложеніе отвѣтствовалъ великодушнѣйшій Фабрицій слѣдующимъ образомъ: ежели ты думаешь, Царь! что бѣдность меня унижаетъ предъ другими Римлянами, и что я, не взирая на мои достоинства, заслуги и чины, для того только нахожусь въ презрѣніи, что не живу доходами многихъ земель; то позволь мнѣ сказать, что ты имѣешь обо мнѣ со всѣмъ не правильное понятіе: я не могу жаловаться на мое счастіе, хотя бы я себя разсматривалъ членомъ государства, или хозяиномъ дому. Не взирая на мою бѣдность, спрашиваютъ моего совѣту въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, богатѣйшіе не имѣютъ предъ мною никакого преимущества; каждый меня почитаетъ. Столько жъ благополучны домашнія мои обстоятель-

ства. Малое мое имѣнїе доставляетъ мнѣ нужное, пока я буду житъ бережливымъ хозяиномъ. Я могу бытъ тѣмъ доволенъ, ибо въ голодѣ и жаждѣ, наступающихъ мнѣ послѣ моихъ трудовъ каждая пища и каждой напитокъ мнѣ превосходно вкусенъ, а отъ утомленїя сонъ весьма усладителенъ. Худое мое одѣянїе защищаетъ меня отъ холоду; малое число домашнихъ моихъ вещей дѣлаютъ мнѣ потребную услугу; я не могу жаловатъ на судьбу, не имѣя ни въ чемъ недостатку: ибо ко излишнему не имѣю и нималѣйшаго пожеланїя. Я имѣлъ тысячу случаевъ безъ укоризны собратъ сокровища. Я одерживалъ побѣды, завоевалъ богатые города, разорялъ обширныя земли. Отъ сихъ добычей удѣлилъ я нѣсколько моему войску, усладилъ участъ нѣкоторыхъ несчастныхъ согражданъ, и положилъ 400 талантовъ во всеобщую казну. Когда я отъ сей добычи

ничего

ничего не взялъ, имѣвъ волю взять сколько мнѣ хотѣлось: то за чемъ мнѣ принимать отъ тебя подарки? Почто обогащаться мнѣ теперь безчестно, ежели не хотѣлъ тогда, какъ могъ обогатиться съ великою честію? — *Пирръ*, желая испытать *Фабриція*, повелѣлъ, чтобъ на другой день стоялъ въ готовности за завѣсою величайшій его Слонъ поблизости того зала, въ которомъ онъ ему дастъ Аудіенцію. Сіе было исполнено, и на поданный знакъ предсталъ мгновенно сей звѣрь, и со страшнымъ ревомъ простеръ хоботъ свой на Главу *Фабриціеву*. Но онъ оборотился съ спокойнымъ духомъ, и сказалъ улыбнувшись *Пирру*: сколь мало тронуло меня вчера твое золото, столько мало трогаетъ меня сегодни твой слонъ. — *Фабриціи*, по исправленіи своего посольства, поѣхалъ обратно въ отечество. Въ послѣдовавшій годъ удобно бы лишился *Пирръ* пре-

дательскимъ образомъ своей жизни, ежелибъ великодушный его непріятель *Фабрицій* оную ему не сохранилъ. Царской Лейбмедикъ *Никій* обьявилъ Римлянамъ свое намѣреніе, умертвить ядомъ своего Государя, и надѣялся за сіе получить весьма знатное награжденіе. Но *Фабрицій* увѣдомилъ Царя о семъ ужасномъ вѣроломствѣ, а *Пиррь* тронутъ благодарностію, отпустилъ Римлянамъ безплатежно всѣхъ плѣнниковъ. Но благородномыслящіе Римляне не требовали за сіе награжденія, что они не хотѣли быть участниками въ убійствѣ, и отдали ему на обмѣнъ равное число его плѣнниковъ. Такой поступокъ исполнилъ его живѣйшимъ почтеніемъ къ его непріятелямъ, и онъ сдѣлалъ имъ выгоднѣйшія мирныя предложенія.

Дамонъ и *Пиөїй*, соединившїеся священнымъ узомъ нѣжнѣйшаго дружества, поклялись другъ другу въ ненарушимой вѣрности. Но сїе было испытано жестокимъ произшествїемъ. Дамонъ не извѣстно за что былъ осужденъ на смерть Императоромъ *Дїонисїемъ*; но онъ испросилъ себѣ одной милости, чтобъ съѣздить въ свое отечество, для приведенїя въ порядокъ нѣкоторыхъ дѣлъ, и обѣщался чрезъ опредѣленное время опять возвратиться, въ чемъ *Пиөїй* вызвалъ себя великодушно за него поручителемъ. Весь народъ, а особливо Дїонисїй, ожидалъ съ нетерпѣливостїю, чѣмъ кончится столь чрезвычайное произшествїе. Означенный срокъ проходилъ, и какъ *Дамонъ* еще не возвращался, то каждый началъ охуждать поступокъ несмысленнаго *Пиөїя*. Но сей не являя никакого безпокойства, полагался на вѣрнаго своего друга, что онъ непремѣнно возвра-

возвратится. Определенный день казни действительно уже наступилъ; а *Дамонъ* не бывалъ. Часъ приближился, и *Пиѳій* былъ въ провожанїи народа поведенъ на лобное мѣсто. Тѣ, которые его предъ симъ бранили, сожалѣли о его великомъ легковѣрїи. Но онъ не преставалъ защищать своего друга, и утверждалъ, что непреодолимое препятство его удерживаетъ; что можетъ статься смерть его постигла, однакожъ хотѣлъ онъ охотно умереть за своего друга. Когда уже смертный приговоръ долженствовалъ быть совершенъ надъ *Пиѳїемъ*, то бѣжалъ нѣкто изъдали запыхавшись, кричалъ и протѣснялся сквозь толпу народа. Это былъ самый честный *Дамонъ*; онъ обнялъ своего Пиѳїя, благодарилъ его, извинялся въ своей медлительности, простился съ нимъ нѣжно, и ожидалъ теперь самъ удару палача. *Дїонисїй* преисполненный удивленїя о сей столь

рѣдкой

рѣдкой вѣрности, столько былъ симъ тронутъ, что даровалъ ему животъ, и просилъ сихъ двухъ друзей, чтобъ приняли его третьимъ въ свое дружество.

О туркахъ.

Нѣкто сидѣлъ и читалъ Алкоранъ по обыкновенїю громко, кричалъ изъ всего горла и съ непрїятнымъ голосомъ. Одинъ кроткой мужъ идучи мимо спросилъ его: ты конечно получаешь плату за сей ужасный ревъ? Нѣтъ, отвѣтствовалъ онъ, я ничево не получаю. За чемъ же ты себя изнуряешь столь сильнымъ крикомъ? говорилъ сей. Я дѣлаю сїе въ угодность Богу, говорилъ онъ. Ради Бога, продолжалъ тотъ, не нужно тебѣ и въ половину такъ громко кричать и читать. Онъ слышитъ всегда. *Онъ смотритъ на чувства и на сердце.*

Одного

Одного знаменитаго турку, именемъ *Хатемъ Ѳай*, спросилъ нѣкто, видѣлъ ли онъ кого нибудь въ цѣломъ свѣтѣ, которой былъ бы благороднѣе и великодушнѣе, какъ онъ самъ? Я велѣлъ однажди, отвѣтствовалъ онъ, убить 40 верблюдовъ на жертву, и пригласить всѣхъ, которые только хотѣли притти. А какъ я въ тоже самое время поѣхалъ съ нѣсколькими арапскими дворянами прогулятся въ поле, попался мнѣ на встрѣчу человѣкъ, собравшій цѣлую ношу тернія, которое онъ носилъ на продажу въ тѣ мѣста, гдѣ мало было дровъ. Я сказалъ къ нему: для чево не идешь ты въ домъ *Хатемъ Ѳая*, гдѣ весь народъ теперь имѣетъ пиръ? На сїе отвѣтствовалъ онъ мнѣ: кто самъ своею работою умѣетъ себя пропитать, тому не нужно посѣщать столъ *Хатемъ Ѳая*, и послѣ за сїе претерпѣвать укоризны. Сей былъ,

сказалъ онъ, гораздо великодушнѣе и имѣлъ благороднѣйшія мысли, нежели я.

Али-Ибе-Аба, любимецъ Калифа *Мамуна*, и надзиратель полиціи подъ правительствомъ сего Государя, разсказывалъ слѣдующее приключеніе, которое съ имъ самимъ случилось.

Я находился однимъ вечеромъ у Калифа, какъ привели къ нему одного человѣка связанна руки и ноги. *Мамунъ* повелѣлъ мнѣ прилѣжно стеречь сего невольника, и наутро его опять къ нему представить. Калифъ крайне былъ разгнѣванъ, почему я съ большимъ тщаніемъ заключилъ невольника въ моемъ домѣ. Я его спросилъ о его отечествѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что родомъ изъ *Дамаска*, и что живетъ въ четверти великой мечети. Небо, воскликнулъ я, да изліетъ

свое

свое благословенїе на городъ *Дамаскъ*, а особливо на ту часть, въ которой ты живешь! Онъ хотѣлъ знать причину сей живѣйшей радости, и я отвѣтствовалъ ему: я одолженъ жизнїю моею одному человѣку, живущему въ твоей части города. За нѣсколько уже лѣтъ, когда Калифъ отрѣшалъ въ *Дамаскѣ* владѣтеля, а мнѣ надлежало туда проводить его преемника, произошло тамъ возмущенїе. Будучи преслѣдуемъ убїйцами, спасся я въ одинъ домъ, которой я нашелъ отвореннымъ. Я просилъ хозяина о защитѣ; онъ меня укрылъ, и я жилъ у него одинъ мѣсяцъ въ безопасности и изобилїи. Потомъ хозяинъ принесъ мнѣ извѣстїе, что отправляется караванъ въ *Багдадъ*, и что, ежели я хочу опять видѣть мое отечество, могу воспользоваться симъ благопрїятнымъ случаемъ. Стыдливость заградила мои уста, и я не отважился ему открыть моей бѣдности,

ности, что безъ денегъ не въ состоянїи итти пѣшкомъ за караваномъ. Но сколь велико было мое удивленїе, какъ въ день моего отъѣзда была мнѣ вручена пребогатая лошадь и оселъ, навьюченный всякими съѣстными припасами, купно съ чернымъ невольникомъ для услуги моей въ дорогѣ! Въ тоже время подаривъ мнѣ мой хозяинъ кошелекъ, наполненный золотомъ, отвелъ меня самъ къ каравану, и препоручилъ меня многимъ путешественникамъ, которые были ему прїятели. Сїе то есть то благотворенїе, которое я получилъ въ вашемъ городѣ, и которое дѣлаетъ его для меня столь драгоцѣннымъ. Я умеръ бы спокоенъ, естьлибы могъ ему доказать мою признательность. — Желанїя твои совершились, сказалъ мой невольникъ съ радостнымъ восторгомъ. Я тотъ самой, которой тебя воспрїялъ въ своемъ домѣ. Можешь ли ты меня при-

знать? — Годы, протекшїе послѣ сего произшествїя и нынѣшнее его страданїе перемѣнили его лицо; но я прилѣжнѣе разсматривалъ его черты, и мнѣ уже не трудно было его узнать; также и всѣ обстоятельства, о которыхъ онъ упомянулъ, не оставляли мнѣ никакого больше сомнѣнїя, почитать въ немъ великодушнаго моего благодѣтеля. Я обнялъ его со слезящими глазами, сорвалъ съ него оковы и спрашивалъ его, чемъ онъ навлекъ на себя гнѣвъ Калифовъ? Злоковарные непрїятели, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, оклеветали меня безвинно у *Мамуна*. Меня изхитили изъ дому моего, лишивъ и того утѣшенїя, чтобъ проститься съ моею женою и дѣтьми. Я не вѣдаю моей участи. Ежели жъ мнѣ должно умереть, то заклинаю тебя, увѣдомить мое семейство о семъ несчастїи. — Нѣтъ, ты не умрешь, повторилъ я. Ты паки увидишь свое семейство, и ты съ сей

минуты

минуты свободенъ. Я принесъ тотчасъ разныя штуки прекраснѣйшихъ шелковыхъ матерїй, и просилъ его, отдать ихъ своей супругѣ, къ чему присовокупилъ я еще кошелекъ съ тысячью цехиновъ. Ступай, продолжалъ я, къ драгоцѣннымъ залогамъ твоей нѣжности, которые ты оставилъ въ *Дамаскѣ*. Да падетъ на меня гнѣвъ Калифовъ! Я не страшусь его, ежели я столько счастливъ буду, что спасу тебя. — Не ужель ты почитаешь меня способнымъ, говорилъ мой невольникъ, къ принятїю твоего предложенїя? Какъ? Для избѣжанїя смерти, жертвовать мнѣ нынѣ тоюжъ самою жизнїю, которую я тебѣ прежде сего сохранилъ? Постарайся показать Калифу мою невинность, я не требую другаго знака твоей признательности. Когдаже не возможешь вывести его изъ заблужденїя, то я самъ предложу ему мою голову. — Я повторилъ усильную мою прозьбу,

 чтобъ

чтобъ онъ спасался бѣгствомъ; но онъ оставался непоколебимъ.

Поутру не преминулъ я итти къ *Мамуну*. Сей Государь былъ одѣтъ въ порфиру огненнаго цвѣту, что означало его гнѣвъ. Коль скоро я предъ него предсталъ, то спросилъ онъ меня о моемъ невольникѣ, и приказалъ тогдаже призвать палача. Государь! отвѣтствовалъ я ему бросясь къ его ногамъ: съ тѣмъ, котораго я долженствовалъ сохранять, произошло нѣчто чрезвычайное. Позволь мнѣ говорить. Сіе слово раздражило весь его гнѣвъ. Клянусь тебѣ, сказалъ онъ, душею моего дѣда, что ты долженъ умереть вмѣсто твоего невольника, ежели ты его упустилъ. Жизнь моя и его, говорилъ я, въ твоихъ рукахъ; удостой меня только нѣсколько твоего вниманія. Говори, продолжалъ онъ. Тогда разсказалъ я сему Государю, какимъ образомъ сей мужъ спасъ животъ мой въ *Дамаскѣ*,

что

что я въ знакъ благодарности предлагалъ ему теперь свободу, которую онъ однакожъ, опасаясь подвергнуть меня смерти, отринулъ. Государь! примолвилъ я, онъ невиненъ. Злые клеветники сдѣлали его предъ тобою подозрительнымъ; онъ есть несчастная жертва чрезмѣрной зависти. — Калифъ казался быть тронутымъ. Сей Государь имѣлъ отъ природы великую душу, и не могъ на конецъ надивиться такому плѣннику, которой освобожденъ отъ оковъ, и снабдѣнъ дорожнымъ снарядомъ и деньгами, не хотѣлъ однакожъ убѣжать. Я прощаю ему, сказалъ *Мамунъ*; отнеси къ нему сїю добрую вѣдомость, и приведи его ко мнѣ. Я бросился къ ногамъ сего Государя, и благодарилъ его въ сильнѣйшихъ выраженїяхъ, какїя только благодарность мнѣ внушить могла. По томъ представилъ я Калифу моего невольника. Нѣтъ, сказалъ ему сей Монархъ,

мысли твои не сходны съ тѣмъ, чтобъ ты могъ быть преступникъ. Послѣ сего подарилъ онъ ему почетное платье, десять лошадей, десятьословъ и столькожъ верблюдовъ, также наградилъ его десятью тысячьми цехиновъ для содержанія на его путешествіи, и далъ ему одобрительную грамоту къ намѣстнику *Дамаска*.

Сколь знаменитъ былъ народъ Iудейскій въ древнія времена, и сколько *Богъ* удостоивалъ его особеннымъ своимъ милостивымъ вожденіемъ, сіе не столь изъ священнаго писанія извѣстно, какъ мы нынѣ имѣемъ довольные опыты о ихъ невѣжествѣ и худомъ состояніи. Ежели мы нѣсколько отложимъ то взаимное отвращеніе, которое владычествуетъ между Христіянами и Жидами, и спокойно разсмотримъ сей народъ, то они суть намъ живѣйшимъ доказательствомъ опредѣленія божескаго провидѣнія, древности

ности и истинны собственной нашей святѣйшей вѣры, и намъ бы надлежало по сей одной причинѣ поступать съ ними съ большимъ соболѣзнованіемъ и почтеніемъ. Нечестіе и великое корыстолюбіе большой части Жидовъ намъ чувствительны; напротивъ того неутомимое ихъ тщаніе и постоянный духъ въ дѣлахъ могли бы больше возбудить наше вниманіе и подражаніе. Что Жидъ охотно отнимаетъ у Христіянина, сему также причиною тотъ презрительный поступокъ, которой онъ отъ Христіанина претерпѣвать долженъ. Утѣсненіе и поруганіе затмѣваютъ добрыя человѣческія склонности; и къ какому чувствованію Жиды способны, сіе можетъ показать слѣдующій примѣръ, котораго истинна въ разныя времена непрестанно подтверждается.

Нѣкоторой богатый нѣмецкій Баронъ, пріобрѣтшій всеобщее почтеніе

чтенїе своимъ разумомъ и благонравїемъ, долженъ былъ заплатить нѣсколько тысячь Талеровъ въ ближнемъ городѣ. И такъ въ одинъ день на утреннѣй зарѣ отправился онъ въ путь, а шкатулку съ деньгами велѣлъ положить себѣ подъ ноги. Онъ не отдалился еще на полмили отъ своего помѣстья, гдѣ надлежало ему проѣхать густой лѣсъ, какъ вдругъ напали на него два Жида съ прикрытыми лицами, схватили лошадей за узды, и вынявъ пистолеты привели кучера въ безсилїе, а стоявшаго назади Егеря понудили къ бѣгству, потомъ схватили тотчасъ бѣднаго оставленнаго Барона, которой полумертвъ страннымъ своимъ крикомъ казался тщетно просящимъ спасенїя у безчувственныхъ древесъ сея пустыни. Между тѣмъ, какъ они привязывали ему назадъ руки, подоспѣлъ туда одинъ путешественникъ, которой скакалъ на крикъ Бароновъ, уклонился

отъ

отъ выстрѣловъ обоихъ пистолетовъ, изъ которыхъ сіи злодѣи по немъ выпалили, и неустрашимостію своею обратилъ ихъ въ бѣгъ. Тогда занимался онъ освобожденіемъ отъ узъ Барона, кліча между тѣмъ непрестанно своего Кристофа, чтобъ онъ возстановилъ опять кучера; но долго кликалъ тщетно. Наконецъ явился испугавшійся его слуга, равнымъ образомъ возвратился и Егерь Бароновъ, и кучеръ тогда также исправился. Баронъ пришедъ опять въ чувство, вскричалъ: чемъ воздамъ я вамъ за такую обязанность, великодушный незнакомецъ, что вы собственную вашу жизнь подвергли опасности, для избавленія моей? По какому случаю благопріятная моя судьба вела васъ симъ путемъ? Скажите мнѣ, какъ долженъ я вамъ отблагодарить. Не ставьте, Государь мой, отвѣтство валъ незнакомецъ, должность мою

заслугою. Поступокъ мой не стоилъ бы ничего, ежелибъ я ожидалъ другаго роду благодарности, какъ той, которую вы уже мнѣ доказали толь многими словами. Мы человѣки, обязаны другъ другу служить, подвергая себя и нѣкоторому затрудненїю и опасности; вы бы въ подобномъ случаѣ и для меня тоже сдѣлали. Впрочемъ почитаю я сїе утро прїятнѣйшимъ моей жизни, для того что получилъ случай узнать такого мужа, которой кажется столь много достойнымъ услугъ каждаго человѣка. — Въ такихъ разговорахъ возвратились они къ дому Баронову; ибо можно заключить, что выше объявленное приключенїе уничтожило въ тотъ день путешествїе. Незнакомецъ препроводивъ съ полчаса у Барона, хотѣлъ продолжать свое путешествїе, сколько впрочемъ ни понравилось его Христофу угощенїе. Съ усилѣнными прозьбами побудилъ наконецъ

конецЪ БаронЪ своего избавителя, одинЪ тотЪ день покрайней мѣрѣ у него препроводить. ОнЪ всѣмЪ домомЪ своимЪ всячески старался угостить столь дорогова гостя. Почитай, сказалЪ онЪ кЪ единой своей пятнатцати лѣтней дочери, почитай вЪ семЪ господинѣ великодушнаго избавителя твоего отца, и благодари его неустрашимости и великодушїю, что ты, лишенна уже матери, не совсѣмЪ сдѣлалась сиротою. Тогда пришелЪ лѣкарь, чтобЪ пустить кровь Барону, а незнакомой путешественникЪ испросилЪ позволенїя прогуляться между тѣмЪ по саду. Сколь охотно желалЪ бы я знать, сказалЪ БаронЪ, оставшись одинЪ, кто таковЪ есть подлинно мой избавитель, и какой онЪ имѣетЪ чинЪ? Я ево о томЪ спрашивалЪ, но онЪ отвѣчалЪ мнѣ вЪ темномЪ смыслѣ: я путешественникЪ, имѣющїй исправить нѣкоторыя дѣла.

Самому

Самому мнѣ не прилично далѣе въ него усиливаться. Постарайся ты, Христина, и сговорись о томъ съ твоей Лизеттою. Вы дѣвки можете все вывѣдать. Я дамъ Лизеттѣ за сïе извѣстïе дватцать Талеровъ: она должна извѣдать отъ Христофа. Хотя ему и запрещено открывать о званïи своего господина, однакожъ Лизетта найдетъ способъ, до того добраться, ибо этотъ слуга кажется нѣсколько простоватъ. Между тѣмъ какъ происходило сïе условïе, прогуливался незнакомецъ одинъ по саду, какъ одинъ словохотной садовникъ нарушилъ его уединенïе. Какъ вамъ нравится этотъ садъ, милостивой Государь, говорилъ онъ. Вить очень хорошъ, не такъ ли? Вы севодни избавили нашего господина? Это было очень хорошо. О проклятой жидовской народъ! Хотѣли убить столь прелюбезнаго и добраго господина, какъ нашъ и ограбить! Я по нихъ

сдѣ-

сдѣлалъ залпъ, сказалъ заѣзжей; одинъ изъ нихъ покрайней мѣрѣ еще нѣсколько чувствуетъ. Нѣтъ, повторилъ садовникъ, вы ни въ котораго не попали — О! да по чемужъ это знать! — Да жиды, народъ проклятой. Естьлибы я былъ знатной господинъ, я бы ни подъ какимъ видомъ сихъ непотребныхъ не держалъ въ своей землѣ. Ежели посмотрѣть въ Лейпцигѣ на ярмаркахъ, милостивой Государь, или въ Франкфуртѣ — „ Да пожалуй не „ подступай такъ ко мнѣ близко „ или въ Франкфуртѣ, милостивый Государь, тамъ чортова пропасть барышниковъ, и ежели спросишь, кто они таковы? то все жиды; когда думаешь, что они глаза имѣютъ здѣсь, то руки въ иномъ мѣстѣ: кажется, что они лѣзутъ въ карманъ, посмотришь ужъ и нѣтъ часовъ. О! это злой, непотребной народъ. — Но вы такъ важны, и кажетесь не словохотными; а я

бы

бы въ угодность вамъ еще поговорилъ. Прощайтежъ! — Тогда пришелъ Баронъ, чтобъ сдѣлать компанію любезному своему незнакомцу. Онъ показывалъ ему все достойное зрѣнія въ своемъ саду и въ домѣ, и всегда наблюдалъ взоръ своего избавителя, не понравятся ли ему какія вещи изъ его драгоцѣнностей. Но сей пребывалъ всегда важенъ, учтивъ и равнодушенъ, отъ чего тотъ болѣе не доумѣвалъ, какимъ бы образомъ обнаружить свою благодарность. Они пошли опять въ садъ. Тогда заѣзжей сталъ искать во всѣхъ своихъ карманахъ своей табатерки; но ее не было. Онъ зналъ, что за часъ предъ симъ имѣлъ ее при себѣ въ саду. Не ужъ ли этотъ слуга съ излишными своими разговорами у меня ее унесъ? думалъ онъ самъ въ себѣ. Табатерка серебренная; потеря сія не важна; она меня не сдѣлаетъ бѣднымъ; однакожъ я ее не охотно лишаюсь. —

Что вы задумались? спросилъ Баронъ, не имѣете ль вы въ чемъ недостатку, то прикажите только. — Я хочу васъ спросить, сказалъ тотъ. Извольте только приказать, отвѣтствовалъ сей. — „ Какъ вы заключаете о вашемъ садовникѣ? — Онъ прилѣжной и доброй мужикъ. — „ Хорошо! больше мнѣ вамъ говорить не о чемъ, и прошу меня извинить въ безразсудномъ моемъ вопросѣ. „ Между тѣмъ попался ему на перекрестной дорогѣ идущїй его Христофъ, которой съ важнымъ видомъ нюхалъ табакъ. Но сколько удивился его господинъ, увидѣвъ табатерку свою, которую онъ призналъ по маленькому рубчику, въ рукахъ собственнаго своего слуги; и сколько умножилось его удивленїе, когда сей сталъ утверждать, что она ему принадлежитъ, что онъ ее съ трудомъ заслужилъ, а именно посредствомъ лжи, и что баринъ его сдѣлаетъ несправедливо, ежели

ежели похочетъ обогатиться соб-
ственною вещїю бѣднаго своего
слуги! — Ежели я за сїю малость,
говорилъ заѣзжей господинъ, подо-
зрѣвалъ невиннаго, то я за сїе
подозрѣнїе довольно теперь наказу-
емъ всѣми грубостями, которыя
я долженъ слушать отъ моего
слуги. Дѣло сїе выводитъ меня
почти изъ терпѣнїя: я долженъ въ
томъ признаться; однакожъ я его
напередъ спокойно изслѣдую. Онъ
извинился предъ Барономъ, иото-
шелъ нѣсколько къ сторонѣ съ сво-
имъ слугою. Слушай, говорилъ
онъ, скажи правду: гдѣ ты взялъ
эту табатерку? словомъ, баринъ, от-
вѣтствовалъ слуга, ежели вы хотите
непремѣнно знать; отъ Лизетты.
Какъ? отъ ково? — отъ Лизетты,
горничной дѣвки — Эту самую
табатерку? — Отъ Лизетты,
барышниной дѣвки. Вы можете о
томъ сами спросить — Можно мнѣ?
— Извольте. — Я сожалѣю, госпо-
динъ

динъ Баронъ, говорилъ заѣзжїй незнакомецъ, что причиняю вамъ такїя околичности. Я бы охотно умолчалъ, но ежели по словамъ моего слуги откроется нѣкоторая справедливость, то молчать было бы не дружески. Эта табакерка моя, въ томъ нѣтъ сомнѣнїя: и теперь слушай Христофъ, отваживаешся ли ты, сказать тожъ самое при господинѣ Баронѣ? — „ Для чевожъ не такъ? ежели это правда. — „ Баронъ ужаснулся. Онъ не зналъ ничего о семъ дѣлѣ. Нѣсколько шелковыхъ платковъ пропали у его дочери не задолго предъ симъ. Но чтобъ Лизетту въ томъ подозрѣвать, казалось ему залишнее. Она и въ самомъ дѣлѣ была невинна. Едва могъ онъ ее спросить о табакеркѣ, однакожъ онъ себя преодолѣлъ, и спросилъ ее. Такъ, это была правда; она подарила ее Христофу, и за то самое, чтобъ онъ ей открылъ, кто таковъ его господинъ

и какого званія? Съ начала, сказала она, не хотѣлъ слуга того открыть, и утверждалъ непрестанно, что и самъ не знаетъ о своемъ господинѣ: но коль скоро табакерка ослѣпила ему глаза, тогда сталъ онъ болтать, что только зналъ, что господинъ его есть дворянинъ, и по несчастїю, вышедъ съ однимъ въ Амстердамѣ на дуель, убилъ его, и нынѣча находится съ нимъ въ бѣгахъ. Сїя вѣдомость для меня чрезвычайно важна, прервалъ ея рѣчь Баронъ. Естьлибъ благоволили Небеса, чтобъ я могъ поспѣшествовать спокойствїю дражайшаго моего избавителя! Теперь и я могу понимать, почему онъ столько тихъ и всегда важенъ. Я съ цѣлой часъ разговаривалъ съ нимъ давича въ саду, и изображалъ ему непотребныхъ жидовъ, но онъ непрестанно пребылъ важенъ, и не отвѣчалъ ни шести словъ. — Да, скажи мнѣ еще, любезная Лизетта, какимъ образомъ до-

достала ты эту табакерку? Лизетта покраснѣла, стала плакать, и призналась наконецъ, что Мартынъ, садовой служитель, въ надеждѣ скоро сдѣлаться главнымъ садовникомъ, и ласкаясь имѣть всегда ее благосклонность, подарилъ ей табакерку. — Баронъ приказалъ тотчасъ позвать Мартына, и заѣзжей господинъ также былъ при томъ. Ему прямо было сказано, что онъ укралъ табакерку у прїѣзжаго господина. Онъ пришелъ въ замѣшательство, но на словахъ былъ очень пылокъ: Какъ? кто это говоритъ? у меня табакерка? гдѣ она? Я тотчасъ выворочу всѣ мои карманы. Онъ сїе исполнилъ, и изъ одного кармана выпала борода, которую онъ тотчасъ хотѣлъ было поднять. Но заѣзжїй незнакомецъ въ томъ его упредилъ. Какой это инструментъ? сказалъ сей. Мартынъ краснѣлъ, запинался и не могъ скрыть крайняго своего замѣ-

шательства: я употребляю ее, сказалъ онъ наконецъ, чтобъ пугать дѣтей приворотника. Посмотримъ, какъ она тебѣ пристанетъ, продолжалъ незнакомецъ, и приложилъ ему бороду къ подпородку; точной жидъ. При семъ взглянулъ онъ на Барона съ утвердительнымъ видомъ; а сей доброй господинъ получилъ отъ того чудныя мысли. Онъ велѣлъ осмотрѣть сундукъ Мартынов, также и чуланъ приворотника, которой давно уже казался ему подозрительнымъ. У нихъ найдены были пистолеты и многїе подозрительные инструменты, да и дѣйствительно краденыя вещи; и до обѣда еще вышло ясно наружу, что сїи же злодѣи подъ притворными жидами хотѣли поутру ограбить собственнаго своего господина. Баронъ, пришедъ въ себя отъ своего ужаса, вскричалъ съ сильнымъ движенїемъ: Ахъ! Небо ниспослало васъ, великодушный незнакомецъ,

для отвращенія отЪ меня величайшихЪ опасностей! Сіе второе открытіе, которымЪ я обязанЪ вашей прозорливости, совершенно согласуется сЪ тою помощію, которую вы мнѣ нынѣшнимЪ утромЪ сЪ столь великою неустрашимостію подали. Ибо безЪ сего открытія была бы моя жизнь не совсѣмЪ безопасна отЪ сихЪ злодѣевЪ. КакЪ я вамЪ долженЪ благодарить, дражайшій другЪ! Позвольте мнѣ наслаждаться симЪ именемЪ; я со слезами прошу вашего дружества. Естьлибы милосердое Небо низпослало мнѣ то счастіе, чтобЪ показать вамЪ благодарное мое сердце! Снимите сЪ него, великодушнѣйшій другЪ, то угнѣтающее бремя, которое оно чувствуетЪ, и скажите, какЪ я могу быть вамЪ благодарнымЪ! Откройте мнѣ ваши обстоятельства. Я сЪ радостію пожертвую вамЪ половиною моего имѣнія. Или можетЪ еще статься,

что я могу препроводить остатокъ жизни моей съ тѣмъ, коего обхожденїе столь усладительно, и коего взоръ при всей важности духа являетъ чувствительнѣйшую и любезнѣйшую душу. Мои доходы не малы. Они принадлежатъ купно съ другими еще наслѣдїями единой моей дочери, которая столькожъ добродѣтельно воспитана, сколько и прекрасна, и которая всегда составляла сокровища моей жизни. Сколько бы осчастливила ее и меня рука того, которой и кромѣ содѣяннаго для насъ заслуживаетъ величайшее почтенїе! Признаюсь, необычно предлагать свою дочь; но чрезвычайные случаи выступаютъ изъ законовъ благопристойности. Вы дворянинъ; вы конечно меня извините — Тутъ прервалъ незнакомецъ Баронову рѣчь: за чемъ же долженъ я вамъ сказать (слеза готовилась тогда выступить), что состоянїе мое не позволяетъ мнѣ

вкушать столь великое благополучїе! Я на путешествїи моемъ хотѣлъ быть каждому неизвѣстенъ. Никто меня не знаетъ; да и самой слуга мой. Однакожъ я вамъ скажу: знайте, что я — Ахъ! прервалъ Баронъ, можетъ быть не Кавалеръ! Это не важно. — „ Я можетъ уже женатъ. Жалко, было бы! — „ Нѣтъ! я Жидъ! — Вы жидъ? сказалъ изумленный Баронъ! Это ужасное обстоятельство! Жидъ? и такъ не ужель благодарность моя должна въ прїятнѣйшемъ своемъ теченїи прерваться? Предпишите мнѣ, какъ должно мнѣ быть благодарнымъ, дражайшїй другъ. „ Я щедро тѣмъ награжденъ, отвѣтствовалъ тотъ, зная, что я исполнилъ мою должность. Богъ Праотцевъ моихъ столько меня награждаетъ за мое прилѣжанїе, что мнѣ не нужно помышлять о низкихъ прибыткахъ, или брать плату за человѣческїя должности. Единая прозьба моя

къ вамъ состоитъ только въ томъ, чтобъ вы впредь благосклоннѣе разсуждали о моемъ народѣ. — Онъ велѣлъ тотчасъ осѣдлать лошадей, простился съ Барономъ, тронутымъ до слезъ, и, не дождавшись обѣду, продолжалъ свое путешествіе.

Въ Христіянахъ находится великое множество добрыхъ чувствованій и изъящныхъ дѣлъ. Превосходныя добродѣтели, внушаемыя Христіянскою вѣрою, добронравіе и скромность женскаго пола, великое тщаніе мужей въ доставленіи нужнаго, ненарушимость супружественныхъ, родительскихъ и дѣтскихъ согласій, миролюбіе и взаимное вспомоществованіе, довольствованіе малымъ достаткомъ, равнодушіе въ страданіяхъ, мужество при смерти; — всѣ сіи чувствованія находятся изобильно у христіянъ. Изъ тысячи примѣровъ приведу я только нѣсколько, изъ которыхъ

явству-

ѧвствуетъ, что любовь къ отечеству и порядку, умѣренность желанїй, постоянство и добрая рѣшительность, суть свойственныя отлично Христїянамъ добродѣтели.

Маїоръ *Клейстъ* получилъ двенадцать ранъ на сраженїи при Кунерсдорфѣ; оба большїе пальцы правой руки были ранены; тогда взялъ онъ шпагу въ лѣвую руку. Онъ предводительствовалъ своимъ баталїономъ противъ одной батареи подъ ужасною пушечною пальбою съ непрїятельской стороны. Онъ потребовалъ къ себѣ полковыя знамена, и самъ взялъ за руку одного фурьера. Его ранили опять пулею въ лѣвую руку, такъ что онъ не могъ больше держать шпагу; и такъ взявъ онъ ее опять въ правую раненую же двумя послѣдними пальцами и большимъ пальцемъ, наступалъ ближе на батарею. Картечь отшибла у него правую ногу; онъ

онъ упалъ съ лошади, и кричалъ своимъ подчиненнымъ; *дѣти, не оставьте своего Короля!* Онъ умеръ въ Франкфуртѣ отъ своихъ ранъ. При жесточайшей боли, причиняемой ему перевязкою оныхъ, пребывалъ онъ спокоенъ, веселъ, какъ мудрый мужъ, вѣдущій, что всегда охотно исправлялъ свою должность, и какъ Христіянинъ, радующійся о будущей жизни.

Еще нѣкоторое произшествіе изъ жизни *Маїора Клейста.* Козаки его ограбили и бросили нагаго и обезсиленнаго въ болото. Ночью наѣхали на него нѣскольк гусаръ, вытащили его на сушу, положили его на солому подлѣ раскладенаго огня, покрыли его плащемъ и надѣли ему на голову шляпу. Дали ему также хлѣба и воды. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ ему дать нѣсколько денегъ, но когда раненный въ томъ отказался, то бросилъ гусаръ оныя ему съ благо-

роднымъ

роднымъ неудовольствїемъ на плащь которымъ онъ его покрылъ и поѣхалъ отъ него съ своими товарищами. Козаки прїѣхали опять поутру, и отняли у него все то, что онъ получилъ отъ добросердечныхъ гусаръ.

Въ послѣднюю войну ворвались Козаки въ одну деревню нижней Померанїи. Они разсѣялись по дворамъ, изъ которыхъ устрашенные жители спаслись бѣгствомъ. Однакожъ въ одномъ домѣ находилась еще одна роженица съ своимъ младенцемъ, которая не имѣла силъ бѣжать, и коей мужъ спрятался въ домѣ. Роженица устрашилась, узрѣвъ дикаго вооруженнаго непрїятеля. Съ смертною блѣдностїю умоляетъ она его о пощадѣ ея жизни и младенца ея. Спящїй въ колыбели младенецъ является глазамъ Козака, которой за тѣмъ только туда пришелъ, чтобъ грабить и убивать.

вать. Онъ глядитъ на него нѣсколько времяни пристально, наконецъ протягаетъ къ нему руки. Мать производитъ въ отчаянiи своемъ громкой крикъ. Мужъ выбѣгаетъ также изъ своего угла, слезно умоляетъ Козака о милосердiи. Но у сего дикаго воина выступаетъ слеза. Онъ нѣжно прижимаетъ къ лицу своему младенца, поглаживаетъ его, скачетъ съ нимъ по горницѣ и поетъ ему козацкую пѣсеньку. Наконецъ кладетъ опять младенца въ колыбель, вынимаетъ изъ кошелька своего нѣсколько рублей, и видомъ подаетъ знать, чтобъ отецъ его съ устрашенною своею женою употребили ихъ въ свою пользу. И такимъ образомъ выѣхалъ изъ дому сей великодушный воинъ.

Послѣ Ловозицкой битвы были перевязываемы раненные Прусаки. Между ими находились два брата: Старшiй лишился ноги. Когда подошелъ

шелъ къ нему лѣкарь, то сказалъ онъ ему: перевяжи напередъ моего брата, ибо онъ можетъ еще служить, а я ужъ инвалидной. Лѣкарь представлялъ ему, что рана его гораздо опаснѣе, нежели у брата его, которой только прострѣленъ въ руку, а онъ напротивъ удобно можетъ лишиться жизни. *Изрядно*, сказалъ онъ, *для того то и перевяжи моего брата, онъ можетъ еще служить*. Всѣ здоровые и больные удивлялись геройскому духу и любви къ отечеству сего воина, и изъявили великую похвалу.

XXIV.

Поученія

Предосторожность избавляетъ отъ заботы.

Учтивость дешева, однакожъ можно ею пріобрѣтать великія вещи.

Гово-

Говоришь не подумавши, есть стрѣлять не прицѣлившись.

Собака вертитЪ хвостомЪ не предЪ тобою, но передЪ хлѣбомЪ.

Не надобно шарить вЪ чужихЪ кошелькахЪ, и не смотрѣть вЪ чужїя письма.

Кто хочетЪ покоиться, тотЪ долженЪ напередЪ работать.

Доброй совѣтЪ лучше ста рукЪ.

Клевещущїй языкЪ есть мечь, убивающїй однимЪ ударомЪ трехЪ: себя, обиженнаго и слушателя.

Кто ѣстЪ мало, тотЪ будетЪ ѣсть много, а кто ѣстЪ много, будетЪ ѣсть мало.

ТотЪ богатѣе всѣхЪ, которому меньше надобно.

Ежели вымолвишь слово, то оное принадлежитЪ другому.

Бѣдные люди имѣютЪ одно чувство болѣе нежели богатые.

При-

Признанie въ своей погрѣшности есть уже половина исправленiя.

Человѣкъ безъ рѣшительности подобенъ судну безъ весел ъ.

Человѣкъ безъ справедливости, прилѣжанiя и вѣжливости долженствовалъ бы жить въ лѣсу.

Страсть, которую мы не преодолѣваемъ, подобна мухѣ, которая дотѣхъ поръ лѣтатъ около свѣчи, пока не опалится.

Хорошо рѣшить тяжбы справедливо, но лучше совершенно ихъ уничтожить.

Научись благовременно сохранять.

Тотъ только счастливъ, которой усматриваетъ свое счастiе и умѣетъ оное употреблять.

Груши и сливы не говорятъ, однакожъ являютъ свою доброту.

Между тысячьми не умираетъ ни одинъ отъ яду, но тьма лишается жиз-

жизни отъ неумѣренности. Одно слово *ядъ* наводитъ страхъ на каждаго, но при словѣ *ѣсть и пить* никто не страшится.

Разумный непрїятель лучше глупаго друга.

Кто скоро говоритъ *такъ*, тотъ скажетъ скоро и *нѣтъ*.

Одинъ прїятель влечетъ другаго за собою.

Небо и адъ имѣютъ вмѣстилище свое въ сердцѣ.

Истинный сирота не есть тотъ, у котораго нѣтъ родителей, но тотъ, которой не имѣетъ ни знанїя, ни добрыхъ нравовъ.

Смерть не имѣетъ въ себѣ ничего страшнаго, кромѣ того что жизнь ей даетъ.

Изъ пристойнаго увеселенїя происходятъ жизнь, здравїе, разсудокъ и радость.

Мудрый

Мудрый человѣкъ весьма счастливъ; онъ не прыгаетъ и не скачетъ, но спокоенъ и веселъ.

2.

Вообще болѣе всего стараться должно о познаніи самаго себя, своей должности и отношеній, въ какихъ кто находится: стараться жить такъ, какъ мы обязаны Богу, ближнему и самимъ себѣ, предлагать себѣ во всѣхъ дѣлахъ лучшія намѣренія и употреблять лучшія средства къ достиженію оныхъ. Особенно же въ разсужденіи общественной жизни слѣдующія правила наблюдать должно.

Не полагайся никогда на другихъ людей, ниже на собственной свой разумъ, но токмо на промыслъ Всемогущаго.

Никому не будь долженъ безъ нужды, но все плати, какъ можно скорѣе, и остерегайся сколько можно

принимать благодѣянія тѣхъ, которые того не заслужили. Подаяніе есть спасительное предпріятіе.

Противъ всякаго будь учтивъ, ласковъ и услужливъ, и будь увѣренъ, что всякой человѣкъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, при будущихъ случаяхъ пользу или вредъ причинить можетъ.

Берегись быть недовѣрчивымъ и подозрительнымъ противъ честныхъ людей, не вѣрь также всякому злословію, о другихъ произносимому; но тѣмъ не много вѣрь, которыхъ ты не коротко знаешь, и не открывай своихъ тайностей никогда безъ нужды.

Ни передъ кѣмъ не лицемѣрствуй, но говори правду, или совсѣмъ молчи, ежели ее сказать не смѣешь.

Ищи дружества и благосклонности тѣхъ, къ которымъ имѣешь отношеніе, а особливо старайся у тѣхъ, коимъ ты подчиненъ,

приитти

притти въ любовь безъ всякаго ласкательства. Сдѣлай себѣ обязанными тѣхъ, которые находятся въ твоихъ повелѣнїяхъ, не возносясь предъ ними гордостїю.

Весьма берегись о другихъ судить, а особливо въ присутствїи незнакомыхъ людей: вообще много не говори о погрѣшностяхъ другихъ людей, также не съ лишкомъ и о самомъ себѣ.

Паче всего не вступай въ сужденїе о правительствѣ и своихъ начальникахъ, и никогда не говори ни чего непристойнаго объ нихъ, даже и тогда, ежели они въ самомъ дѣлѣ въ чемъ либо погрѣшили.

Почитай за велико свое честное имя, и убѣгай сколько можно и самаго вида злаго.

Самаго себя не хвали и погрѣшности свои не всякому открывай.

Работай прилѣжно, будь вѣренъ и усерденъ въ своемъ званіи, не вмѣшиваясь въ дѣла до тебя не касающіяся, и убѣгай праздности и зловредныхъ обществъ.

Во всѣхъ дѣлахъ своихъ наблюдай хорошій и безпрерывный порядокъ, дѣлай все въ настоящее время, и всѣ свои вещи клади на назначенное имъ мѣсто.

Ничего не предпринимай, чего ты не можешь исполнить, но ежели однажды по долгу своему что предпримешь, то старайся со всѣмъ усердіемъ совершить оное.

Остерегайся опасностей, коихъ можно избѣгнуть, но не страшись тѣхъ, коихъ избѣжать не можно. Примѣчай сколько можно за собою, къ какимъ порокамъ болѣе съ природы ты склоненъ, и старайся съ возможнымъ раченіемъ отдалить всякой случай къ оказанію оныхъ, особливо весьма остерегайся всякаго

рода

рода забавъ, коими или совсѣмъ не можно наслаждаться, либо не безъ многихъ трудныхъ ограничиванїй, дабы себя предохранить отъ побужденїя къ всеобщему, или всегдашнему ими наслажденїю.

Остерегайся вражды и раздоровъ, и защищай свое право только тогда, ежели то необходимо нужно, но всегда безъ своенравїя, упрямства, гнѣва и любомщенїя; также не будь зрителемъ, ежели другїе между собою ссорятся, а и того менѣе не вмѣшивайся въ ихъ дѣла.

Остерегайся выдавать себя за забавника въ обществѣ. Разумные люди внутренно презираютъ такого, хотя они и съ удовольствїемъ его шутки слушаютъ.

Избѣгай всякаго дружескаго обхожденїя съ злыми людьми, и съ такими, кои только подозрительны; не ищи также безъ важныхъ причинъ завести дружество съ

такими людьми, кои знатнѣе тебя: но обходись съ равными себѣ; между сими старайся имѣть всегда нѣсколько подлинно добрыхъ друзей, цѣни ихъ высоко, и избѣгай всякаго случая къ потерянїю, или уменьшенїю ихъ любви.

Не перемѣняй своего состоянїя, или рода жизни безъ нужды, но питайся честно въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тебѣ Провидѣнїе однажды быть опредѣлило.

Не издерживай своихъ денегъ на безполезное щегольство, лакомственную пищу и излишнюю домашнюю рухлядь, но лучше на свое пропитанїе и недвижимое имѣнїе; старайся всегда сберечь нѣкоторое количество денегъ, пригодное на всякой случай, но остерегайся скупости, какъ корня всякаго зла, и никогда себѣ не воображай, что большое богатство само по себѣ можетъ

дѣлать

дѣлать людей щастливыми. При покупкѣ, отдачѣ взаемъ и при уплатѣ немаловажной, требуй вѣрныхъ купчей, обязательствъ, росписокъ, квитанцій и такъ далѣе, и вообще словесное и письменное подтвержденіе, равномѣрно въ таковыхъ случаяхъ бери и надлежащихъ свидѣтелей.

3.

Не полагайтеся на оказываемую благодарность тѣхъ, коимъ вы благодѣтельствовали, до тѣхъ поръ, пока вы имъ еще въ чемъ нибудь не отказали. Тогда только они благодарны, ежели они снесутъ отказъ вашъ съ спокойнымъ равнодушіемъ; естьлижъ на то вознегодуютъ, то они неблагодарны.

Кого въ бѣдности не тронетъ великолѣпіе богатыхъ, того щастіе не заставитъ гордиться своимъ величіемъ. Кто въ щастіи не отвращаетъ взора своего отъ

нещастныхъ, тотъ въ нещастіи не будетъ безутѣшенъ.

Больные бываютъ не довольны, когда врачь не подаетъ имъ ни какого совѣта; они думаютъ тогда, что онъ почитаетъ ихъ погибшими. Для чегожъ мы не имѣемъ столько уваженія къ Философу, которой, не подавая намъ никакихъ поученій, или наставленій, заставилъ бы насъ подумать, что онъ почитаетъ насъ за людей, кои никогда не могутъ сдѣлаться умными?

Одна нравственная мысль, которую человѣкъ съ дѣтства затвердилъ и удостовѣрился въ ней изъ приключеній собственной жизни, часто болѣе дѣйствуетъ надъ сердцемъ, и служитъ къ исправленію его важнѣе, нежели цѣлыя книги, коихъ нравоученіе едва можетъ понимать своимъ разсудкомъ.

Пер. Н. Казариновъ.

XXV.

Семнонъ и Оракулъ.

Семнонъ, исполненный желанїемъ узнать свою будущую судьбу, поспѣшаетъ къ Дельфїйскому Храму. Божество, отрицаяся открыть ему то, что судьба опредѣлила, сказало: ты будешь весьма счастливъ; но коль скоро ты сїе узнаешь, то послужитъ къ твоему нещастїю. Чтожъ? удовольствовалось ли теперь Семноново любопытство? Нимало, но только что желанїе его еще болѣе возрастаетъ. О божество, сказалъ онъ, ежели ты можешь смягчиться моими прозьбами, то подай мнѣ больше свѣдѣнїя о моемъ щастїи! Вотъ каковъ человѣкъ, что въ одно время и вѣритъ и не вѣритъ. Семнонъ не для того вѣритъ своему щастїю, что Божество ему оное предвѣщаетъ, но для того, что онъ желалъ его прежде, нежели

о томъ вопрошалъ. Но повѣрилъ ли бы онъ, естьли бы Оракулъ предсказалъ ему нещастїе? О нѣтъ. Ибо онъ себѣ того не желаетъ. Онъ помышляетъ уже отвратить нещастїе свое прозорливостїю; словомъ сказать, Семнонъ не отступно проситъ, открыть его судьбу.

Ты будешь, возвѣстилъ ему Оракулъ, владѣть скипетромъ по благосклонности своей жены, и управлять народами, которые видѣли тебя самаго подданнымъ. Возгордившись симъ божескимъ отвѣтомъ, поспѣшаетъ Семнонъ въ обратной путь въ той надеждѣ, чтобъ быть ему Государемъ, и, не имѣя еще земли, размѣряетъ уже мысленно пространство своего владѣнїя, и не обладая еще народомъ, повелѣваетъ войску своему обнажить мечи.

Какъ веселъ онъ ни былъ, этого не довольно было. Онъ еще не знаетъ всего того, что онъ знать

хотѣлъ,

хотѣлъ, а именно времени, въ которое вступитъ во владѣніе; сія то неизвѣстность привела его въ уныніе. Ежели я, говорилъ онъ самъ себѣ, и скоро взойду на престолъ, но долго ли я буду наслаждаться сими веселостями? Дерзское сіе сомнѣніе принудило его приступить еще къ Дельфійскому Аполлону.

О глупецъ! отвѣчалъ Аполлонъ, щасливы смертные, что будущую вашу судьбу скрываютъ отъ взоровъ вашихъ божескіе промыслы. Такъ знай же ты, что въ скоромъ времени украситъ тебя великолѣпная порфира; но таже самая рука, которая возведетъ тебя на престолъ, похититъ у тебя оной съ твоею жизнію!

Семнонъ по томъ прославился на войнѣ, и храбростію своею дошелъ изъ низкаго состоянія до высочайшихъ достоинствъ въ своемъ отечествѣ.

чество. Благопріятная ему судьба исполнила пророчества Оракула; онъ при возрастающемъ своемъ щастіи сдѣлался любимцемъ своей царевны.

Она вручила ему свое сердце и престолъ, но тайной страхъ не допускалъ его наслаждаться своимъ щастіемъ и величествомъ. Прелестная его супруга, которую онъ любилъ и страшился, наводила на него страхъ и воспламеняла сердце его нѣжностію; теперь желаетъ онъ стократно не знать своей судьбы и горѣть къ супругѣ своей стольже страстно, какъ и она къ нему. Она, примѣтивъ мужа своего суровые поступки, подозрѣваетъ его въ невѣрности, и умерщвляетъ его тайно ядомъ, повергшимъ его передъ ея ногами.

Скажи мнѣ человѣкъ, не лучше ли для тебя не знать твоей судьбы?

Пер. съ Нѣм. *Ни. Кзрнв.*

РАЗ-

РАЗГОВОРЪ
философа съ Рыбакомъ.

Нѣкоторой Философъ, прогуливаясь по морскому берегу, сказалъ одному рыбаку, которой на маленькомъ суднѣ хотѣлъ было только отвалить отъ берега: скажи мнѣ, пожалуй, мой другъ! былъ ли твой отецъ тоже рыбакомъ? Конечно. Какою смертїю онъ умеръ? Онъ былъ на морѣ, и какъ внезапно поднялась буря, то опрокинулась лодка, и онъ утонулъ. Но какъ умеръ твой дѣдушка? Равнымъ образомъ. А твой прадѣдъ? Также; по тому что всѣ мои предки были рыбаками и всѣ умерли на морѣ. Такъ не дуракъ ли ты, что отваживаешся по морю ѣздить, на которомъ всѣ твои предки утонули? Можетъ быть, отвѣтствовалъ рыбакъ; но гдѣ ваши предки умерли? На своихъ постеляхъ, очень спокойною и естественною смертїю. Но не глупы ли

вы,

вы, что на постелѣ ложитесь, гдѣ всѣ ваши предки также нещастливы были, какъ и мои на морѣ?

Перев. *Ник. Кзрнв.*

XXVI.

Смѣшенныя мысли.

Когда мы молоди, то обладаетъ нами мнѣнїе свѣта, и мы печемся больше состоять въ хорошей связи съ другими, нежели съ самими собою. Когдаже достигаемъ глубокихъ лѣтъ, тогда все внѣ насъ находящееся имѣетъ малую цѣну въ глазахъ нашихъ, и ничто не лежитъ такъ у насъ на сердцѣ, какъ мы сами, хотя мы въ тоже время познаемъ, что таковое попеченїе о себѣ самихъ мало, или и совсѣмъ не способствуетъ къ нашему спокойствїю.

Съ жизнїю бываетъ тоже, что и со всѣми другими драгоцѣнными вещьми, которыми мы думаемъ

вла-

владѣть. Мы расточаемъ все, когда бываемъ въ тѣхъ мысляхъ, что имѣемъ великой достатокъ. Экономія тогда становится нашимъ предметомъ, когда дѣло дойдетъ до того, чтобъ владѣть хорошо малымъ достаткомъ, которой у насъ еще есть. Отсюда происходитъ, что молодые люди поступаютъ весьма небережно въ разсужденіи своей жизни, пока они въ тѣхъ мысляхъ, что еще долго будутъ оную вести. Мы дѣлаемся тѣмъ для себя самихъ драгоцѣннѣе, чѣмъ ближе бываемъ къ концу своихъ дней. Между тѣмъ въ семъ состояніи разслабленія мы можемъ еще всегда предоставить себѣ нѣкоторыя забавы. Но намъ должно стеречься, чтобъ не быть обольщаемымъ движеніями самолюбія. Естьли находимъ мы, что всѣ чувственныя побужденія къ пороку спятъ, или и совсѣмъ не могутъ имѣть силы, то какой причинѣ

дол-

должны приписать сїю перемѣну? слабости ли безсильнаго нашего тѣла, или умѣренности души, содѣлавшейся гораздо разумнѣе прежняго? Дѣйствительно имѣемъ мы причину страшиться, что премѣну сїю должно приписать больше слабости лѣтъ, нежели высшей какой добродѣтели. —

Человѣкъ можетъ быть щастливъ, когда онъ отгонитъ совсѣмъ отъ себя страсти, и предоставитъ доступъ только нѣкоторымъ. Дни его будутъ восходить такимъ образомъ среди улыбающагося спокойствїя, и кончатся чувствованїемъ радости: ни страхъ, ни скорби, ни ненависть, ни ревнованїе не будутъ имѣть въ дѣла его никакого втеченїя. Онъ будетъ желать безъ горячести, надѣяться безъ безпокойства и наслаждаться безъ расточительности.

Хотя и многїе законы могутъ быть даваны и изощряемы къ со-

дѣланїю людей справедливыми; однакожъ они имѣютъ отъ природы слишкомъ великую склонность быть инаковыми. Справедливость основала общество и содержитъ оное въ порядкѣ. Безъ нее былибы мы бродящею толпою, и безъ нее неукротимость, или упорство наше повергло бы насъ въ великое замѣшательство. Однакожъ вмѣсто того, чтобъ познать сїе преимущество съ удовольствїемъ, мы думаемъ быть связанными щастливою подчиненностїю, въ которой она содержитъ насъ, и мы воздыхаемъ безпрестанно по опасной вольности, которая была бы матерью величайшаго злополучїя въ человѣческой жизни. Естьлижъ писанїе говоритъ о весьма маломъ числѣ правосудныхъ: то не должны мы заключать оттуда, чтобъ праводушїе въ жизни трудно было найти между нами; но что мы несклонны поступать такъ, какбы намъ должно было по

начальнымЪ правиламЪ справедливости. ЕстьлибЪ все благое, которое мы видимЪ обыкновенно производимое, рачительно изслѣдовать, тобы нашлось, что оно имѣетЪ произхожденіе единственно отЪ другой добродѣтели. Доброе сердце, дружба, благоволеніе имѣютЪ часто вЪ томЪ участіе. Благопріятство спѣшитЪ помочь недостаткамЪ ближняго; щедрость даетЪ и великодушіе обязываетЪ. — Природа довольствуется дѣлами, произходящими изЪ пріятнаго побужденія; но она находитЪ вЪ справедливости тайное принужденіе; потому что посредствомЪ оной права другихЪ людей требуютЪ того отЪ насЪ, что мы дѣлаемЪ, и поелику мы должны смотрѣть на сей родЪ дѣяній своихЪ какЪ на исполненіе своей обязанности, и не смѣемЪ ожидать, чтобЪ наши сочеловѣки оставались намЪ за то обязанными, какЪ за полученныя благо-

благодѣянія. По тайному отвращенію къ справедливости нѣкоторые обыкновенно лучше даютъ, нежели платятъ, лучше обязываютъ, нежели бываютъ признательны. И такимъ образомъ мы видимъ, что щедрые и великодушные не всегда бываютъ таковы. Правомѣрность справедливости, основывающейся на непремѣнномъ повелѣніи, и противоборствующей естественному побужденію щедрости причиняетъ имъ неудовольствіе.

О пришедшихъ въ упадокъ отъ противныхъ случаевъ обыкновенно сожалѣетъ всякой; потому что сіе такое нещастіе, которому подвержены всѣ люди; напротивъ того сдѣлавшіеся нещастными отъ расточительности бываютъ больше предметомъ презрѣнія, нежели сожалѣнія: потому что они навлекли на себя сами нещастіе особенною глупостію, которой каждый, посредствомъ хорошаго мнѣнія, обыкно-

венно о себѣ питаемаго, думаетъ не имѣть. Къ сему присоединяется и то, что натура всегда страждетъ при сожалѣніи, и что она такимъ образомъ для предохраненія себя отъ непріятнаго чувствованія, оглядывается на безуміе расточителя, не примѣчая точно злополучнаго. —

Нѣтъ въ свѣтѣ столько неблагодарныхъ людей, както всегда думаютъ, ни столько имѣющихъ истиннаго великодушія. Умалчивающій о благодѣяніяхъ, ему оказанныхъ, кажется оныхъ недостоинъ: а обнародывающій благодѣянія, другимъ собою оказанныя, превращаетъ оныя въ оскорбленіе; потому что онъ къ униженію сихъ открываетъ сколько онъ имъ нуженъ. Здраво мыслящій неохотно приметъ благодѣяніе по нѣкоторому нѣжному чувствованію, а напротивъ сего будетъ преисполненъ благодарности за оказанныя уже себѣ.

Благодѣтель долженъ довольствоваться великодушнымъ своимъ поступкомъ, не помышляя о благодарности имъ облагодѣтельствованнаго. Когдаже онъ ожидаетъ признательности; то добро, имъ сдѣланное, не есть больше щедрость, но родъ торговли, вмѣшанной духомъ корыстолюбія въ его благодѣянія.

Въ великой щедрости заключается столько же геройства, какъ и въ великой храбрости: и сіи обѣ добродѣтели подобны другъ другу по тому, что первая возвышаетъ душу поверьхъ вниманія къ богатствамъ сего свѣта, а послѣдняя побѣждаетъ любовь къ жизни. Между тѣмъ должны быть получаемы сіи благородныя побужденія нѣкоторымъ порядкомъ, дабы одно не привело насъ въ убытокъ, а другое въ опасность.

Любопытство ободряетъ насъ къ изслѣдованію, что мы будемъ

послѣ смерти. — Мы любимъ еще себя столько, чтобъ не согласиться на свое уничтоженїе. Воля снабдѣваетъ насъ всегда желанїемъ къ долгопребыванїю; а разумъ вспомоществуетъ оному, что и есть явнымъ доказательствомъ нашего вѣчно пребыванїя, или безсмертїя.

Дервишъ.

Нѣкоторой Магометанской монахъ, зашедъ на пути своемъ въ королевской дворецъ, и хотя тамъ переночевать, бросилъ свою суму въ уголъ, какъ ему сказали слуги, что это не постоялой дворъ, но увеселительной замокъ Шаха Персидскаго. Дервишъ, не внимая сихъ словъ, ссорился съ слугами, пока и самъ Шахъ пришелъ тудаже. Сей сказалъ ему тоже, что онъ ошибается, естьли почитаетъ постоялымъ дворомъ. Но комуже принадлежитъ сей домъ? Спросилъ

по томъ Дервишъ. Шахъ ему отвѣтствовалъ: онъ принадлежитъ мнѣ; ктоже прежде въ немъ жилъ? спросилъ еще Дервишъ: мой отецъ, отвѣчалъ Шахъ. Ктоже въ немъ будетъ жить послѣ тебя, мой наслѣдникъ. И такъ, сказалъ Дервишъ, онъ точно постоялой дворъ, и ты не можешь мнѣ въ ночлѣгѣ отказать.

Живописецъ.

Нѣкоторой разумной Аѳинской живописецъ, трудившїйся не столько для полученїя денегъ, сколько для прїобрѣтенїя славы, показалъ знатоку изображенїе Марса, желая узнать его мнѣнїе. Знатокъ сказалъ ему безпристрастно, что картина сїя ему не нравится, и что для приведенїя ее въ совершенство потребно еще великаго искуства. Живописецъ такъ сильно спорилъ, что знатокъ со всѣми своими доказательствами не могъ его переспорить.

Вскорѣ по томъ пришелъ къ нему молодой невѣжа, которой, осмотрѣвъ сію картину, вскричалъ; о Боги! какой это мастерской образецъ! какія ноги! какъ искусно изображены пальцы! Марсъ точно какъ живой на сей картинѣ. Съ какимъ искуствомъ и великолѣпіемъ изображены шишакъ, щитъ и оружіе!

Тронутой живописецъ стыдомъ, посмотрѣвъ жалостно на знатока, сказалъ: теперь точно я увѣренъ, что вы меня не обидѣли. Какъ скоро молодой невѣжа ушелъ, то живописецъ замаралъ свою картину.

Нравоученіе.

Когда сочиненія твои не нравятся знатоку, то сіе для тебя худое предзнаменованіе, но когда ихъ дураки хвалятъ, то уже время ихъ бросить.

Пер. съ Нѣм. *Н. Кзрнв.*

Ко-

Котилъ.

Котилъ былъ нѣкогда, такъ какъ и многимъ случается, безъ дѣла, однакожъ не желалъ онъ быть празденъ; ибо быть безъ дѣла, когда кто сїе точно не знаетъ, гораздо скучнѣе, нежели какъ можно себѣ вообразить. Онъ пошелъ за городъ, и идучи началъ вертѣться колесомъ. О! кричали всѣ, смотрите, что дѣлаетъ этотъ дуралей, конечно онъ ума лишился, онъ руки употребляетъ такъ же какъ и ноги; ребята! смѣйтесь сему дураку! Котилъ на сїе не досадовалъ. Довольно того, что сїе ему самому нравилось, и онъ шелъ таки своею дорогою за городскїя ворота. Пускай говорятъ, что хотятъ, однакожъ онъ идучи продолжалъ вертѣться колесомъ.

Что это за чортовщина! сказалъ одинъ изъ зрителей, посмотрите, это настоящее колесо! Попытаюсь

я и самъ сдѣлать тоже! Лишь только онъ сказалъ, то и самъ вертѣлся колесомъ. Теперь вижу я, сказалъ онъ, сколь полезно этакое колесо. Оно довольно уменьшаетъ труда; и тотъ человѣкъ, которой сїе выдумалъ, не такъ глупъ, какъ объ немъ думали. На другой день и третей подражалъ ему, и наконецъ число ихъ весьма умножилось. Въ короткое время перестали сему смѣяться, и разспрашивали объ имени изобрѣтателя, на конецъ превозносили его великими похвалами.

Нравоученїе.

Старайтесь испытывать все, какъ бы что за глупо ни почитали; хотя и сначала почтутъ тебя дуракомъ, такъ какъ и Котила, однакожъ твоя похвала чрезъ то не уменьшится: будь только стваженъ, и не щади своихъ трудовъ! Глупецъ можетъ всегда найти большаго себя глупца,

ко-

которой бы почиталЪ его по достоинствамЪ.

Соловей и Кукушка.

Соловей нѣкогда воспѣвалЪ свою божественную пѣснь, желая чрезЪ то знать, прїятны ли его пѣсни людямЪ. Мальчики, играющїе вЪ долинѣ, продолжали свою игру, и не внимали его голосу. Между тѣмЪ кукушка закукувала сЪ удовольствїемЪ, и они всѣ сЪ радости вскричали: ахЪ! а по томЪ, засмѣявшись, громко прокричали и сами кукушичьимЪ голосомЪ вЪ похвалу ей разЪ сЪ десять. Слышишь ли ты? сказала Кукушка соловью, какЪ я симЪ господамЪ понравилась? Я думаю, что едва ли не предпочитаютЪ они мои пѣсни твоимЪ.

По томЪ пришелЪ АминтЪ сЪ своей красавицей. Кукушка закуковала, но они прошли мимо безЪ внима-

вниманія. Послѣ сего воспѣлъ поразительнымъ тономъ съ тихимъ согласіемъ соловей передъ Аминтомъ и его красавицею; они почувствовали надъ собою власть его пѣсенъ. Аминтъ остановился, а Филида сѣла и слушала со вниманіемъ его пѣсни. Нѣжная ея кровь воскипѣла; и пріятныя слезы покатились изъ глазъ ея. О! пустомеля, сказалъ соловей кукушкѣ, познай изъ сего, чѣмъ разумные люди награждаютъ пѣнія: Пролитіе безмолвныхъ слезъ принесетъ мнѣ гораздо болѣе чести нежели тебѣ пустая похвала.

Обезьяна.

Обезьяна видя нѣкогда мальчиковъ играющихъ искусно въ шашки, размативала всякое мѣсто съ такимъ вниманіемъ, что казалось какъ будто бы и сама играть умѣетъ. Иногда показывала она видъ неудовольствія, а иногда похваляла; то при выступкѣ одного по-

потряхивала головой, то похваляла другаго, когда онъ бралъ шашки.

Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ охотно желая обыграть другаго, размышлялъ долго, чтобъ искусно выступить; то обезьяна толкая его мигнула, чтобъ онъ выступалъ. Которой же шашкой выступить мнѣ, коли ты столь разумна? спросилъ ее мальчикъ, разсердившись; этой ли, или той, или сею, на которую я указываю пальцомъ? Обезьяна разсмѣхнулася, видя себя вопрошаемую, и при всякой шашкѣ мигая, желала симъ сказать *да*.

Нравоученіе.

Для испытанія премудрости тѣхъ, которые притворяются, какъ будто и они столько же разумѣютъ, сколько и ты, попроси у нихъ совѣту: ежели они скоропостижно отвѣчаютъ на всякой твой вопросъ *да*: то можешь ты вѣрно заключить, что они ничего не знаютъ.

СОКРА-

СОКРАЩЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

или

Собранїе Анекдотовъ Гна. Графа Сентъ П. . . . изъ ф. А. (*).

Какъ правитель хотѣлъ избавиться отъ кардинала Алберона, который много его безпокоилъ въ Испанїи.

То Аббатъ дю Буа извѣстясь отъ шпїоновъ своихъ о силѣ, каковою Лауръ имѣлъ надъ душею Королевы, вознамѣрился употребить оную на погубленїе Министровъ. Онъ велѣлъ давать

(*) Сїи сказанїя взяты изъ рукописнаго подлинника одного ученаго человѣка, весьма знающаго, который жилъ съ великою славою въ свѣтѣ, и который по своему состоянїю имѣлъ выгоду искать истину дѣлъ для исторїи, и который гораздо болѣе извѣстенъ по излишней своей вольности нежели по чрезмѣрному своему легковѣрїю.

давать Лаурѣ столько денегъ сколько ему угодно будетъ; корыстолюбїе соединенное съ ненавистью склонила его. Пятаго числа Декабря получилъ Алберонъ приказъ отъ Филипа V. выѣхать изъ Мадрита, а чрезъ недѣлю изъ владѣнїе его.

Алберонъ отправился съ неизчетнымъ богатствомъ . . . . два дни уже былъ онъ въ дорогѣ, какъ примѣтили что увезъ онъ съ собою завѣщанїе Карла II. опредѣляющее Филипа V. наслѣдникомъ Монархїи.

Надлежало употребить насилїя, чтобъ принудить его отдать сїе завѣщанїе. Ему конечно хотѣлось быть подъ покровительствомъ Короля, вручая ему сей драгоценный титулъ. Какъ Алберонъ долженствовалъ проѣзжать чрезъ Францїю, то Кавалеръ Марцїонъ получилъ повелѣнїе удержать его на границахъ, и не прежде того оставить какъ станутъ садится на корабль,

и не позволять, чтобъ по дорогѣ ему воздаваема была честь.

Кардиналъ пріѣхалъ въ Кармъ не смѣя подвергнуться Папскому гнѣву; а въ 1721 году по смерти Климента XI. былъ онъ въ Римѣ для избранія. Проѣзжая Францію осмѣлился онъ писать правителю, коего онъ негодованіе заслужилъ, и совѣтовалъ ему имѣть въ Испаніи войну наиопаснѣйшую. Правитель показалъ письмо, неудостоивъ его отвѣта.

Какъ Лудвигъ IV. удивлялся глупости посланника при его дворѣ, то сказалъ ему Графъ Грамонтъ: вы увидите, Ваше Величество, что это родня нѣкоторыхъ Министровъ.

Послѣ гогштетской баталіи Мальбрукъ узнавъ между ранеными воинами, солдата, коего онъ во время сраженія примѣтилъ, сказалъ ему:

ему : ежелибъ Господинъ твой имѣлъ много подобныхъ тебѣ солдатъ, то былъ бы непобѣдимъ. . . . Онъ не имѣетъ недостатка въ подобныхъ мнѣ солдатахъ, отвѣчалъ ему храброй сей человѣкъ, но въ такихъ Генералахъ, каковы вы.

Въ 1201 году, привезли на флотѣ Эзуитскому Генералу множество ящиковъ съ шоколадомъ. Тягость не соотвѣтствуя надписи, подала подозрѣнїе: открыли ящики и нашли золотыя шары, изъ коихъ сдѣлали деньги для платежа войска.

Какъ Лудвихъ XV. былъ боленъ оспою въ 1738 году, Октября 7, и курїеръ Французскїй опоздалъ однимъ днемъ въ Испанїю, то Филипъ V. думалъ, что Король, племянникъ его, умеръ. Тотчасъ велѣлъ собрать первое дворянство и объявилъ, что

онъ отправляется во Францїю съ вторымъ своимъ сыномъ, оставляя Испанскую корону Австрїйскимъ Принцамъ. Приказъ отданъ отправляться завтра; но курїеръ прїѣхалъ и увѣдомилъ о выздоровленїи Короля Французскаго.

Милордъ Эстеръ, Англинской посланникъ, осмѣлился нѣкогда при Гнѣ. Торсѣ, войти въ разговоръ о Лудвигѣ XIV, но сей сказалъ ему съ холодностїю: „ Господинъ посланникъ, покуда грубости ваши „ до меня только относились, я „ вамъ оныя для блага общества „ спустилъ, но коль скоро говоря „ со мною, вы не будете имѣть „ достодолжнаго къ Королю почтенїя, то я велю васъ вытолкать.

Сардинскїй Король, Викторъ Аледъ, сказывалъ одному изъ своихъ Министровъ еще при живѣ: „ Что „ духовной отецъ его, Езуитъ, „ будучи при смерти, просилъ его „ навѣ-

„ навѣстить себя, и что умирая „ говорилъ ему слѣдующее: Ваше „ Величество, ваши милости ко мнѣ „ безмѣрны, и для того хочу дока- „ зать вамъ мою благодарность. Не „ имѣйте духовниками Езуитовъ. „ . . . Болѣе меня не спрашивайте, „ я отвѣчать вамъ не стану.

По смерти Лувуа, Король послалъ за Шаттелѣемъ, и давалъ ему мѣсто военнаго Секретаря, хотя Барбезїе его и пережилъ. Онъ, поблагодаривъ Короля, сказалъ: „ Ежели Ваше „ Величество не изволите дать „ мѣсто сыну, то прошу васъ „ оное кому другому, кромѣ меня „ отдать, кто бы могъ мнѣ, въ „ платьѣ, снятомъ съ отца друга „ и благодѣтеля моего, наслѣдовать.

Принцъ Оранскїй, будучи еще *Штатгальтеромъ*, присудствуя при представленїи оперы, *приступъ*, которой былъ ему въ по-

хвалу сдѣланъ, выслушавъ мысли сочинителя, сказалъ: „ выгоните „ сего мошенника, не уже ли онъ „ меня почитаетъ за Французскаго „ Короля?

Принцъ Евгенїй, послѣ Вихштедской побѣды, позвалъ всѣхъ Французскихъ плѣнниковъ смотрѣть оперу, вмѣсто которой велѣлъ пѣть пять прологовъ въ похвалу Лудвигу XIV. „ Вы видите, „ сказалъ онъ, Государи мои, что „ я люблю слушать похвалы Господина вашего.

Ежегодное жалованье, которое давалъ Лудвикъ XIV. ученымъ людямъ простиралось до 66300 ливровъ, которыхъ 14000 опредѣлены были Иностраннымъ.

Всѣ, получавшїе таковыя деньги, признали безъ дальныхъ околичностей и назвали сего Государя

Лудви-

Лудвикомъ Великимъ. Тимбалы не дорого стоятъ.

Каждый очень дивился, видя, что послѣ смерти Лудвика XIV. ругали перваго Месменскаго Президента; смѣялись также и тому, что трое или четверо изъ знатныхъ судей носили глубокїй по его величествѣ трауръ.

Герцогъ И * * * Президентъ въ совѣтѣ государственныхъ доходовъ, сказалъ нѣкогда при всемъ собранїи и въ присудствїи Министра Рулье де Кудре, члену сего совѣта, честному чоловѣку, а великому пьяницѣ: Г. Рулье, тутъ есть бутылочка... Можетъ статься, г. Герцогъ, отвѣчалъ Рулье, но тутъ не бываетъ никогда чарочка вина.

Нѣкогда откупщики предложили Рулье реэстръ соучастниковъ своихъ, для которыхъ были мѣста

 пустыя

пустыя. Онъ спросилъ о причинѣ сего. Они ему отвѣчали, что онъ самъ путь можетъ располагать по своей волѣ. „ Но ежели я съ вами „ стану дѣлиться, сказалъ онъ, „ то какъ мнѣ будетъ мож„но васъ повѣсить, когда вы ока„жетесь мошенниками.

Графъ Стеръ, посолъ въ Англіи, узнавши, что претендентъ долженъ былъ выѣхать изъ Шалье, гдѣ онъ таился, чтобъ прибыть въ Британіе, и потомъ поплыть въ Шотландію, чтобъ тамъ принять команду надъ своею партіею, просилъ Министра удержать сего Князя, который ѣхалъ въ замокъ Тіерри.

Министръ, желая подкрѣплять возмущенія Шотландіи, вмѣстѣ и показать свою ревность къ Королю Георгу, приказалъ въ присудствіи посла, гвардіи маіору Контадалу, ѣхать къ замку Тіерри и захва-

тить на дорогѣ бунтовщика. Контадалъ, остроумный человѣкъ, угадавши намѣреніе Министра, поѣхалъ 3 Октября, 1715 года, вознамѣрясь не найти Претендента. Стеръ, мало полагаясь на представленіе Министра, вознамѣрился избавить отъ всѣхъ беспокойствъ Короля Георга злодѣяніемъ. Онъ приказалъ Дугласу, Ирландскому Полковнику, во Французской службѣ, засѣсть съ тремя убійцами въ Нанакуртѣ. Пріѣхавши туда, спросили они скоропостижно: не пріѣхала ли тутъ почтовая коляска, которую они описали, и изъявили свое подозрѣніе тамошней содержательницѣ почты, разумной и предпріимчивой женщинѣ... (Извѣстіе объ отъѣздѣ претендента распространилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ Бара.) Ревность сихъ курьеровъ, признанныхъ за Агличанъ, подала подозрѣніе, что они имѣютъ злыя намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ узнали,

 спустя

спустя нѣсколько времени послѣ того, что трое убїйцевъ Дугласовыхъ были самые отважные злодѣи, кои прежде своего отъѣзда изъ Лондона договорились, что ежели они будутъ пойманы и наказаны, то полученныя ими деньги отданы бы были ихъ женамъ.

Содержательница почты увѣряла ихъ, что не проѣзжало никакой коляски, и что не льзя было ей тутъ не остановиться.

Дугласъ, долго дожидаясь тщетно у дверей, пошелъ съ однимъ изъ своихъ слугъ на Британскую дорогу, а двухъ оставилъ въ домѣ.

Тогда посланъ былъ съ почты чрезъ заднїя вороты курьеръ на Парижскую дорогу во встрѣчу коляски, чтобы ее отвести къ одной изъ прїятельницъ хозяйки.

Въ то время какъ одинъ слуга Дугласовъ легъ отдыхать, другїй караулилъ у дверей. Хозяйка велѣла одному вѣрному почтарю напоить его допьяна: тогда она заперла спящаго,

щаго, и послала къ судьямъ и приставамъ о томъ объявить: обоихъ сихъ Агличанъ задержали, которые требовали своего посла, на что ответствовано было, что до техъ поръ они останутся въ темнице покаместъ узнаютъ, что они точно принадлежатъ послу.

Между темъ прїехалъ и претендентъ: онъ былъ отведенъ въ домъ, назначенный ему хозяйкою, которая тотчасъ поехала его уведомить о всемъ произшедшемъ. Сей Князь, исполненный благодарностїю, не скрылъ отъ нее своего имяни, и остался скрываться въ Попанку, ожидая принятїя нужныхъ меръ противъ техъ, кои не задержаны.

Дугласъ уведомленный о всемъ произшедшемъ, скоро возвратился въ Парижъ.

Спустя несколько дней после того претендентъ уехалъ, переодевшись въ платье духовнаго, въ коляске, которую ему доставила избавительница его.

Принцъ отдалъ ей письмо къ Королевѣ Британской, которой она дала знать о приключенiи въ Сентъ-Гералентѣ.

Сiя Княгиня подарила ей свой портретъ; Принцъ также, поелику состоянiе матери и сына не дозволяло имъ прислать иныхъ знаковъ благодарности.

Добрая хозяйка довольствуясь, что сдѣлала такую услугу, не просила ничего отъ Министра за свои издержки.

Она двадцать пять лѣтъ госпожею у почты была, которую и теперь правитъ ея сынъ.

Предерзскiй Стеръ для прикрытiя своего преступленiя, былъ еще столько безстыденъ, что началъ говорить о задержанiи своихъ убiйцевъ, какъ о неправомъ дѣлѣ; Министръ далъ ему знать, сколько нужно было для его званiя молчать; и онъ повиновался.

Герцо-

Герцогиня Берри, скуча носить трауръ по Лудвикѣ XIV. принудила Министра уменьшить до половины оной при случаѣ смерти Королевы Шведской.

Италїанскїе комендїанты, которые выгнаны были по причинѣ комедїи: *ложной прудъ*, которую приписала публика госпожѣ де Менстепонъ, возвратились опять назадъ въ 1716 году подъ названїемъ комедїантовъ Министра, и подъ надзирательствомъ Рулье де Кудре, и не завися отъ первыхъ дворянъ.

Когда Царь *Петръ* былъ во Францїи, то онъ очень мало занимался веселостями, и упражнялся только въ полезныхъ вещахъ. Онъ очень былъ чувствителенъ къ одной забавѣ, которою ему сдѣлалъ Герцогъ д' Атинъ, когда онъ нашелъ въ залѣ подъ балдахиномъ портретъ

Царицинъ. Не меньше также того радовался онъ, когда ему принесли его портретъ на медали.

Разсмотрѣвши силу и проворное дѣйствїе преса, онъ началъ вмѣстѣ съ работниками приводить его въ движенїе, чтобы изваять медаль. . . . Но какое было его удивленїе, когда увидѣлъ выходящїй изъ угла свой портретъ, превосходный въ разсужденїи подобїя и искуства всѣхъ выбитыхъ для него медалей. Онъ равно былъ доволенъ и оборотомъ; тамъ означена была слава, преходящая отъ сѣвера къ югу, съ сею надписью: *vires acquirit eundo*, т. е. *идучи прїобрѣтаетъ силы.*

Онъ оказалъ великое желанїе сдѣлать съ Французами дружескїй союзъ: но сїе не согласовалось съ политическимъ планомъ Кардинала Дюбуа.

Карди-

Кардиналъ Алберони, во время болѣзни Испанскаго Короля, приказалъ Швейцару той комнаты не впускать Маркиза Виллена, Каммертера, котораго должность была присудствовать при приуготовленіи и учрежденіи всѣхъ лѣкарствъ.

Какъ Маркизъ пришелъ для отправленія своей должности, то швейцаръ затворяя двери, объявилъ ему полученное отъ Кардинала приказаніе. Маркизъ, услыша то, называетъ его предерзскимъ, отталкиваетъ дверь и приближается къ Королевской постелѣ, который его не примѣтилъ. Коль скоро Алберони увидѣлъ Маркиза, то подошедъ къ нему хотѣлъ его вывести, и прогнать его силою. Вилленъ, сражаясь съ Кардиналомъ, упадаетъ въ креслы, схватываетъ Кардинала за рукавъ и бьетъ его тростью по ушамъ и по спинѣ, называя его дуракомъ и шутомъ, которому онъ даетъ знать о почтеніи, какимъ

онъ

онъ ему обязанъ. Напослѣдокъ Кардиналъ вырывается изъ рукъ Маркизовыхъ, и идетъ къ кровати Короля. Королева же, по почтенiю къ нимъ, а придворные по нѣкоторому тайному удовольствiю, не вышли изъ своихъ мѣстъ. Но едва Маркизъ прiѣхалъ домой, то и получилъ приказанiе возвратиться въ свои деревни.

П. П. Кардиналъ не смѣлъ на него жаловаться, опасаясь обнародывать сiе приключенiе, которое и безъ того не было тайно.

Герцогиня Берри осмѣлилась принять Венецейскаго посланника, сидя въ креслахъ на возвышеномъ, тремя ступенями, мѣстѣ. Удивленный посолъ, поклонился ей, обратился и вышелъ вонъ, не сказавши ни слова. Въ тотъ же самый день собралъ онъ иностранныхъ Министровъ,

стровъ, и всѣ они объявили, что никто изъ нихъ опять не поѣдетъ къ Герцогинѣ.

Пекоилъ, которой собралъ великїя богатства, бывши при таможняхъ, и радѣлъ только о скопленїи своихъ сокровищъ, велѣлъ здѣлать въ самомъ отдаленнѣйшемъ мѣстѣ дома погребъ съ тремя дверьми, изъ которыхъ последняя была желѣзная.

Онъ ходилъ иногда въ сей погребъ любоваться зрѣлищемъ своихъ богатствъ; и хотя онъ дѣлалъ сїе, сколько ему можно было тайнѣе, однакожъ о томъ спознали его жена и сынъ.

Нѣкогда пошелъ онъ туда оченъ рано, и всѣ думали, что онъ сошелъ со двора: ибо не возвращался до вечера; приказавши же на другой денъ разломать переднїя двери и отперетъ желѣзную, отъ коей

ключь

ключь въ ней оставленъ былъ, нашли нещастнаго старика лежащаго между своими сундуками. Его руки были изгрызены, а подлѣ него стоялъ фонарь, въ коемъ свѣча погасла.

Его жена выѣхала скоро изъ Лїона, гдѣ происходило сїе явленїе, и поселилась въ Парижѣ съ своимъ сыномъ, который женился на дочери де ле Жандробой, изъ Руана, и купилъ себѣ рекетмейстерской чинъ. Онъ оставилъ только одну дочь, которая вышла за Герцога Бриссана, которой есть старшей братъ нынѣ царствующаго.

Когда Лавъ сдѣлался Католикомъ, то онъ былъ испытуемъ и назначенъ Генералъ-Контролеромъ.

Принцъ Конти послалъ къ нему въ банкъ просить о присланїи ему заплаты толь великаго множества билетовъ, что къ нему привезли

цѣлыя три фуры, наполненныя серебромъ.

Лавъ жаловался на то Регенту, которой язвительной выговоръ сдѣлалъ Принцу.

Когда Трїульской Кардиналъ умеръ въ Римѣ и оставилъ Камбрїйское Архїепископство праздным, то Дебра безстыдно просилъ оное для себя у Регента.

И дабы завести объ ономъ разговоръ, то сказалъ онъ нѣкогда сему Государю, „ мнѣ приснилось, Го„ сударь, въ нынѣшнюю ночь, будто „ бы я былъ Камбрїйскимъ Архїепи„ скопомъ. „ Регентъ смотря на Дюбуа съ презрѣнїемъ, отвѣчалъ ему: тебѣ весьма смѣшные сны снятся. — А почемужe? не можетели вы и меня также сдѣлать Архїепископомъ, какъ и другаго? Тебя Архїепископомъ? Боже мой! Тогда Дюбуа изчислилъ ему всѣ

 укра-

украшенія, которыя онъ и Теліеръ сдѣлали въ церкви.

Регентъ, прискучившись его повѣствованіемъ и утружденный его неотвязностію, сказалъ ему: но ты освященъ? . . . и кто другой освященный захочетъ тебя посвящать? — О! естьли за этимъ только стало, Государь, то дѣло мое сдѣлано: Святитель мой совсѣмъ готовъ; онъ вашъ первый раздаватель милостыни, и притомъ Реймейской Архіепископъ, онъ въ вашей передьней, и весьма будетъ радъ преимуществу сему: я къ вамъ тотъ часъ его приведу.

Въ самую ту минуту вышелъ въ передьнюю, расказать Трезану о той милости, которую онъ себѣ испросилъ, и о желаніи, которое имѣлъ Регентъ, что бы Трезанъ былъ хранителемъ оныя. Сей согласился на то; Дюбуа беретъ его за руку, представляетъ Регенту, и удвояетъ свою благодарность. Трезанъ

занѣ прибавляетѣ похвалы кѣ предмѣту оныя. Регентѣ ничего не отвѣтствуетѣ; между тѣмѣ Дюбуа выходитѣ, и обнародываетѣ, что онѣ пожалованѣ Камбрійскимѣ Архіепископомѣ, надѣясь тѣмѣ отвратить всякую другую прозьбу. Потомѣ написалѣ кѣ Нериколѣту Деступу, котораго оставилѣ онѣ вѣ Лондонѣ вѣ мѣсто себя для исправленія дѣлѣ, чтобы онѣ побудилѣ Короля Георгія, просить у Регента Камбрійское Архіепископство для Министра, который былѣ виновникомѣ сего союза при семѣ предложеніи. Англинскій Король разсмѣявшись, сказалѣ Деступу: возможно ли протестантскому Государю стараться о производствѣ Французскаго Архіепископа? . . . Регентѣ конечно будетѣ сему смѣяться и ничего не сдѣлаетѣ. „ Извините „ меня, Ваше Величество, отвѣт„ ствовалѣ Деступѣ, хотя онѣ „ и будетѣ сему смѣяться; но „ также и по прозбѣ вашей сдѣ-

 лаетѣ

„ лаетъ желаемое; и вдругъ поднесъ „ ему письмо весьма важное и совсѣмъ „ написанное. „ Когда это тебѣ „ причиняетъ удоволствїе, сказалъ „ ему Монархъ, то пусть такъ; „ и подписалъ письмо.

П. П. Кажется, что Регентъ, какъ будто бы игралъ комедїю, когда оказывалъ несогласїе свое на повышенїе Абата Дюбуа въ Архїепископы въ Камбрѣ; потому что въ самое то время старался онъ доставить ему Кардиналскую шапку, и писалъ о томъ къ Папѣ.

Требователь Кардиналскаго чина, бывшей тогда въ Римѣ, въ такомъ находился страхѣ, что уступалъ право свое Дюбуа, естли онъ ему токмо заплатитъ своимъ жалованьемъ обѣщанно ему Регентомъ: да и Абатъ не захотѣлъ принять сего права, которое бы его довѣренности у Короля Георгїя было лишено. Онъ предпочелъ лучше симъ отказомъ чинится достойнѣе его старатель-

ства

ства у Регента. Король Георгій просилъ объ немъ Регента, и побудилъ самаго Императора къ тому: ибо онъ былъ у него въ великой довѣренности.

сп
Онъ
чині

ЦЕНТР. РЕСТ. МАСТ.
193 г.

